

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА**

Том 25 № 2 (2017)
DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-2
<http://journals.rudn.ru/economics>

Научный журнал
Издается с 1993 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Рязанцев С.В., доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН, заведующий Центром социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН, член-корреспондент РАН

Заместитель главного редактора

Маньшин Р.В., кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН

Ответственный секретарь

Лукьянец А.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН

Члены редакционной коллегии

Бруно Серджио — доктор наук, профессор Университета Мессина (Мессина, Италия), исследователь Дэвис центра российских и евразийских исследований Гарвардского Университета (Кембридж, США)

Гишар Ж.П. — профессор факультета права и политических наук Университета Нишсы София-Антиполис (Ницца, Франция)

Грей Россарин Суттинонг — доктор наук, профессор, директор Института населения и социальных исследований Университета Махидол (Бангкок, Таиланд)

Гусаков Н.П. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений экономического факультета РУДН (Москва, Россия)

Давыдов В.М. — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института Латинской Америки (Москва, Россия)

Де Конти Бруно Мартаделло — доктор наук, профессор Университета Кампинас (Кампинас, Бразилия)

Доброхлеб В.Г. — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (Москва, Россия)

Инглис Кристине Бренда — доктор наук, профессор Университета Сиднея (Сидней, Австралия)

Понцев В.А. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Кумо Казухиро — доктор наук, профессор Института экономических исследований Университета Хитотцубаши (Токио, Япония)

Мазырин В.М. — доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН (Москва, Россия)

Мартин Филипп — доктор наук, профессор, директор Гиффорд центра исследований населения Университета Калифорния-Дэвис (Дэвис, США)

Марушиакова Елена — доктор наук, профессор, Институт этнологии Болгарской академии наук (София, Болгария)

Мосейкин Ю.И. — доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

Реджепаджич С. — профессор-исследователь, заместитель директора Института экономики Сербии (Белград, Сербия)

Родионова И.А. — доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики и географии экономического факультета РУДН (Москва, Россия)

Стрыжкович Т. — профессор, директор Института социально-экономической географии и пространственного менеджмента Университета Адама Мицкевича (Познань, Польша)

Сутырин С.Ф. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Пизарро С.А. — доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса (Буэнос-Айрес, Аргентина)

Порфирьев Б.И. — академик РАН, доктор экономических наук, руководитель лаборатории анализа и прогнозирования природных и техногенных рисков экономики Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Топилин А.В. — доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Института макроэкономических исследований Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ (Москва, Россия)

Турну Надине — доктор наук, профессор, директор Института администрации предприятий Университета Нишсы София Антиполис (Ницца, Франция)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

ISSN 2408-8986 (online); ISSN 2313-2329 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цель и тематика

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика — это научный журнал общезакономерного содержания, где публикуются статьи теоретической и практической направленности. Целями журнала являются публикация статей российских и зарубежных исследователей по актуальным проблемам развития российской и мировой экономики, формирование научного сообщества экономистов, повышение научной активности сложившихся и молодых ученых РУДН и других вузов.

В журнале публикуются статьи, которые направлены на достижение следующих целей: проведение экономического анализа по современным вопросам макро- и микроэкономики; осмысление опыта решения важнейших социально-экономических вопросов в различных регионах и странах мира, поощрение дискуссий и обмена мнениями в области современной экономической науки.

Основные рубрики журнала включают в себя:

- вопросы экономической теории;
- продвижение экономических реформ в России и других странах СНГ;
- экономическая интеграция и глобализация;
- экономика развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- экономика отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры и прикладные исследования;
- рецензии и др.

Основная аудитория журнала — профессиональные экономисты, преподаватели, аспиранты вузов, руководители федеральных и региональных органов власти, представители бизнеса.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/economics>

Электронный адрес: vestnik_rudn_ec@yahoo.com

Редактор: *М.П. Малахов*
Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Экономика»:

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 438-83-65; e-mail: econjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 15.10.2017. Выход в свет 30.10.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 10,97. Тираж 500 экз. Заказ № 601. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

VOLUME 25 NUMBER 2 (2017)
DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-2
<http://journals.rudn.ru/economics>
Founded in 1993

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Bruno Sergio — Doctor of economics, professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia, Director of the Centre of Socio-political Research of the Russian Academy of Sciences, Corresponding member of Russian Academy of Sciences

DEPUTY OF THE EDITOR-IN-CHIEF

Manshin R.V. Candidate of sciences (Economics), Associate Professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Lukyanets A.S. Candidate of sciences (Economics), Associate Professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

EDITORIAL BOARD

Bruno Sergio — Doctor of economics, Professor of political economy University of Messina (Messina, Italy), Researcher Davis Center for Russian and Eurasian Studies Harvard University (Cambridge, USA)

Guichard, Jean-Paul — Professor of economics, Department of Law and Political Sciences, University of Nice Sophia-Antipolis (Nice, France)

Gray Rossarin Sootipong — Doctor of economics, Associate Professor, Deputy Director of the Institute for Population and Social Research (IPSR), Mahidol University (Bangkok, Thailand)

Goussakov N.P. — Doctor of economics, head of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

Davydov V.M. — Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Institute for Latin America of the Russian Academy of Sciences

De Conti Bruno Martarello — Doctor of economics, Professor, Institute of Economics of the University of Campinas (Campinas, Brazil)

Dobrokhleb V.G. — Doctor of economics, Professor, The Institute of Social and Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences

Inglis Christine Brenda — Doctor of economics, Associate Professor of the University of Sydney (Sydney, Australia)

Iontsev V.A. — Doctor of economics, Professor, Higher School of Modern Social Sciences of the Lomonosov Moscow State University

Kumo Kazuhiro — Doctor of economics, Professor of the Institute of Economic Research, Hitotsubashi University (Tokyo, Japan)

Mazyrin V.M. — Doctor of economics, Professor, Head of the Centre of Vietnamese and ASEAN Studies of the Institute for Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences

Martin Philip — Doctor of economics, Professor, Head of the Gifford Center for Population Studies of the University of California-Davis (Davis, USA)

Marushiakova Elena — Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Ethnology and Folklore of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Moseikin Y.N. — Doctor of economics, Professor, Dean of the Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

Redžepagić, Srdjan — Doctor of economics, research professor, deputy director of the Serbian Academy of Sciences (Belgrade, Serbia)

Rodionova I.A. — Doctor of geography, professor of the Department of Regional Economics and Geography, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

Stryjakiewicz, Tadeusz — full professor, director of the Institute of Socio-Economic Geography and Spatial Management, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poznan, Poland)

Sutyirin S.F. — Doctor of economics, Professor, head of the Department of World Economy, Faculty of Economics, St. Petersburg State University

Pizarro Cynthia Alejandra — independent researcher, Technical and Scientific Research Council, Professor of Anthropology, School of Agriculture, University of Buenos Aires (Buenos Aires, Argentina)

Porfiriev B.N. — Academician, full member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director and Head of the Laboratory for analysis and forecasting of natural and technological risks to economic development in the Institute of Economic Forecasting, Russia Academy of Sciences

Topilin A.V. — Doctor of economics, Professor, Institute of Macroeconomic Research Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic development of the Russian Federation

Tournois Nadine — Doctor of economics, Professor, Director of the Institute of Business Administration, University of Nice Sophia-Antipolis (Nice, France)

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS.
Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2408-8986 (online); ISSN 2313-2329 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

The journal is presented on the sites of Peoples' Friendship University of Russia, Facebook, Mendeley, in the database of Russian Science Citation Index.

Aim and Scope

RUDN Journal of Economics is a general-interest economic journal, which publishes papers of theoretical, empirical and practical issues.

The goals of the journal are publication of papers of Russian and foreign authors on topical questions of national and world economic development, as well as building-up of academic economic society, increasing of scientific activity of senior and young researchers from Peoples' Friendship University of Russia (PFUR) and other higher institutions.

The journal aims to publish articles that will serve several goals: to provide economic analysis in the field of macro- and microeconomics and finance; to integrate lessons learned from different regions and countries experience in tackling socio-economic problems; to encourage cross-fertilization of ideas among the fields of economic thinking.

Main subject fields of the journal include:

- questions of economic theory;
- economic reforms in Russia and Commonwealth countries;
- economic integration and globalization;
- developed and developing countries economy;
- monetary and financial questions;
- industrial organization markets
- questions of management and marketing;
- interdisciplinary research;
- methodology of teaching economic subjects;
- economic reviews and applied research;
- books' reviews and oth.

Main audience of the journal — professional economists, high school teachers, post-graduate students, representatives of federal and municipal government bodies as well as business leaders.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>

E-mail: vestnik_rudn_ec@yahoo.com

Editor *M.P. Malakhov*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Series "Economics":
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 438-83-65;
e-mail: econjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Диабатэ В., Холина В.Н. Региональная интеграция в Африке: динамика внутрорегиональной торговли в 1990—2015 гг.	159
Ганеева М.В. Внутренние угрозы экономической безопасности Евразийского экономического союза	168
Bou Diab Anis Nabih, Takieddine Abir Riad. The Influence of Globalization on Higher Education and the Potentials of Lebanon (Влияние глобализации на высшее образование и потенциал ливанцев)	178
Шкваря Л.В. Российско-европейские инвестиции: динамика и структура в условиях санкций	189

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Пичков О.Б. История борьбы с бедностью в Великобритании.....	199
Завьялова Е.Б. Теоретические основы социальной ответственности бизнеса	209
Балашова С.А., Нахатакян Е.О. Систематизация подходов к оценке социально-экономического развития стран по индексу благосостояния.....	219

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ БИЗНЕСА

Бекренев И.В., Лозовская Я.Н. Методические аспекты формирования адаптивного механизма устойчивого развития предприятия на основе целевого комплексного подхода	233
Ариничев И.В., Богдашев И.В. Оценка риска банкротства субъектов малого предпринимательства на основе методов машинного обучения	242
Чапанова М.А. Особенности оценки кредитоспособности исламских страховых компаний рейтинговыми агентствами	255

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЫНОК ТРУДА И МИГРАЦИЯ

Villen P. Immigrant labour in Brazil (2007—2015): the legal and the undocumented circuits (Труд иммигрантов в бразилии (2007—2015): законные и незаконные схемы).....	263
Nguyen Tuan Anh. Labor Migration flows from Vietnam to Thailand in the context of ASEAN regional integration (Потоки трудовой миграции из Вьетнама в Таиланд в контексте региональной интеграции АСЕАН).....	275

CONTENTS

GLOBALIZATION AND ECONOMIC INTEGRATION

Diabate V., Kholina V.N. (Moscow, Russia) Regional Integration in Africa: Dynamics of Intra-Regional Trade 1990—2015.....	159
Ganeeva M.V. (Moscow, Russia) Internal threats to economic security of the Eurasian Economic Union.....	168
Bou Diab Anis Nabih (Aley, Lebanon), Takieddine Abir Riad (Aley, Lebanon) The Influence of Globalization on Higher Education and the Potentials of Lebanon.....	178
Shkvarya L.V. (Moscow, Russia) Russian-European investments: dynamics and structure in terms of sanctions.....	189

ECONOMIC GROWTH AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Pichkov O.B. (Moscow, Russia) History of Poverty Reduction Initiatives in Great Britain.....	199
Zavyalova E.B. (Moscow, Russia) Theoretical approach to the socially orientated business policy.....	209
Balashova S.A. (Moscow, Russia), Nakhatakyan E.O. (Moscow, Russia) Systematization of the approaches assessing socio-economic development of the countries by using welfare index.....	219

APPROACHES TO EVALUATION OF BUSINESS EFFICIENCY

Bekrenev I.V. (Moscow, Russia), Lozovskaya Y.N. (Moscow, Russia) Methodical Aspects of Formation of the Adaptive Mechanism of Sustainable Development of the Enterprise on the Basis of a Target Integrated Approach.....	233
Arinichev I.V. (Krasnodar, Russia), Bogdashev I.V. (Krasnodar, Russia) Estimation of Bankruptcy Risk of Small Business Companies Basing Methods of Machine Learning.....	242
Chapanova M.A. (Moscow, Russia) Features of credit rating assessment of Islamic Insurance companies by rating agencies.....	255

INTERNATIONAL LABOR MARKET AND INTERNATIONAL MIGRATION

Villen P. (Campinas, Brazil) Immigrant labour in Brazil (2007—2015): the legal and the undocumented circuits.....	263
Nguyen Tuan Anh (Hanoi, Vietnam) Labor Migration flows from Vietnam to Thailand in the context of ASEAN regional integration.....	275

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-2-159-167

УДК 339.924

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В АФРИКЕ: ДИНАМИКА ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ 1990—2015 ГГ.

В. Диабатэ, В.Н. Холина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Россия, Москва, 117198

В статье рассматривается динамика внутрирегиональной торговли стран Африки под влиянием интеграционных процессов за последние 25 лет. На основании анализа региональной и товарной структуры экспорта и импорта, выявлено, что несмотря на снижение доли стран Африки в мировой торговле, происходит рост внутрирегионального товарооборота большинства региональных интеграционных объединений. Товарная структура внутрирегионального товарооборота семи ключевых интеграционных объединений Африки более диверсифицирована, чем в международной торговле.

Ключевые слова: Африка, региональная интеграция, внутрирегиональная торговля, товарооборот

Введение

Интеграционные процессы в развивающихся регионах идут в русле глобальных тенденций мирового экономического развития, определяются потребностями национальных хозяйств. Интеграция в Африке — наиболее отсталом в социально-экономическом отношении регионе мира — началась после получения независимости и протекает быстрыми темпами: практически каждая страна является «де-юре» участником нескольких интеграционных объединений (Курбанов Р.А., 2016). Внутрирегиональная торговля служит важным индикатором реального уровня развития интеграционных процессов.

Хирата Х. и Кёсе М.А. (Хирата Х., Кёсе М.А., Отрок К., 2013) предполагали, что количество региональных соглашений в ближайшие годы будет увеличиваться. По данным Всемирной торговой организации, за 1960—2015 гг. было нотифицировано свыше 400 различных соглашений о региональной экономической интеграции, причем 90% из них — за 1992—2014 гг. Важность регионального сотрудничества и экономической интеграции для ускорения и укрепления социально-экономического развития уже давно признаны африканскими политиками (Холина В.Н., 2012). Подтверждением этого может служить создание Африканского Союза (в 1963—2002 гг. — Организация Африканского Единства), для политической и экономической интеграции стран региона, мирного решения конфликтов, содействия развитию и повышению уровня жизни (Шкваря Л.В., 2011).

Обзор литературы

Изучение интеграционных процессов занимает видное место в современной экономической науке. Значительный вклад в изучение интеграционных процессов в мире внес Баласса Б. (Balassa B., 1961), который выделил последовательные и взаимосвязанные этапы интеграционных процессов (зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз). Достижение высшей степени интеграции предполагает унификацию валютного, налогового и социального законодательства, проведение общей экономической политики, что предполагает наличие наднационального органа, решения которого являются обязательными.

В изучение интеграции в Африке вклад внесли такие зарубежные и российские ученые как Гбетнком Д. и Авом Д. (Gbetnkom D. et Avom D., 2005), Кассе М. (Kasse M., 2003), Махамат А. (Mahamat A., 2005), Отру А.Х. (Otrou A.H., 2007), Свалех И. (Swaleh I., 2011), Уане А.А. (Wane A.A., 2004), Васильев А.М. (Васильев А.М., 2003) и др.

В исследовании Адедежи А. (Adedeji A., 2002), региональная интеграция трактуется как основа для устранения препятствий на пути внутриафриканской торговли, ведущая к созданию более крупных региональных рынков, которые могут реализовать эффект масштаба и повысить конкурентоспособность национальных экономик. По данным ряда авторов в 1960—1980-е гг. было инициировано около 200 межправительственных инициатив, касающихся секторального экономического сотрудничества, а также более 120 двусторонних или многонациональных инициатив в Африке (Потемкин Ю.В. и др., 2003).

Гбетнком Д. и Авом Д. (Gbetnkom D. et Avom D., 2005) использовали гравитационную модель для оценки детерминантов внутрирегиональной торговли в Западноафриканском экономическом и валютном союзе (ЗАЭВС); особое внимание уделено воздействию экономических реформ 1980—1990-х гг. Модель применялась для периодов 1990—1994 гг. и 1996—2000 гг., на выборке из 25 государств-экспортеров и 31 стран-партнеров. Полученные результаты свидетельствуют о том, что региональная интеграция существенно увеличивает торговый обмен между государствами-членами в ЗАЭВС.

В своей книге Кассе М. (Kasse M., 2003) анализирует опыт и уроки функционирования ЗАЭВС, он считает, что преимущества зоны франка в интеграции являются заметными: единая денежная система, свободное передвижение капитала, механизмы сотрудничества, общее институциональное и административное наследие. Все эти положительные факторы ведут к расширению субрегионального рынка и обеспечению устойчивого роста.

Методы и подходы

Цель работы — оценка динамики развития внутрирегиональной торговли главных интеграционных группировок Африки.

Для достижения этой цели были решены следующие задачи: рассмотрены этапы интеграционных процессов в Африке, и изучена внутрирегиональная тенденция развития ключевых интеграционных объединений, выявлены типы интегра-

ционных объединений по особенностям развития внутрирегиональной торговли и товарной структуры, выявлены закономерности и перспективы развития.

На основании изучения отчетов международных организаций и научной литературы были выявлены этапы развития интеграции в Африке, ключевые интеграционные объединения и барьеры, влияющие на развитие региональной торговли в Африке. На основе базовых экономических показателей была охарактеризована товарная и географическая структура внутрирегиональной торговли. Анализ проводится по годовым данным в период 1990—2015 гг. базы данных Экономической комиссии ООН для Африки (UNECA), Организации ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Всемирной торговой организации (Commission économique des Nations Unies pour l'Afrique, Conférence des Nations Unies sur le Commerce et le Développement, World Trade Organization).

В процессе исследования были использованы аналитические и иные методы исследования — логический и сравнительный анализ, обобщения и статистической обработки данных, графических изображений, системного подхода.

Результаты

Этапы интеграционных процессов в Африке. С начала процесса деколонизации в 1960-х гг. идея региональной интеграции была частью более широкой идеи о интеграции континентальной, что уходит своими корнями в panaфриканское движение (Костюнина Г.М., 2016). К 2016 г. в Африке существовало 14 интеграционных региональных экономических объединений. Семь из них — Союз арабского Магриба (UMA), Общий рынок Восточной и Южной Африки (COMESA), Сообщество Сахеля и государств Сахары (CEN-SAD), Экономическое сообщество государств Центральной Африки (CEEAC), Экономическое сообщество государств Западной Африки (CEDEAO), Межправительственный орган по вопросам развития (IGAD), Сообщество по вопросам развития Юга Африки (SADC), исходя из их роли в экономике и торговле, выделены авторами как основные. Такие интеграционные объединения как Центральноафриканское Экономическое и валютное сообщество (CEMAC), Восточно-Африканское Сообщество (EAC), Экономическое сообщество стран Великих озер (CEPGL), Комиссия по Индийскому Океану (COI), Союз реки Мано (MRU), Южноафриканский таможенный союз (SACU), Западноафриканский экономический и валютный союз (UEMOA) играют менее значимую роль в экономическом развитии Африки. Из 53 африканских стран, 27 являются членами двух региональных группировок, 18 входят в три группировки, и одна страна — член четырех группировок. В 1991 г. в г. Абуджа (Нигерия) был подписан Договор о создании Африканского экономического сообщества. Договор предусматривает, что именно эти 14 субрегиональных объединения станут основой для строительства единого Африканского экономического сообщества, переход к которому должен проходить в шесть этапов на протяжении 34 лет (Маценко И.Б., 2005).

Таким образом, к 2015 г. в ключевых интеграционных объединениях должны были быть созданы зоны свободной торговли или таможенный союз. Однако результаты остаются противоречивыми. Союз арабского Магриба, Сообщество

Сахеля и государств Сахары и Межправительственный орган по вопросам развития еще не достигли намеченного; Сообщество по вопросам развития Юга Африки находится на стадии открытия зоны свободной торговли; Общий рынок Восточной и Южной, Экономическое сообщество государств Западной Африки и Экономическое сообщество государств Центральной Африки находятся на стадии создания таможенного союза. Для достижения целей, установленных по Договору Абуджа, правительствами, институтами должны разрабатываться определенные мероприятия, однако, в действительности в большинстве случаев процесс ограничивается политическими заявлениями или подписанием соглашений, которые потом не исполняются. Причины этого явления следующие.

Прежде всего, на континентальном уровне региональная интеграция в Африке характеризуется наличием множества региональных интеграционных инициатив и, следовательно, участием африканских стран в различных региональных торговых соглашениях между многими странами, входящими в несколько объединений. Такая ситуация служит барьером в процессе интеграции континента и вызывают неэффективную конкуренцию между странами и организациями. Наличие многочисленных объединений не позволяет государствам-членам соблюдать свои финансовые обязательства по отношению к региональным экономическим сообществам (интеграционным группировкам). Они затрудняют реализацию многочисленных программ в рамках Сообществ. Более того, национальная макроэкономическая политика различных стран, вовлеченных в процесс интеграции, нестабильна и противоречива; в большинстве стран отсутствуют национальные механизмы координации, осуществления и контроля программ интеграции; существует сложность включения целей, планов и интеграционных программ в национальные схемы развития (Родионова И.А., Монге Э., 2014). Наконец, возможности и ресурсы многих государств (34 из 53 стран континента относятся к числу наименее развитых) и экономических сообществ недостаточны для процесса интеграции.

Внутрирегиональная торговля ключевых интеграционных объединений: состояние и перспективы. За 1995—2015 гг. наблюдалось значительный рост внутрирегионального торгового оборота: в 4 раза — в Сообществе Сахеля и государств Сахары и Экономическом сообществе государств Западной Африки; в 5 раз — в Межправительственном органе по вопросам развития и Сообществе по вопросам развития Юга Африки. Наиболее значительный рост произошел в Общем рынке Восточной и Южной Африки и Экономическом сообществе государств Центральной Африки: торговый оборот соответственно увеличился в 7 раз (с 1,4 до 10 млрд долл. США) и в 9 раз (с 156 млн до 1,4 млрд долл. США); в Союзе арабского Магриба было незначительное увеличение торгового оборота (в 3 раза). Ситуация в Союзе арабского Магриба связана с тем, что в этой интеграционной группировке еще не реализована зона свободной торговли, и есть территориальные конфликты между странами-членами; в то время как другие интеграционные группировки уже создали зону свободной торговли. Наибольшая доля внутрирегиональной торговли (21%) была в Сообществе по вопросам развития Юга Африки (рисунк).

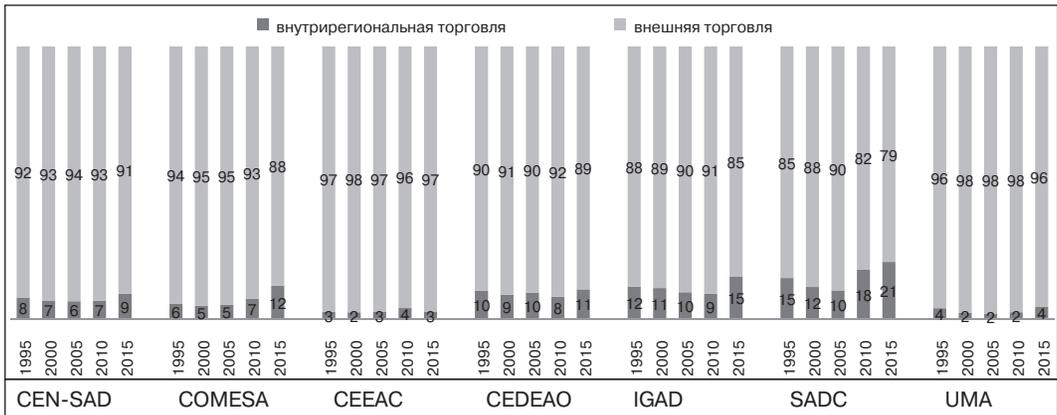

Рис. Структура торговли региональных экономических сообществ в 1995—2015 гг., %

[Fig. The structure of the trade of integration groupings, 1990—2015, %]

Источник: составлено автором по статистическим данным сайта ЮНКТАД.

[Source: Compiled by the author with the statistics of the site UNCTAD.]

По особенностям внутрирегиональной торговли авторами было выделено две группы региональных экономических обществ в период 1995—2015 гг.

Группа 1. К этой группе относятся Сообщество Сахеля и государств Сахары, Экономическое сообщество государств Центральной Африки, Экономическое сообщество государств Западной Африки и Союз арабского Магриба. Доля внутрирегиональной торговли в общем объеме торговли в этой группе осталась относительно неизменной — на уровне 8, 3, 10, 3%, соответственно. Это связано с тем, что все еще существуют барьеры на пути создания и / или функционирования свободного перемещения товаров и людей в этих объединениях; и что таможенный союз не начал действовать.

Группа 2. К ней относятся Общий рынок Восточной и Южной Африки, Межправительственный орган по вопросам развития и Сообщество по вопросам развития Юга Африки. Для этих группировок характерен рост доли внутрирегиональной торговли. Наибольший рост (от 6 до 12%) отмечен в Общем рынке Восточной и Южной Африки благодаря тому, что начал действовать таможенный союз с 2009 г. (см. рисунок).

За 1995—2015 гг. товарная структура внутрирегиональной торговли интеграционных группировок изменилась. По характеру динамики можно выделить два типа группировок.

Tun 1. К этому типу относятся интеграционные группировки, в которых доля одного товара преобладала в товарообороте. Так, в Сообществе Сахеля и государств Сахары, Экономическом сообществе государств Западной Африки, Союзе арабского Магриба, в структуре товарооборота преобладало минеральное топливо, смазочные масла (более 30%); в структуре товарооборота Сообщества по вопросам развития Юга Африки, преобладали машины и транспортное оборудование (более 20%).

Tun 2. К этому типу относятся интеграционные группировки, в которых изменился товар-лидер в структуре товарообороте. Так, в товарообороте Общего рынка Восточной и Южной Африки и Межправительственного органа по вопро-

сам развития в 1995 г. преобладали промышленные товары (доля более 30%), а в 2015 г. ведущую роль стали занимать пищевые продукты и живые животные (более 30%). Более 60% во внутрирегиональной торговле Сообщество по вопросам развития Юга Африки составляют продукция обрабатывающей промышленности, тогда как в других группах продукция сельского хозяйства и минеральное топливо — более 50%. Такая ситуация доказывает однотипную структуру хозяйства интеграционных группировок. И эта особая структура объясняет, что экономики стран этих интеграционных группировок друг друга не дополняют.

Заключение

Региональное сотрудничество и экономическая интеграция в Африке благоприятно сказывается на развитии внутрирегиональной торговли. Однако темпы реализации амбициозных планов, поставленных Абуджийским соглашением (1991 г.) по созданию единого Африканского экономического сообщества, отстают от намеченных. В значительной степени это связано с тем, что африканские страны одновременно являются членами нескольких интеграционных группировок, финансовые и технические проблемы. К 2015 г. только три интеграционные группировки (Общий рынок Восточной и Южной Африки, Экономическое сообщество государств Западной Африки и Сообщество по вопросам развития Юга Африки) из семи ключевых реализовали этап создания зоны свободной торговли. Таможенный союз тоже реализован только в трех (Общий рынок Восточной и Южной Африки, Экономическое сообщество государств Западной Африки и Экономическое сообщество государств Центральной Африки), но работает не так эффективно, как запланировано.

Все эти факторы свидетельствуют, что доля внутрирегиональной торговли интеграционных группировок в общем объеме торговли не превышает 21%, что связано с однотипной структурой хозяйства и с тем, что экономики стран этих объединения друг друга не дополняют. Тем не менее, тенденция к увеличению внутрирегиональной торговли оборота доказывает, что интеграция играет важную роль в торговле Африки, и служит очень важным фактором интеграции континента в мировую экономику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев А.М.* Африка — падчерица глобализации. М.: Восточная литература, 2003.
- Костюнина Г.М.* Интеграционные процессы в Африке: история и современный этап // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. Т. 2016. № 4. С. 34—50.
- Курбанов Р.А.* Африканская интеграция: теоретико-правовые аспекты // Право и государство. 2016. № 2 (71). С. 77—81.
- Маценко И.Б.* Эволюция концепций экономического развития Африки: от Лагосского плана действий до НЕПАД. В книге: Безопасность Африки: внутренние и внешние аспекты X конференция африканистов. Тезисы / Отв. ред. А.М. Васильев. М.: Изд-во Институт Африки РАН, 2005. С. 5—10.
- Потемкин Ю.В., Рыбалкина И.Г., Громова О.Б., Гусаров В.И., Высоцкая Н.И.* Африканская интеграция: социально-политическое измерение. М.: Изд-во Института Африки РАН, 2003.

- Родионова И.А., Монге Э.* Проблема преодоления социально-экономической отсталости развивающихся стран: на примере Танзании // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2014. № 2. С. 158–168.
- Хирата Х., Кёсе М.А., Отрок К.* В наших руках ценные ресурсы Земли // *Финансы и развитие*. Ежеквартальный журнал Международного валютного фонда. 2013. Т. 50. № 3. С. 40–43. DOI:<http://dx.doi.org/10.5089/9781484353653.022>
- Холина В.Н.* Экономическая и политическая интеграция стран мира // *География в школе*. 2012. № 1. С. 39–46.
- Шкваря Л.В.* Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве. М.: ИНФРА-М, 2011.
- Adedeji A.* History and Prospects for Regional Integration in Africa // Third Meeting of the African Development Forum, Addis Ababa, Ethiopia; 2002. URL: <http://dSPACE.africaportal.org/jspui/bitstream/123456789/9695/1/History%20and%20Prospects%20for%20Regional%20Integration%20in%20Africa.pdf> (дата обращения: 14.01.2017).
- Balassa B.* The Theory of Economic Integration. Homewood, III: Irvin, 1961.
- Conférence des Nations Unies sur le Commerce et le Développement [Электронный ресурс]. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=fr (дата обращения: 14.01.2017).
- Gbetnkom D. et Avom D.* Intégration par le marché: le cas de l'UEMOA // *Région et Développement*. 2005. № 22. URL: http://regiondeveloppement.univtln.fr/fr/pdf/R22/R22_Gbetnkom_Avon.pdf (дата обращения: 14.01.2017).
- Kasse M.* Intégration et partenariat en Afrique: De l'UEMOA au NEPAD. Internet. Éditions Silex, 2003. URL: http://www.mkasse.com/IMG/pdf/Ouveage__De_1_UEMOA_au_Nepad.pdf (дата обращения: 14.01.2017).
- Mahamat A.* Evaluation des Efforts d'intégration régionale en Afrique en vue de promouvoir le commerce intra-africain. 2005. URL: http://www.uneca.org/sites/default/files/publications/atpc30_fr.pdf (дата обращения: 14.01.2017).
- Otrou A.H.* Les déterminants du commerce extérieur des pays de l'union économique et monétaire ouest africaine // *Revue du CAMES, Nouvelle Série B*. 2ème Semestre, 2007. Vol. 009, No. 2. URL: http://greenstone.lecames.org/collect/revu/index/assoc/HASH5_493.dir/B-009-02-235-243.pdf (дата обращения: 14.01.2017).
- Swaleh I.* Etat de l'intégration en Afrique // Troisième Publication Commission de l'Union africaine. 2011. URL: http://ea.au.int/en/sites/default/files/SIA_French.pdf (дата обращения: 14.01.2017).
- Wane A.A.* Growth and Convergence in WAEMU Countries // *International Monetary Fund*. 2004. № 2004–2198.

© Диабатэ В., Холина В.Н., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07 июня 2017

Дата принятия к печати: 30 июня 2017

Для цитирования:

Диабатэ В., Холина В.Н. Региональная интеграция в Африке: динамика внутрирегиональной торговли в 1990–2015 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 2. С. 159–167. DOI: [10.22363/2313-2329-2017-25-2-159-167](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-2-159-167)

Сведения об авторах:

Диабатэ Вассиафа, аспирант кафедры региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: diabtranch@yahoo.fr

Холина Вероника Николаевна, кандидат географических наук, доцент, заведующая кафедрой региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: kholina_vn@pfur.ru

REGIONAL INTEGRATION IN AFRICA: DYNAMICS OF INTRA-REGIONAL TRADE 1990—2015

V. Diabate, V.N. Kholina

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The paper studies the changing role of regional communities in the formation of trade flows of intra-regional trade of Africa in the last 25 years. It's revealed that the growth of intra-regional trade turnover of the majority of regional integration groupings reduction of the share in world's trade and the growth of intra-regional trade turnover. Commodity structure of integration groupings in intra-regional trade is more diversified, than in international trade.

Key words: Africa, Regional integration, intra-regional trade, international trade, import, export

REFERENCES

- Vasiljev A.M. (2003). *Afrika — padcherica globalizacii (Africa — Stepdaughter of Globalization)*. Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russ).
- Kostyunina G.M. (2016). *Integracionnyye processy v Afrike: istoriya i sovremennyyi etap (Integration Processes in Africa: History and Present Stage)*. Russian foreign economic journal. (4), 34—50. (In Russ).
- Kurbanov R.A. (2016). *Afrikanskaya integraciya: teoretiko-pravovye aspekty (African Integration: Theoretical and Law aspects // Pravo i gosudarstvo. № 2 (71). 77—81. (In Russ)*.
- Matsenko I.B. (2005). *Evolyutsiya kontseptsii ekonomicheskogo razvitiya Afriki: ot lagoskogo plana deistvii do NEPAD. (Evolution of concepts of economic development of Africa: from the Lagos plan of action to NEPAD) In: Bezопасnost' Afriki: vnutrennie i vneshnie aspekty KH konferentsiya afrikanistov. Vasiljev, A.M. editor. Moscow: Izdatelstvo: Institut Afriki RAN. P. 5. (In Russ)*.
- Potemkin Yu.V., Rybalkina I.G., Gromova O.B., Gusarov V.I., & Vysotskaya N.I. (2003). *Afrikanskaya integratsiya: sotsialno-politicheskoe izmerenie. (African Integration: Socio-Political Measurement)*. Moscow: Izdatelstvo Instituta Afriki RAN. (In Russ).
- Rodionova I.A., Monge A. (2014). *Problema preodoleniya social'no-ekonomicheskoi otstalosti razvivayushihsy stran: na primere Tanzanii (Problem of Overcoming the Socio-economic Backwardness of the Developing Countries: Case of Tanzania)*. Vestnik RUDN. International Relations. (2), 158—168. (In Russ).
- Khirata K.H., Kесе M.A., & Otrок K. (2013). *V nashih rukah cennye resursy Zemli (In our Hands Earth's Precious Resources)*. Finance & Development. A quarterly publication of the International Monetary Fund. 50 (3). 40—43. (In Russ). DOI: <http://dx.doi.org/10.5089/9781484353653.022>

- Kholina V.N. (2012). Ekonomicheskaya i politicheskaya integraciya stran mira. (Economic and Political Integration of the Countries of the World). *Geografiya v shkole*. (1), 39–46. (In Russ).
- Shkvarya L.V. (2011). Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya v mirovom khozyaistve (International Economic Integration in World Economy). Moscow: INFRA-M. (In Russ).
- Adedeji A. (2002). History and Prospects for Regional Integration in Africa. In Third Meeting of the African Development Forum 2002 March. Addis Ababa, Ethiopia. Retrieved from: <http://dspace.africaportal.org/jspui/bitstream/123456789/9695/1/History%20and%20Prospects%20for%20Regional%20Integration%20in%20Africa.pdf?1> (data obrashhenija: 12.04.2017).
- Balassa B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. Homewood, IL: Richard D. Irwin.
- Conférence des Nations Unies sur le Commerce et le Développement. Retrieved from: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=fr (data obrashhenija: 12.04.2017) (In French).
- Gbetnkom D., & Avom D. (2005). Intégration par le marché: le cas de l'UEMOA. Région et Développement, (22). Retrieved from: http://regiondeveloppement.univln.fr/fr/pdf/R22/R22_Gbetnkom_Avon.pdf (data obrashhenija: 12.04.2017) (In French).
- Kasse M. (2003). Intégration et partenariat en Afrique: De l'UEMOA au NEPAD Internet. Editions Silex. Retrieved from: http://www.mkasse.com/IMG/pdf/Ouveage__De_l_UEMOA_au_Nepad.pdf (data obrashhenija: 12.04.2017) (In French).
- Mahamat A. (2005). Evaluation des Efforts d'intégration régionale en Afrique en vue de promouvoir le commerce intra-africain. Retrieved from: http://www.uneca.org/sites/default/files/publications/atpc30_fr.pdf (data obrashhenija: 12.04.2017) (In French).
- Otrou A.H. (2007, 2nd Semester). Les déterminants du commerce extérieur des pays de l'union économique et monétaire ouest africaine. *Revue du CAMES, Nouvelle Série B*, 009(2). Retrieved from: <http://greenstone.lecames.org/collect/revu/index/assoc/HASH5493.dir/B-009-02-235-243.pdf> (data obrashhenija: 12.04.2017) (In French).
- Swaleh I. (2011). Etat de l'intégration en Afrique. Troisième Publication Commission de l'Union africaine. Retrieved from: http://ea.au.int/en/sites/default/files/SIA_French.pdf. (data obrashhenija: 12.04.2017) (In French).
- Wane A.A. (2004). Growth and Convergence in WAEMU Countries. (№ 2004—2198). International Monetary Fund.

Article history:

Received: 07 June 2017

Revised: 21 June 2017

Accepted: 30 June 2017

For citation:

Diabate V., Kholina V.N. (2017) Regional integration in Africa: dynamics of intra-regional trade 1990–2015. *RUDN Journal of Economics*, 25 (2), 159–167. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-159-167

Bio Note:

Diabate V. Postgraduate student of the Department of Regional Economics and Geography of the Economics Faculty of the Peoples' Friendship University of Russia. *Contact information:* e-mail: diabtranch@yahoo.fr

Kholina V.N. Cand. Geo. Sci., Associate Professor, Head of the Department of Regional Economics and Geography, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia. *Contact information:* e-mail: kholina_vn@pfur.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-2-168-177

УДК 339.543.622

ВНУТРЕННИЕ УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

М.В. Ганеева

Евразийская экономическая комиссия

ул. Летниковская, 2, стр. 1, стр. 2, Москва, Россия, 115114

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной мировой экономике Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — это второй экономический союз за всю историю развития и существования интеграционных процессов. Он является одним из крупнейших региональных рынков, который объединяет порядка 182,7 миллионов человек, на территории которого сосредоточена пятая часть мировых запасов газа и 15% нефти, с суммарным ВВП стран порядка 2,5 триллионов долларов США (около 85% ВВП всех стран СНГ), промышленным потенциалом равным 600 миллиардам долларов США и объемом продукции сельского хозяйства — 112 миллиардов долларов и др. Таким образом, потенциал нового интеграционного объединения уникален. Вопрос теперь заключается в том, смогут ли пять стран найти точки соприкосновения в виде общих экономических интересов для сохранения объединения и дальнейшего его развития, в том числе за счет присоединения новых стран постсоветского пространства. Евразийский экономический союз потенциально может стать одним из важнейших субъектов мировой экономики, региональным и даже глобальным лидером, в случае если объединение обеспечит свою экономическую безопасность, т.е. обеспечит положительный экономический эффект, который получает каждая страна-член. Цель статьи состоит в выявлении внутренних угроз экономической безопасности ЕАЭС. Исследование показало, что важнейшие внутренние угрозы экономической безопасности следующие: дифференциация экономического развития стран членов; сохранение экспортно-сырьевой модели развития России и Казахстана; практически отсутствие торгового и инвестиционного сотрудничества между такими парами стран как Белоруссия — Армения, Казахстан — Армения, Киргизия — Армения, Белоруссия — Киргизия, Казахстан — Белоруссия; обострение финансовых проблем стран членов; несоответствие развития транспортной инфраструктуры современным потребностям интеграционного объединения; отсутствие единой платежной системы; отсутствие системы общеинтеграционных экономических интересов, расхождение интересов стран-членов вплоть до противоположных. С учетом проанализированного материала и полученных результатов в заключении сделан вывод о необходимости разработки механизмов нейтрализации этих угроз.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, экономическая безопасность интеграционного объединения, внутренние угрозы

Введение

Евразийский экономический союз — важнейший интеграционный проект постсоветского пространства, который, по сути, стал ответом сначала трех, а потом пяти стран на дезинтеграционные процессы, набирающие силу на пространстве бывшего СССР; в силу как внутренних, так и внешних причин он нуждается

ся в постоянном мониторинге состояния экономической безопасности, выявлении угроз и разработке механизмов их нейтрализации.

Вопрос обеспечения экономической безопасности является крайне сложным в силу неоднородности состава участников ЕАЭС, прежде всего в части социально-экономического развития стран, что приводит подчас к несовпадению экономических интересов, которые служат основой экономической безопасности. Тем не менее, работа по согласованию интересов ведется, прежде всего, в рамках Евразийской экономической комиссии, что дает базу для анализа и выявления угроз экономической безопасности объединения.

Обзор литературы

Большой вклад в развитие проблематики экономической безопасности внесли: Сенчагов В.К., Спартак А.Н., Стиглиц Дж. Ю., Табаков А.В., Тамбовцев В.Л. и многие др. Однако работ по экономической безопасности интеграционных объединений практически нет. Среди авторов, занимающихся теоретической проработкой данной проблемы, стоит отметить Андронову И.В. и Гусакова Н.П.

Методы и подходы

Методологической основой исследования послужил системно структурный анализ состояния экономической безопасности Евразийского экономического союза, основанный на использовании диалектических принципов познания, таких как: принцип историзма, всеобщей взаимосвязи и развития, принцип перехода количественных изменений в качественные, от абстрактного к конкретному, которые в итоге позволили выявить внутренние угрозы экономической безопасности Евразийского экономического союза.

Экономическая безопасность интеграционного объединения: теоретический аспект

Развитие интеграционных процессов — ведущая тенденция современного этапа развития мирового хозяйства, поставила перед интеграционными объединениями задачу сохранения их целостности и обеспечения экономической безопасности (Андронова И.В., Гусаков Н.П. 2014). Одной политической воли для сохранения интеграционного объединения, как показывает мировой опыт недостаточно, хотя это и не маловажный аспект, однако именно экономика, экономические связи, экономические эффекты, общие экономические интересы — важнейшие составляющие жизнеспособности любого интеграционного объединения. Таким образом, обеспечение экономической безопасности интеграционного объединения служит важнейшим базовым интересом любого интеграционного объединения.

В теории экономическая безопасность интеграционного объединения должна быть всего лишь суммой безопасностей и экономических интересов стран-членов (Табаков А.В., 2011; Андронова И.В., 2013; Сенчагов В.К., 2013). Однако практика показала, что эта проблема гораздо шире и глубже. Зачастую попытка решить национальные проблемы, сталкивается с нарушением экономических интересов

партнеров. Более того, в сумме одно из слагаемых может быть нулем или даже иметь отрицательное значение, но это категорически не подходит для оценки экономической безопасности интеграционного объединения. Следовательно, экономическая безопасность интеграционного объединения — это произведение состояний экономической безопасности всех стран-членов.

Таким образом, под экономической безопасностью интеграционной группировки автор понимает политику, направленную на достижение такого состояния экономического развития объединения, которое способно обеспечить:

- 1) создание системы общих экономических интересов стран-членов;
- 2) эффективное удовлетворение потребностей всех участников объединения;
- 3) создание общей конкурентоспособной экономической системы на основе эффективного разделения труда между странами, где национальные экономики дополняют, а не замещают друг друга;
- 4) защиту экономических интересов объединения.

Одной из главных функций экономической безопасности интеграционного объединения является выявление угроз перечисленным ее составляющим и разработка механизмов нейтрализации этих угроз.

Результаты

К внутренним угрозам экономической безопасности ЕАЭС автор считает необходимо отнести:

1) *дифференциацию экономического развития стран-членов*. Показателей социально-экономического развития стран достаточно много, автор для оценки состояния экономик стран — членов ЕАЭС взяла базовые: ВВП на душу населения стран; доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума; уровень безработицы, а так же среднемесячная номинальная заработная плата. Данные показатели являются ключевыми для экономической безопасности интеграционного объединения. Опыт Европейского союза показывает, что расхождение интересов стран, начавшийся новый этап так называемого европессимизма, результаты референдума в Великобритании и Брексит, во многом обусловлены усугубляющейся разницей в социально-экономическом развитии стран (Стиглиц Дж. Ю., 2015).

Таблица

Дифференциация экономического развития стран членов ЕАЭС (2015 г.)
[Differentiation of economic development of the countries of the EEA members (2015)]

Страна	ВВП на душу населения, %	Доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, %	Уровень безработицы по методологии МОТ, %	Среднемесячная номинальная заработная плата, долл. США
ЕАЭС	100,00	16,72	8,64	422,0
Армения	56,48	30,0	18,5	359,0
Беларусь	94,03	5,1	5,8	413,0
Казахстан	165,79	2,7	4,9	568,0
Киргизия	17,03	32,5	8	209,0
Россия	166,67	13,3	6	561,0

Источник: составлено автором по данным сайта. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD?view=chart> (дата обращения: 11.02.2017).

Как видно из таблицы резкая разница в показателях социально-экономического развития стран — основателей ЕАЭС и двух новых стран членов очевидна. ВВП на душу населения России превышает указанный показатель Киргизии почти в 10 раз, Армении в 3 раза. Почти треть населения Армении и Киргизии имеют доходы ниже прожиточного минимума, тогда как этот показатель в России составляет 13,3%, в Казахстане — 2,7%, Беларуси — 5,1%. Среднемесячная заработная плата в РФ и Казахстане больше чем в Армении в 1,6 раза, Киргизии более чем в 2 раза. Таким образом, угроза «дифференциация экономического развития стран-членов» требует постоянного мониторинга и разработки коллективных мер по ее нейтрализации;

2) *сохранение экспортно-сырьевой модели развития России и Казахстана, что препятствует развитию торговых отношений между двумя крупнейшими экономиками интеграционного объединения.* Действительно основными экспортными товарами на протяжении всего существования независимых России и Казахстана были и остаются углеводородное сырье и металлы. Доля этих статей в экспорте Казахстана составляет почти 90%, в России — почти 80% (Андропова И.В., Гусakov Н.П., 2014), т.е. структура экспорта у стран фактически идентичная, что делает их абсолютными конкурентами на мировом рынке. Несмотря на то, что страны многие годы ставили перед собой задачу по диверсификации экономик, существенных изменений пока нет. Такая модель экономики служит естественным барьером на пути развития торговых отношений двух стран и одновременно показывает, насколько обе страны зависят от конъюнктуры мировых цен.

При этом надо отметить, что потенциал развития торговых отношений у стран есть и связан он, прежде всего с развитием промышленной кооперации. На сегодняшний день порядка 62% экспорта машин и оборудования, произведенных в Казахстане, приходится на Россию, и хотя доля этой статьи составляет чуть более 1 % казахского экспорта, тем не менее, это очень важное связующее звено между странами;

3) *практически отсутствие торгового и инвестиционного сотрудничества между такими парами стран как Белоруссия — Армения, Казахстан — Армения, Киргизия — Армения, Белоруссия — Киргизия, Казахстан — Белоруссия.* Торговое и инвестиционное сотрудничество это ключевые механизмы установления между странами экономических и, следовательно, тесных политических отношений. Отсутствие развития этих отношений есть серьезнейшая угроза экономической безопасности интеграционного объединения;

4) во многом, слабое инвестиционное сотрудничество между странами обусловлено такой угрозой экономической безопасности ЕАЭС как *обострение финансовых проблем стран-членов.* Жесткая монетарная политика, снижение поступлений из-за падения цен на сырьевые и продовольственные экспортные товары, высокая стоимость заемных ресурсов вследствие высоких ставок рефинансирования, стимулирующие рост внешнего долга, низкие показатели отношения денежной массы к ВВП, недофинансирование реального сектора и др. обусловили хроническое увеличение дефицитов госбюджетов, снижение темпов экономического роста и как следствие снижение экономического сотрудничества между странами — членами ЕАЭС;

5) еще одна угроза экономической безопасности ЕАЭС, которая одновременно является и фактором низкого торгово-экономического сотрудничества — *несоответствие развития транспортной инфраструктуры современным потребностям интеграционного объединения*. Несмотря на то, что по длине железнодорожных путей ЕАЭС занимает 2-е место в мире с показателем 106,6 тыс. км, а по протяженности автомобильных дорог — 7-е место в мире — 1124,8 тыс. км, по большей части транспортная инфраструктура — это наследие Советского Союза, которое за почти тридцатилетнюю историю независимого развития стран характеризуется высокой степенью как физического, так и морального износа (Андропова И.В., 2016).

Факторы, усиливающие данную угрозу следующие:

— недостаточный уровень доступности и качества транспортных услуг. Например, отсутствие полностью электронного документооборота, таких процедур как предварительное декларирование транспортных средств и грузов;

— недостаточный уровень использования транзитного потенциала;

— отсутствие общей границы с Арменией;

— наличие нефизических барьеров при выполнении международных перевозок, например, несовершенство технологий таможенного оформления и таможенного контроля, избыточность запрашиваемых у перевозчика сведений, недостаточное использование предварительно направленной перевозчиком информации и др.;

б) *отсутствие единой платежной системы*, единого платежного пространства — угроза, которая так же во многом препятствует развитию экономических отношений между странами. Опасность зависимости от иностранных платежных систем, таких как Visa и MasterCard была ярко продемонстрирована на примере России. Надо отметить, что собственные платежные системы имеют четыре из пяти стран ЕАЭС. В 2000 году Армения запустила собственную национальную платежную систему ArCa (Armenian Card), которая охватывает на сегодняшний день 35,5% национального рынка. Беларусь также почти 15 лет назад создала систему «Белкарт», которая контролирует 43% рынка, в Кыргызстане национальная платежная система «Элкарт» занимает 25,7% рынка, самая молодая российская платежная система «Мир» занимает пока 0,5% рынка, лишь в Казахстане национальной платежной системы нет (Мурычев А., 2014). Однако, несмотря на наличие национальных платежных систем, только Армения и Россия в июле 2016 года подписали соглашение о взаимном признании карт.

В условиях, когда основной формой расчета при международном сотрудничестве является безналичная форма, стратегически необходимо создание единой платежной системы либо в рамках национальных платежных систем, либо создание общей платежной системы;

7) *отсутствие системы общеинтеграционных экономических интересов, расхождение интересов стран-членов вплоть до противоположных*.

Самая сложная и многофакторная угроза экономической безопасности интеграционного объединения, от нейтрализации которой фактически зависит жизнеспособность ЕАЭС. Факторы, усугубляющими данную угрозу, такие:

— *конкуренция национальных налоговых режимов*. Если в Белоруссии и Армении НДС составляет 20%, в России 18,%, то в Казахстане и Киргизии — 12%. НДС

в России 13%, в Белоруссии 12, а в Казахстане 10% (Андропова И. В., Гусаков Н. П., 2014). Также большие проблемы бизнесу создают забюрократизированные сложные технические регламенты, что привело, например, к миграции белорусского бизнеса в Россию, а российского — в Казахстан, что не способствует улучшению отношений между странами;

— *сложность определения страны происхождения технически несложных товаров* (продукция сельского хозяйства, текстильной отрасли и ряда других отраслей), приводит к ежегодному увеличению потока контрабандного груза через страны ЕАЭС, прежде всего на российский рынок (Табачков А. В., 2011). По оценкам экспертов, главным поставщиком таких товаров является Китай, на него приходится 34% всех таких товаров, на втором месте — Германия — 7,3%, а на третьем — Италия — 5,7%. По данным правоохранительных органов Казахстана теневые доходы преступных группировок, занимающихся контрабандой, составляет до 6 миллионов долларов США в неделю¹. Это свидетельствует о том, что нелегальный ввоз товара из Китая в разы превышает легальный импорт. По данным министерства экономики Киргизии, контрабанда в страну в 2015 году составила порядка 39% ВВП страны².

С введением против России экономических санкций, резко обострилась проблема контрабандного груза из Белоруссии. В 2016 году экспорт яблок из Белоруссии в Россию в 5 раз превысил собранный в республики урожай, экспорт моркови — в 2,6 раза, капусты в 3 раза;

— *политика привлечения прямых иностранных инвестиций через создание свободных экономических зон (СЭЗ), контролируемых Китаем*. Данный фактор угрозы — расхождение экономических интересов, самым непосредственным образом влияет на экономическую безопасность ЕАЭС. Казахстан и Белоруссия для углубления и развития отношений с Китаем пошли по пути создания свободных экономических зон, в Казахстане — Международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос — Восточные ворота» (Хоргос) и в Белоруссии китайско-белорусский индустриальный парк.

Очевидно, что с точки зрения экономических интересов Белоруссии и Казахстана проекты эти более чем выгодные. В отсутствие российских системных инвестиций трудно упрекнуть страны ЕАЭС, которые стремятся решить свои экономические проблемы с помощью китайских инвесторов. Однако превращение Белоруссии и Казахстана в поставщиков дешевых, но вместе с тем высококонкурентоспособных китайских товаров, служит угрозой постепенного вытеснения России не только с рынков этих стран, но и с роли лидера интеграционных процессов;

— *отсутствие общей позиции в развитии торговой политики*. Эффективность и базовый принцип существования интеграционного объединения, которое находится на этапе таможенного союза и выше, это согласованная внешнеторговая политика по отношению к третьим странам. Введение в 2014 году ответных санкций к производителям продовольственных товаров из США, ЕС, Австралии, Нор-

¹ Правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/kazakhstan/4512236-kontrabanda-tnp-iz-kitaja-na-1-mln.html> (дата обращения: 23.04.2017).

² Информационное агентство Regnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/2211150.html> (дата обращения: 23.04.2017).

вегии и Канады выявили существующие противоречия интересов стран ЕАЭС в частности поставки продукции из перечисленных стран в Россию через территорию, прежде всего Казахстана и Белоруссии.

Не нашла поддержки российская сторона и в отношении эмбарго введенного с 1 января 2016 года против ряда украинских продовольственных товаров, в связи со вступлением в силу договора об ассоциации между Украиной и ЕС. Отсутствие поддержки со стороны стран-членов сводит фактически на нет усилия России в части антисанкционных мер. На международной арене страны — члены ЕАЭС не признают существующую проблему, говоря о том, что эта продукция поступает в Россию в переработанном виде;

— *начисление экспортных пошлин и введение нетарифных ограничений* — постоянный раздражитель в развитии торговых отношений между странами — членами ЕАЭС. Фактически не прекращающиеся торговые конфликты России и Белоруссии, разгораясь с новой силой, каждый раз становятся угрозой евразийского единства;

— еще одной нерешенной проблемой в части развития торговой политики является *несогласованность действий на международных переговорах*. В 2016 году, когда начались переговоры между Китаем и Евразийским экономическим союзом, серьезно встал вопрос о несогласованности действий представителей стран-участниц. Хотя мировой опыт показывает, что консолидация усилий приводит к повышению индивидуальных возможностей каждой страны в реализации общей торговой политики интеграционного объединения. Но для этого необходимо разработка и формулирование общих целей и задач.

Заключение

Таким образом, выделенные ключевые внутренние угрозы экономической безопасности Евразийского экономического союза, требуют нейтрализации, благодаря которой во многом будет зависеть жизнеспособность интеграционного объединения. В условиях существования этих угроз показатели лояльности населения к интеграционному объединению пока в целом можно оценить как позитивное, однако, динамика изменения отношения — негативная. Так, в Казахстане, процент населения скорее положительно относится к евразийской интеграции упал с 84 в 2014 году до 74% в 2015 году, в России за этот же период показатель снизился с 79 до 69%, в Белоруссии — с 68 до 63%. В Киргизии в 2014 году лишь 50% населения положительно относилась к евразийской интеграции, в 2015 году, после подписания договора о ЕАЭС процент вырос до 86, однако уже в 2016 году снизился до 81%. Самый низкий показатель поддержки населением евразийской интеграции в Армении. В 2014 году он составлял 64%, в 2016 году уже всего 46%¹. Поэтому проанализировав состояние евразийских интеграционных процессов через призму экономической безопасности, нам удалось выявить внутренние угрозы базовым интересам экономической безопасности ЕАЭС. Однако, это лишь часть работы, которая должна быть дополнена разработкой механизмов нейтрализации этих угроз.

¹ Интеграционный барометр ЕАБР (пятая волна измерений). СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2016. 106 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андропова И.В., Гусаков Н.П.* Проблемы развития интеграционных процессов в рамках Единого Экономического Пространства и новые угрозы экономической безопасности России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2014. № 25(262). С. 23—30.
- Андропова И.В., Гусаков Н.П.* Концептуальные подходы к разработке новой стратегии экономической безопасности // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. Научно-практический и теоретический журнал. 2014. № 46(283). С. 2—14.
- Андропова И.В.* Национальные интересы страны: сущность и иерархия в условиях взаимозависимости // *Вопросы новой экономики*. 2013. № 3(27). С. 28—33.
- Андропова И.В.* Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2016. Т. 11. № 2. С. 7—23.
- Интеграционный барометр ЕАБР (пятая волна измерений). СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2016. 106 с.
- Мурычев А.* Создание единого платежного пространства ЕЭС приведет к внедрению системы мультивалютных операций [Электронный ресурс]. URL: <http://bankir.ru/novosti/20141129/sozdanie-edinogo-platezhnogo-prostranstva-ees-privedet-k-vnedreniyu-sistemy-multivalyutnykh-operatsii-muryshev-10093449/> (дата обращения: 15.04.2017).
- Сенчагов В.К.* Новые угрозы экономической безопасности и защита национальных интересов России // *Проблемы. теории и практики управления*. 2013. № 10. С. 8—18.
- Спартак А.Н., Воронова Т.А.* Генезис, современное состояние и перспективы Евразийской экономической интеграции [Электронный ресурс]. URL: <http://pitfond.ru/wp-content/uploads/2013/12/Sbornik3.pdf> (дата обращения: 12.04.2017).
- Стиглиц Дж.Ю.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Изд-во: Эксмо, 2015. 512 с.
- Табакоев А.В.* Таможенные риски таможенных союзов // *Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской Таможенной академии*. 2011. № 2(39). С. 39—61.
- Тамбовцев В.Л.* Экономическая безопасность хозяйственных систем: структура, проблемы // *Вестник МГУ. Серия 6: Экономика*. 1995. № 3. С. 4—19.
- Правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/kazakhstan/4512236-kontrabanda-tnp-iz-kitaja-na-1-mln.html> (дата обращения: 23.04.2017).
- Информационное агентство Regnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/2211150.html> (дата обращения: 23.04.2017).

© Ганеева М.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 25 мая 2017

Дата принятия к печати: 18 июля 2017

Для цитирования:

Ганеева М.В. Внутренние угрозы экономической безопасности Евразийского Экономического Союза // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 2. С. 168—177. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-168-177

Сведения об авторе:

Ганеева Марина Вилевна, заместитель директора департамента финансов, Евразийская экономическая комиссия. *Контактная информация*: e-mail: info@eecommission.org

INTERNAL THREATS TO ECONOMIC SECURITY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

M.V. Ganeeva

The Eurasian Economic Commission
Letnikovskaya str., 2, bld. 1, bld. 2, Moscow, Russia, 115114

Abstract. The relevance of the study is due to the fact that the Eurasian Economic Union in the modern global economy is the second economic union in the history of the development and existence of integration processes. It is one of the largest regional markets, which unites about 182.7 million people, it possesses the fifth part of the world's gas reserves and 15% for oil, with total GDP of about 2.5 trillion dollars (about 85% of GDP in all CIS countries), the industrial potential of 600 billion dollars and the volume of agricultural production — 112 billion dollars, etc. Thus, the potential of the new integration association is unique. The question today is whether the five countries will be able to find common ground in their general economic interests to preserve the association and its further development, as well as through the accession of new post-Soviet countries. The Eurasian Economic Union can potentially become one of the most important subjects of the world economy, a regional and even a global leader, if the association secures its economic safety, or put in other words will ensure the positive economic effect for each member country. The purpose of this article is to identify internal threats to the economic security of EAEU. The study showed that the most important internal threats to economic security are: the differentiation of the economic development of member countries; preservation of raw material export model of the development in Russia and Kazakhstan; virtually no trade and investment cooperation between such pairs of countries as Belarus — Armenia, Kazakhstan — Armenia, Kyrgyzstan — Armenia, Belarus — Kyrgyzstan, Kazakhstan — Belarus; aggravation of member countries financial problems; discrepancy in transport infrastructure development to the current needs of the integration association; absence of a single payment system; absence of a system of general integration of economic interests, divergence of the member countries interests up to the opposite position. Taking into account the material analyzed and the results obtained, the conclusion was drawn on the need to develop mechanisms for neutralizing these threats.

Key words: Eurasian Economic Union, economic security of the integration association, internal threats

REFERENCES

- Andronova I.V., Gusakov N.P. Problemy razvitiya integracionnyh processov v ramkah Edinogo Jekonomicheskogo Prostranstva i novye ugrozy jekonomicheskoy bezopasnosti Rossii. // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2014. № 25(262). S. 23—30. (In Russ).
- Andronova I.V., Gusakov N.P. Konceptual'nye podhody k razrabotke novoj strategii jekonomicheskoy bezopasnosti // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. Nauchno-prakticheskij i teoreticheskij zhurnal. 2014. № 46(283). S. 2—14. (In Russ).
- Andronova I.V. Nacional'nye interesy strany: sushhnost' i ierarhija v uslovijah vzaimozavisimosti // Voprosy novoj jekonomiki. 2013. № 3 (27). S. 28—33. (In Russ).
- Andronova I.V. Evrazijskij jekonomicheskij sojuz: potencial i ogranichenija dlja regional'nogo i global'nogo liderstva // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika. 2016. T. 11. № 2. S. 7—23. (In Russ).
- Integracionnyj barometr EABR (pjataja volna izmerenij). SPb.: CII EABR, 2016. 106 s. (In Russ).
- Murychev A. Sozdanie edinogo platezhnogo prostranstva EJeS privedet k vnedreniju sistemy mul'tivaljutnyh operacij [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://bankir.ru/novosti/20141129/sozdanie->

edinogo-platezhnogo-prostranstva-ees-privedet-k-vnedreniyu-sistemy-multivalyutnykh-operatsii-murychev-10093449/ (data obrashhenija: 15.04.2017) (In Russ).

Senchagov V.K. Novye ugrozy jekonomicheskoy bezopasnosti i zashhita nacional'nyh interesov Rossii // *Probemy teorii i praktiki upravlenija*. 2013. № 10. S. 8—18. (In Russ).

Spartak A.N., Voronova T.A. Genezis, sovremennoe sostojanie i perspektivy Evrazijskoj jekonomicheskoy integracii [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://pitfond.ru/wp-content/uploads/2013/12/Sbornik3.pdf> (data obrashhenija: 12.04.2017) (In Russ).

Stiglic Dzh.Ju. Cena neravenstva. Chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushhemu. M.: Izdvo Jeksmo, 2015. 512 s. (In Russ).

Tabakov A.V. Tamozhennye riski tamozhennyh sojuzov // *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo im. V.B. Bobkova filiala Rossijskoj Tamozhennoj akademii*. 2011. № 2(39). S. 9—61. (In Russ).

Tambovcev V.L. Jekonomicheskaja bezopasnost' hozjajstvennyh sistem: struktura, problemy // *Vestnik MGU. Serija 6: Jekonomika*. 1995. № 3. S. 4—19. (In Russ).

Pravovoj portal [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.zakon.kz/kazakhstan/4512236-kontrabandantp-iz-kitaja-na-1-mln.html> (data obrashhenija: 23.04.2017) (In Russ).

Informacionnoe agentstvo Regnum [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/2211150.html> (data obrashhenija: 23.04.2017) (In Russ).

Article history:

Received: 25 May 2017

Revised: 16 June 2017

Accepted: 18 July 2017

For citation:

Ganeeva M.V. (2017) Internal threats to economic security of the Eurasian Economic Union. *RUDN Journal of Economics*, 25 (2), 168—177. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-168-177

Bio Note:

Ganeeva M.V. Deputy Director of the Department of Finance, Eurasian Economic Commission.

Contact information: e-mail: info@eecommission.org

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-2-178-188

UDK 339.9; 005.44.

THE INFLUENCE OF GLOBALIZATION ON HIGHER EDUCATION AND THE POTENTIALS OF LEBANON

Bou Diab Anis Nabih, Takieddine, Abir Riad

Lebanese University

P.O. Box 6573/14 Badaro, Museum, Aley — Lebanon

Abstract. The twentieth century witnessed tremendous increase in the level of globalization and the twenty first century is taking humanity further on this path. Globalization could be defined as the flow of technology, economy, knowledge, people, values, ideas, etc. across borders. It has a great impact on every aspect of human life including higher education. Some scholars describe the twenty first century as the century of educational mobility and global schooling. The term internationalization of education is used a lot these days by educators and is at two levels: internationalization at home and internationalization abroad. Lebanon could benefit tremendously from the global inclination if it could find itself a new role of importer as well as exporter of higher education. It could benefit of its long experience of internationalization at home and of student mobility as well as its cultural diversity and dynamic society to become a provider of education across the borders, both physical and virtual, serving the near region.

Key words: Globalization, Higher education, Mobility, Internationalization, Lebanon

Introduction

“The Age of the Nation is past, it is time to build the Earth” stated the French anthropologist Teihard de Chardin. The twentieth century witnessed tremendous raise in globalization and the twenty first century is taking humanity further on this path. Globalization could be defined as the flow of technology, economy, knowledge, people, values, ideas, etc. across border (Knight J. & de Wit H., 1997). It has a great impact on every aspect of human life including higher education. Some scholars describe the twenty first century as the century of educational mobility and global schooling (Lee H.C., 2001). The term internationalization of education is used a lot these days by educators and is at two levels: internationalization at home and internationalization abroad. Internationalization at home means the international and intercultural element of the curriculum. It also means the teaching/learning process, research, and extra-curricular activities. In fact, it is a number of activities that help students develop international understanding and intercultural skills without ever leaving the campus (Knight J., 2005). Internationalization abroad means the movement of students, teachers, institutions, curriculum, or programs across the borders and is also known as cross border education. Moreover, education in the twenty first century could be in several cases characterized by the campus-less college, the book-less library, and the professor-less classrooms because

of distance learning (Lee H.C., 2005). Using distance education processes, students are able to complete part or all of their studies far away from the provider/teacher. They use printed, audio, and video material or the internet to get the material and communicate with their providers (Insung J., 2005).

This paper intends to present the worldwide increasing trend of globalization in higher education and to examine if Lebanon has the necessary framework to face it. It is subdivided into an introduction followed by three sections and a conclusion. The first section discusses how the subject was approached in the literature. The second section presents the adopted methodology. The third section discusses the results of a SWOT analysis performed to assess the situation of Lebanon facing the globalization of the higher education sector. The authors conclude the research with two recommendations to help Lebanon benefit more from the trend of globalization in higher education.

Literature Review

The article starts with an overview of the literature covering three main issues namely; the paradigm shift facing universities, the role of the WTO in the internationalization of education, and the major views of literature regarding the internationalization of higher education.

The Role of Universities Undergoing a Paradigm Shift

Higher education institutions are undergoing a paradigm shift trying to cope with the changing environment. Universities are expected to prepare graduates to be global citizen fully equipped to work in a global market (Varghese N.V., 2013), (Varghese N.V., 2011).

Towards More Flexibility and Dynamism

To serve the globe rather than a nation, universities are recommended to switch from a closed to an open system. In the open system, regulations governing a student from acceptance to graduation are flexible enough to serve a variety of students. The students' body is becoming more diversified coming from different nations, cultural background, age groups, including fresh high-school graduates as well as lifelong learners, full time as well as part time working students. Universities frameworks need to be dynamic enough to continuously overview and update the curriculum keeping an international perspective to match a fast changing international job market. Some scholars even recommend universities administration to strategically manage the institutions by adopting the "client-centered" rather than "educational-provider" concept in the sense of tailoring their services to match the needs of a diversified students' body (Lee H.C., 2005).

A Variety of Providers Across Borders

Universities are no longer the only provider of higher education; the sector has changed tremendously during the last fifty years to include a variety of providers across borders. The following section is an overview of the different types of these providers (Knight J., 2005).

Two groups of higher institutions provide education across borders. On the one hand, there are the public, private, or religious institutions which are part of the national

education system thus accredited by the home nations. On the other hand, there are the non-recognized higher education institutions which are private, profit-oriented and not part of the national education system. Some providers from the second group are of low quality aiming simply at maximizing profits and referred to as “rogue” providers. Since the second group is not part of the national educational system, controlling quality becomes a challenge.

Alternative providers include profit-oriented commercial companies offering courses, programs and support services across the borders. These could be private or publicly traded companies, usually not part of the national education system of the home-nation. Moreover, several companies and higher education institutions could form affiliations to provide education across borders.

The last category of providers includes the virtual institutions that are one hundred percent virtual, profit-oriented, which may or may not be part of the national education system, and are not easily monitored by the system due to their distance delivery methods.

The physical or virtual movement of a provider from a nation to another to offer its services is known as provider mobility and could take several forms (Knight J., 2005). A provider from Lebanon let us say could establish a branch campus in another nation and award qualifications from Lebanon. This provider could, on the contrary, establish an independent institution in the other nation to offer its services. A third way is for the Lebanese provider to purchase a share from a provider already established in the other nation, thus merge. A fourth way is to establish abroad a study center rather than campus to support students. The possibility of offering education across borders is also possible via distance learning by establishing virtual universities.

Programs Mobility

Education mobility involves programs as well as providers (Knight J., 2005). Franchising is one mode of program mobility where a provider from a source country (I) authorizes another from a host country (II) to offer its courses and programs. Students are awarded qualifications from the source country provider (I). In the case of twinning, students can take courses in the source (I) or host (II) country and be awarded qualification from the provider of the source country (I). Providers from many countries could agree on a common program. Students studying this program will receive a qualification from each provider or a joint degree from all of them. If providers from different countries sign articulations, they give students credits for studies done with any of the providers. A provider from a host country (II) could sign validation agreements with another from a source country (I) allowing it to offer its qualifications. In the distance learning case, students have access to the courses and programs of the source country provider (I) anywhere in the world mainly on-line.

WTO and Cross-Borders Mobility Worldwide

Internationalization in education existed long ago especially with respect to students' mobility traveling across borders to study (Kritz M., 2012). However, the issue was accentuated when the World Trade Organization (WTO), the only international organization in charge of regulating trade between nations and consisting of 146 nation

members, discussed in the Uruguay Round the General Agreement on Trade and Services (GATS) which came into effect in 1995¹. It was the first time that the trade of services rather than goods was discussed.

Internationalization of Education Accentuated by the WTO

According to current commitments of the GATS, foreign services providers will enjoy national treatment and be free to conduct local currency business anywhere in the nation. The educational sector would be open to international competition once the tones for the rules of the game are set under the WTO.

Education was listed in the GATS as one of the services to be traded. The agreement served as a wakeup call for scholars to start actively thinking about the consequences of the liberalization of education. The GATS covers 12 services sectors including education². Trade in education is organized into five categories including primary, secondary, higher, and adults (outside the regular system) education in addition to a fifth category entitled “other education” which includes all other education services not covered elsewhere. In 1995, when the initial commitments of GATS were made, 44 countries (if we consider the European Union as one country) committed to the liberalization of education of which 35 committed to the liberalization of higher education (Knight J., 2005). When a nation agrees to liberate its education sector it has to offer equal and consistent treatment of all trading foreign partners, thus it needs to treat all WTO member nations equally. Moreover, domestic and foreign supplier will be treated equally under this agreement. A nation could decide not to commit all its services sectors and put some limitations on the degree of market accessibility it allows other. However, a nation is obliged to commit to the progressive liberalization. This means that with each negotiation round a nation needs to cover more sectors and eliminate more trade barriers in the already covered sectors³.

The GATS defines four modes of supply of any service (Knight J., 2005). The cross border supply mode which consists of providing a service across the nation borders. This mode includes, if applied to the education sector, distance learning, e-learning, and virtual universities. A second mode is the consumption of the service abroad and this is the case of student mobility. The third mode is the commercial presence mode. In this case, the education provider establishes its presence in the host nation by opening a local branch, signing twinning or franchising agreements. A fourth mode is the presence of the natural person which means the movement of the teachers and researchers across the borders.

The cross border education sector is expected to grow worldwide even if a nation refuses to commit to the GATS and this is mainly due to the e-learning and the increasing number of virtual universities.

Cross-Border Mobility levels Worldwide

Nations nowadays could be classified according to cross-border education into four groups. With respect to the provider/program mobility, a first group consists of developed

¹ The World Trade Organization, (2017). Access Mode: www.wto.org

² Ibid.

³ The World Trade Organization. Access Mode: www.wto.org

nations with a strong higher educational sector that are mainly exporter of education such as USA, UK, Australia, and Canada (Insung J., 2005). A second group is of importers of mainly English-language-education such as Japan and Korea (Molly L., 2005). A third group of nations plays the role of both exporters as well as importers such as Hong-Kong. A fourth group of mainly underdeveloped nations are still not active at both import and export levels.

The worldwide demand of higher education is expected to triple between 2000 and 2025 from 97 million to 263 millions. Student mobility consisted of two million students in 2000 that studied outside their home and is expected to grow to 8 millions in 2025. The top destination of students mobility are USA (22%), UK (11%), China (8%), Germany (7%), France (7%), Australia (6%), China (6%), Canada (6%), and Japan (3%)¹.

Major Views on the Internationalization of Higher Education

The internationalization of higher education is debated by scholars all over the world. Some academics fully support this trend, others oppose it, and a thirds group admits that it is a fact to be dealt with (MED, 1999)² (University of Oxford, 2015)³.

The Supporters

The group fully supporting this trend argues that the internationalization of education both at home or abroad will help create a knowledge society thus help further develop the human capital. Education providers will be triggered to continuously update their curriculum to prepare their graduates to work in a diversified international job market. Researchers would select topics with an international scope and will be capable thanks to the information technology development to collaborate with scholars across the globe. Information will spread fast creating a kind of “knowledge web” across the world (Lee H.C., 2005). Students and teachers will be more innovative and knowledge will be the most valuable resource of any nation. The world will be moving more and more towards the knowledge economy.

Knowledge emphasized is mainly the know-how (ability to do things and gain skills), the know-why (about the natural world, society, and human mind), and the know-who (social relations) rather than the know-what (knowledge of facts) (MED, 1999)⁴. Learning will be continuous at the level of the organization and firms are to create a learning environment and appreciate its intellectual capital, the intangible asset, as they appreciate its other tangible assets. A nation will also diffuse its culture and benefit from others experiences too.

¹ Atlas of Students Mobility website, (2017): Access Mode: www.atlas.iienetwork.org

² MED Ministry of Economic Development, (1999), *What is Knowledge Economy?*, Ernest & Young, New Zealand.

³ University of Oxford, (2015), *International Trends in Higher Education*, Oxford, United Kingdom.

⁴ MED Ministry of Economic Development, (1999), *What is Knowledge Economy?*, Ernest & Young, New Zealand.

The Opponents

A second group of academics fully opposes the liberalization of education. They are averse of the creeping of the mentality of the business to the sector of education and refuse that education would be considered as a service like others to be traded. The sector will be dominated by profit-oriented providers who will be concerned by profit rather than quality which put the students at risk of dealing with “rogue” providers since the nation cannot always control the quality offered by the cross-border providers. Moreover, the trade in education will create a new center-periphery situation since it will mostly be unilateral. Developed countries will mainly be the exporters whereas developing countries will play the role of importers. Exporter countries will diffuse their culture and mode of thinking and threaten the importers heritage, culture and national sovereignty. For this group education is a public good and needs to remain a public responsibility.

The Realistic Approach

This paper argues that the internationalization of education is a fact that could not be avoided. A nation needs to prepare itself to gain from the advantages and avoid the disadvantages. The opening up of the education sector is not an instant action; it is rather a long process that a nation needs to undertake to ensure the quality of the service and maintain its cultural identity. Work is needed for the mutual recognition of degrees between the nations. Internationalization is not to be the transplantation of a foreign program as it is, it is rather its adaptation to the local culture and needs. Interaction is thus needed between the importer and exporter to engage in a win-win situation and avoid educational monopoly.

The UNESCO is playing a key role with the Organization for Economic Cooperation and Development¹. It published in 2005 a document entitled “The Guidelines for Quality Provision in Cross-border Higher Education”². The guidelines are prepared jointly by participants from around 90 countries and have two main concerns: to protect students seeking cross border education from receiving low quality services and to stress the importance of the retention of national sovereignty of higher education which needs to be cultural specific (Antony S., 2005).

Since the internationalization of education is a reality to be dealt with, the fourth and last section of this paper evaluates the readiness of Lebanon to gain from the internationalization of higher education and to face the possible threats arising from the new environment.

Methods and Approaches

To be able to answer our research question and properly examine whether or not Lebanon has the necessary framework to face the increasing trend of globalization in higher education, the authors decided to build the study on a literature review followed by a SWOT analysis.

¹ OECD, (2009), *Globalization and Higher Education: What Might the Future Bring?*, in Imhe INFO.

² OECD and UNESCO, (2005), *Guidelines for Quality Provision in Cross-border Higher Education*.

The literature review is necessary to build a theoretical framework about how was the issue of globalization in higher education tackled by international literature. The higher education sector is moving towards more flexibility and dynamism with many providers crossing the borders. The WTO was identified as a major player in encouraging mobility worldwide. The authors subdivided the literature on the internationalization of higher education into three groups namely; the supporters, the opponents, and the realistic and argued for the third group. The theoretical framework built in the first section would be of great value in the next section consisting of a SWOT analysis.

The SWOT analysis is considered a simple but useful framework for analyzing a situation through identifying its strengths, weaknesses, opportunities and threats. It helps the user focus on the strengths, work on the weaknesses, minimize threats, and take full advantages of opportunities. The SWOT analysis of Lebanon facing the globalization of the higher education sector was performed in the light of the theoretical framework discussed above.

The researchers decided to adopt a mixed approach using qualitative as well as quantitative data to serve the research needs. The research is descriptive in nature. It describes the emerging trend of globalization in higher education worldwide and in Lebanon and deduces some conclusions about Lebanon.

Results: a SWOT Analysis about Lebanon

Does Lebanon have the necessary education framework to deal with the internationalization of higher education? The internationalization of higher education exposed so far is at two levels: at home and cross-border. The cross border education is an inward or outward movement of students, faculty member, physical, and virtual commercial presence.

It is important to mention first that Lebanon is not a full member of the WTO yet but rather an observer member. Observer members are those expected to join the organization once they make the necessary changes to conform their economy and legal framework to the organization regulations.

Strength

The strength of Lebanon when it comes to the internationalization of higher education is that it practiced it long ago. The first two higher education providers in Lebanon were private foreign missionary that crossed the border to Lebanon to establish the American University of Beirut (formerly the Syrian Protestant College) by Protestant American missionaries in 1866 and the Saint Joseph University by the Jesuits in 1875. The Beirut Arab University, affiliated to the Alexandria University in Egypt, was later established in 1960. The leader providers of higher education were thus foreigners from the private sector. It was not till the year 1950 that the Lebanese government established the national public university named the Lebanese University.

It needs to be mentioned that there are currently in Lebanon 35 private universities, 9 private colleges, 3 private universities for religious studies and the public Lebanese University¹. Around 80% of these institutions were established in the 1990's when the

¹ MEHE Ministry of Education and Higher Education in Lebanon, (2017): Access Mode: www.higher-edu.gov.lb

Lebanese government decided to expend the sector. The sector includes 180850 students, 16387 teachers, and around 5000 staff members in 2009–2010.

The curriculum was therefore international and intercultural taking the basis of the west and adapted to the east. Internationalization at home was practiced and the Lebanese students looked for such curriculum since many of them migrated to work abroad and wanted to be prepared for international competition. What helped in this process was that the Lebanese population is diversified and multilingual speaking fluently many languages besides its Arabic mother tongue (namely French, English, and Armenian).

The mobility of students inward and outward existed years ago. Foreign students studied at the Saint Joseph University, American University of Beirut, Beirut Arab University, Lebanese American University (formerly Beirut University College), and the Lebanese University. The number of foreign university students in Lebanon decreased during the civil war since foreigners avoided coming to an insecure country. After the war, the numbers boosted again. Today, the number of international students (with a foreign passport) at the American University of Beirut for example is 2000 from 66 different countries out of a total of approximately 5000 students (AUB, 2017)¹.

Mobility works both ways since many Lebanese students leave Lebanon yearly the study abroad. In 2006, it was estimated that 7.3% of the Lebanese university students were studying abroad, their top destination is mainly: France with 4671 students, USA with 2179 students, Germany with 976 students, Italy with 577 students, and UK with 575 students (Atlas of Students Mobility, 2008)².

Foreign faculty members cross the border to Lebanon to teach mainly at the private universities previously mentioned. Many Lebanese study abroad and stay there teaching at universities too.

Weaknesses

The major weakness in the Lebanese higher education sector facing globalization is quality assurance in distance learning in particular. This weakness is not unique to Lebanon. All nations around the world are working on improving their quality control measures. The flourishing of cross border education changed the rules of the games by introducing new types of providers and new modes of supply thus necessitate the review of the existing quality control practices. When a student moves across the border to study, the quality of the service he /she gets is controlled by the government that controls the provider. However, when a student gets the service via a distance learning program, he/she is at risk of dealing with a “rogue” provider since the provider is beyond the scope of the control of the nation in terms of the licensing the institution and the accreditation of the programs . Moreover, there is a need to work on the international recognition of degrees to help graduates from a nation to work in another.

Opportunities

The opportunities offered to Lebanon are tremendous if it could succeed in finding itself a new role mainly as an importer as well as exporter of education to the region.

¹ American University of Beirut, (2017): Access Mode: (www.aub.edu.lb).

² Atlas of Students Mobility website, (2017): Access Mode: (www.atlas.iienetwork.org).

Since most nations are opening up more and more their higher education sector, Lebanon is to grasp the chance to cross the borders and practice outward provider/program mobility. Lebanese universities could establish their presence mainly in the Arab countries via opening branches, franchising, or merging. Lebanon has to work now on two modes, not only attracting more foreign students to Lebanon but also moving to serve these students in their home country now that the chance is offered.

Moreover, Lebanon needs not only recognize and control virtual education as a new mode of supply, but also seek to become a provider of such type and cater for an increasing demand. This goes hand in hand with a continuous development of telecommunication infrastructure to support this task.

Threats

The threats facing Lebanon in losing its national identity because of the internationalization in higher education are believed to be minimal since Lebanon is known to be open to different civilizations and religions. In facts, it plays the role of a median between the eastern and western civilization and the uniqueness of Lebanon was long ago due to this specific role. The cultural diversity existing creates a dynamic society capable of fast adaptation to the changing environment.

The major threat, however, is believed to be in Lebanon failing to find itself a new role in this changing environment. The number of foreign students coming to Lebanon might decline since these students will have access to different types of providers/programs at home. Relying on the inward students' mobility is not enough anymore. Lebanon considered itself in the past as the provider of education and other services to the region and mainly to its Arabic fellows. This role could be sustained if and only if Lebanon succeeds in importing as well as exporting higher education. The comparative advantage of Lebanon is its capability of importing foreign curriculum, adapting it to the culture and needs of the region it knows well before exporting it. This necessitates a continuous investigation of the region needs and a permanent update of curriculum.

Conclusion and Recommendations

After exploring the new trends in higher education worldwide, we conclude that it is moving more and more on the way of internationalization at home and across the borders. Curriculums are made to form an international citizen and students, faculty, and providers are moving across the borders. The distance learning mode is flourishing due to the development in telecommunication. These trends are emphasized by the WTO listing education among the traded services. The challenges facing nations are mainly to ensure the quality of the education provided across borders and to keep education culture specific with an international outlook.

Finally, for Lebanon to benefit from the global inclination, we recommend policy makers and major actors in the field of higher education to work on *a)* Lebanon finding itself a new role of importer as well as exporter of higher education and *b)* helping Lebanon benefit of its long experience of internationalization at home, of student mobility, cultural diversity, and dynamic society to become a provider of education across the borders, both physical and virtual, serving the near region.

REFERENCES

- Antony, S. (2005). “UNESCO-OECD Guidelines on Quality Provision in Cross-Border Education”, UNESCO Forum Occasional Paper, Korea.
- Insung, J. (2005). “Implications of WTO/GATS on Quality Assurance of Distance Learning Education for Higher education”, UNESCO Forum Occasional Paper, Korea.
- Knight J. (2005). “Cross-Border Education: Developments and Implications in the Asia and the Pacific Region”, UNESCO Forum Occasional Paper, Korea.
- Knight J. & de Wit H. (Eds.) (1997). *Internationalization of Higher Education in Asia and Pacific Countries*, European Association for International Education, Amsterdam.
- Kritz, M. (2012). *Globalization of Higher Education and International Student Mobility*, Cornell University, USA.
- Lee, H.C. (2005). “UNESCO’s Role in the Development of Higher Education of Asia and the Pacific Region in the 21st Century”, UNESCO Forum Occasional Paper, Korea.
- Lee, H.C. (2001). *Universities Going with the 21st Century*, Mineum Publisher, Seoul.
- MEHE & TEMPUS (2011). *The Lebanese Higher Education System- Short Description*, TLQAA Project, Lebanon.
- MED Ministry of Economic Development (1999). *What is Knowledge Economy?*, Ernest & Young, New Zealand.
- Molly, L. (2005). *Cross-Border Education in Asia and the Pacific Region: International Framework for Qualification*, Forum Occasional Paper, Korea.
- Varghese, N.V. (2013). *Globalization and Higher Education: Changing Trends in Cross Border Education*, *Analytical Reports in International Education*. Vol. 5. No. 1. Pp. 7–20, December.
- Varghese, N.V. (2011). *Globalization and Cross-border Education: Challenges for the Development of Higher Education in Commonwealth Countries*, UNESCO.

© Bou Diab Anis Nabih, Takieddine Abir Riad, 2017

Article history:

Received: 23 May 2017

Revised: 03 June 2017

Accepted: 08 July 2017

For citation:

Bou Diab Anis Nabih, Takieddine Abir Riad. (2017) The influence of globalization on higher education and the potentials of Lebanon. *RUDN Journal of Economics*, 25 (2), 178–188. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-178-188

Bio Note:

Bou Diab Anis Nabih. PhD Associate Professor, Head of the Finance Department, Faculty of Economic Sciences & Business Administration, Lebanese University. *Contact information*: e-mail: boudiabanis@hotmail.com

Takieddine Abir Riad. PhD, Associate Professor, Faculty of Economic Sciences & Business Administration, Lebanese University. *Contact information*: e-mail: abirtaki@hotmail.com

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПОТЕНЦИАЛ ЛИВАНЦЕВ

Бу Диаб Анис Набих, Такиддин Абир Риад

Университет Ливана
6573/14 Бадаро, Аляй — Ливан

Глобализацию можно определить как поток технологий, экономики, знаний, людей, ценностей, идей через национальные границы государств. Это оказывает большое влияние на каждый аспект человеческой жизни, включая высшее образование. Некоторые исследователи описывают XXI век как век образовательной мобильности и глобального обучения. Термин интернационализация образования в наши дни широко используется преподавателями и находится на двух уровнях: интернационализация дома и интернационализация за рубежом. Ливан мог бы извлечь огромную выгоду от процессов глобализации, в контексте как импортеров, так и экспортеров на международном рынке образовательных услуг. Также, Ливан мог бы использовать свой многолетний опыт вместе с культурными традициями для продвижения образовательных услуг. В перспективе страна может стать одним из основных поставщиком образовательных услуг, как в классическом виде, так и в интерактивном в своем регионе.

Ключевые слова: глобализация, высшее образование, мобильность, интернационализация, Ливан

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23 мая 2017

Дата принятия к печати: 08 июля 2017

Для цитирования:

Бу Диаб Анис Набих, Такиддин Абир Риад. Влияние глобализации на высшее образование и потенциал ливанцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 2. С. 178—188. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-178-188

Сведения об авторах:

Бу Диаб Анис Набих, кандидат наук, доцент, руководитель департамента финансов факультета «Экономических наук и бизнес администрирования» Университета Ливана. *Контактная информация:* e-mail: boudiabanis@hotmail.com

Такиддин Абир Риад, кандидат наук, доцент факультета «Экономических наук и бизнес администрирования» Университета Ливана. *Контактная информация:* e-mail: abirtaki@hotmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-2-189-198

УДК 330.322.1

РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ: ДИНАМИКА И СТРУКТУРА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Л.В. Шкваря

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье характеризуются основные тенденции прямых инвестиций из Евросоюза в Россию в связи с введением странами ЕС антироссийских санкций. Автором анализируются динамика прямых иностранных инвестиций из стран Европейского Союза в российскую экономику, их отраслевая структура. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что имеющиеся в 2014–2016 гг. проблемы в инвестиционных отношениях между Европейским Союзом и Российской Федерацией в значительной степени не являются непосредственным результатом санкций. Санкции лишь обострили противоречия, сформировавшиеся уже на рубеже веков.

Ключевые слова: ЕС, Российская Федерация, инвестиции, иностранные инвестиции, структура иностранных инвестиций, прямые иностранные инвестиции, иностранный инвестор

Введение

Инвестиционное сотрудничество традиционно играет важную роль в международных экономических отношениях. Экономическая теория и современная практика подтверждает наличие ряда положительных эффектов в процессе международной миграции капитала, как для страны-донора, так и страны-реципиента иностранных инвестиций, в частности, иностранные инвестиции могут стать катализатором развития национальной экономики, роста ВВП, занятости, формирования новых видов деятельности и производств (Русакович В.И., 2009).

Наличие подобного катализатора особенно важно странам в периоды рецессии — как страновой, так и глобальной, которая имеет место в мировой и российской экономике в настоящее время.

Одними из крупнейших инвесторов для российской экономики традиционно оставались страны Западной Европы. Однако в 2014–2016 гг. в связи с введением западными странами санкций против российской экономики инвестиционные отношения сторон переживают период трансформации. Каковы масштабы, направления, последствия этой трансформации? Исследование взаимного российско-европейского инвестиционного сотрудничества в данной статье призвано дать ответы на эти вопросы.

Обзор литературы

Проблемы и перспективы социально-экономического развития России, ее места и роли в системе мирового хозяйства и, в частности, проблемы инвестиционного сотрудничества в условиях санкций остаются объектом пристального внимания исследователей. Это связано с тем, что «В настоящее время мировая экономика проходит очередной этап глубокой перестройки устоявшихся парадигм отношений, сложившихся в ней за долгие десятилетия. Как показывает история, такие трансформации происходят периодически и, как правило, сопровождаются протяженными по времени кризисными явлениями в мировом хозяйстве и существенными изменениями в балансе сил основных экономических центров силы в мире» (Фитуни Л.Л., 2012).

Экономические санкции западных стран негативным образом повлияли на национальное хозяйство Российской Федерации, значительно усилили рецессионные процессы в российской экономике, начавшиеся в 2012—2013 гг. (Шкваря Л.В., 2017).

Особенно сложное положение сложилось в инвестиционной сфере российской экономики, что отмечают многие авторы, так как «востребованность в иностранных инвестициях в экономике России на современном этапе весьма очевидна. В первую очередь, это стремление к открытости экономики, усиление конкурентоспособности на мировых рынках, а также повышение мирового доверия. Именно это и определяет актуальность данной темы работы. Иностранные инвестиции действительно оказывают значительный эффект на экономическое развитие страны в целом, способствуют экономическому росту в результате более эффективного использования ресурсов» (Чернятьева М.Н., 2017).

Кроме того, «...учитывая то, что Россия серьезно отстает в технологическом плане, ей необходим иностранный капитал, который мог бы принести новые технологии и современные методы управления, а также содействовать развитию отечественных инвестиций» (Шокиров И.З., 2016).

Мировой опыт, в том числе Китая, стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (Русакович В.И., 2009) и других стран и регионов мира подтверждает эти выводы.

Причем технологическое отставание России охватывает не только сельское хозяйство, машиностроение и др., но даже топливно-энергетический сектор, являющийся важнейшим сегментом национальной экономики, что неоднократно отмечалось исследователями (Шубин И.И., Косоруков Е.В., 2015).

Однако применение санкций западными странами сокращает возможности России в мировом инвестиционном процессе. В то же время, по мнению экспертов, применение санкций поможет России освободиться от роли донора мировой финансовой системы и сохранить для собственного развития значительную часть капитала, утекающего за рубеж. За счет этого можно добиться 1,5-кратного увеличения объема инвестиций в развитие российской экономики (Дудин М.Н., Лясников Н.В., 2014).

Таким образом, вопросы, касающиеся иностранных инвестиций в Россию, в том числе прямых иностранных инвестиций, остаются весьма актуальными, но и дискуссионными.

Иностранные инвестиции в российскую экономику: место и роль западноевропейских партнеров

Если говорить о притоке иностранного капитала в Российскую Федерацию в целом (рис. 1), то следует отметить первостепенную роль в этом процессе прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Как видно из анализа представленных данных, «провалившись» в 2014 и 2015 гг., стоимостной объем ПИИ в 2016 г. существенно увеличился, прирост за год превысил 480%.

Если говорить о количестве проектов иностранных инвесторов в российской экономике, то их количество также значительно возросло в 2015 г. (рис. 2).

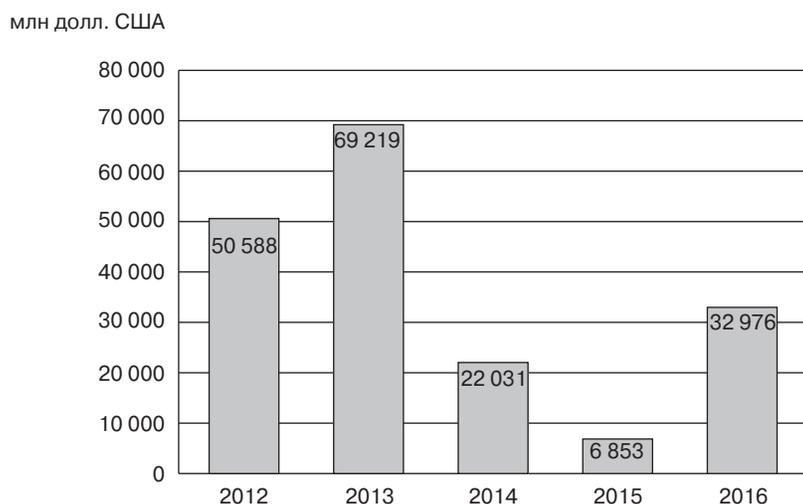

Рис. 1. Приток ПИИ в российскую экономику в 2012—2016 гг. в текущих ценах, млн долл. США
[Fig. 1. Inflow of FDI into the Russian economy in 2012—2016, million US dollars, current prices]

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД. URL: <http://unctad.org/en/Pages/Home.aspx>

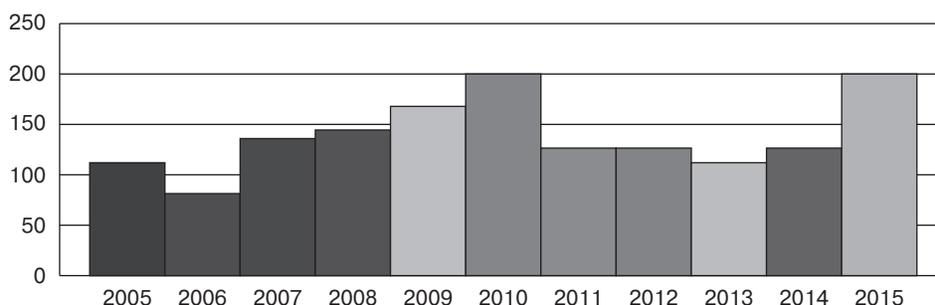

Рис. 2. Количество инвестиционных проектов с ПИИ в российской экономике в 2005—2015 гг.
[Fig. 2. Number of investment projects with FDI in the Russian economy in 2005—2015]

Источник: составлено автором по данным: Иностранные инвестиции» [Электронный ресурс] / Росстат. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1>

Крупнейшим иностранным инвестором в российскую экономику на протяжении длительного времени остается Западная Европа. Можно согласиться с точкой зрения, что «Ввозимый из перечисленных стран капитал в значительной

степени имеет российское происхождение. И хотя собственники такого капитала хорошо знакомы с общей ситуацией и бизнес-культурой в России, тем не менее, поступление капитала из этих стран в меньшей степени сопровождается внедрением современных технологий и соответственно не содействует модернизации экономики Российской Федерации» (Кудряшова И.В., 2013).

Основой инвестиционного сотрудничества стали подписанное в 1989 г. между СССР и Европейским союзом соглашение «О торговле, экономическом и коммерческом сотрудничестве» и между Российской Федерацией и Евросоюзом в 1994 г. «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве».

Объем накопленных инвестиций из стран объединенной Европы в экономике Российской Федерации увеличился за 2007—2011 гг. в 1,4 раза и составил на конец анализируемого периода 261 754,36 млн долл. США. Таким образом, до введения антироссийских санкций Европейским Союзом, около 75% накопленных прямых иностранных инвестиций и иностранных кредитов в экономике России поступали из ЕС. Общий объем прямых иностранных инвестиций в Россию из ЕС составил 154,8 млрд. евро по состоянию на начало 2014 г. Однако роль России как получателя прямых капиталовложений для стран ЕС остается незначительной¹.

Статистические данные свидетельствуют, что объем ПИИ Европейского Союза в экономику России сократился в 2014 г. на 44%, а российских ПИИ в страны ЕС снизился на 21% (рис. 3).

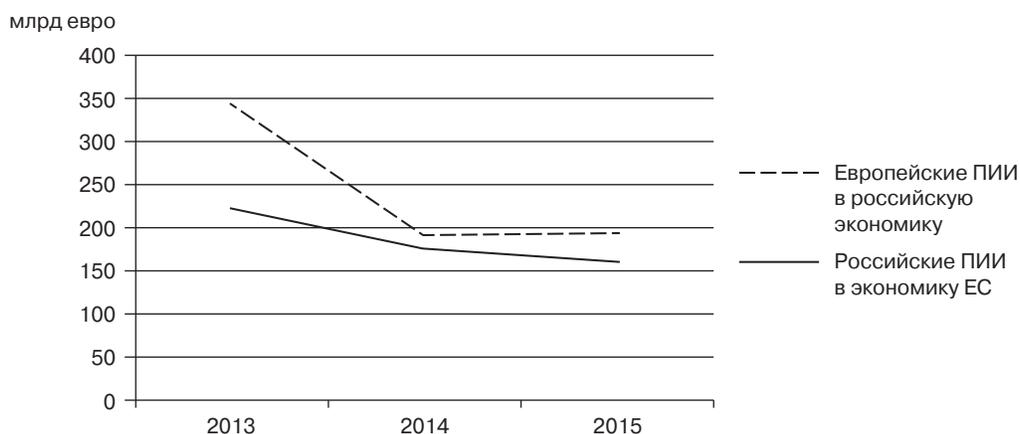

Рис. 3. Российско-европейские ПИИ в 2013—2015 гг., млрд евро

[Fig. 3. Russian-European FDI in 2013—2015, billion euros]

Источник: Nevskaya A. Russia-EU economic relations: Assessing two years of sanctions.

URL: <http://www.russia-direct.org/analysis/russia-eu-economic-relations-assessing-two-years-sanctions>

Падение инвестиционной активности было связано, в первую очередь, с ростом инвестиционных рисков из-за санкций, со снижением цен на нефть и с нестабильностью рубля. Однако, поскольку ситуация в 2015 г. стала более стабиль-

¹ Nevskaya A. Russia-EU economic relations: Assessing two years of sanctions. [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/569020/EPRS_BRI\(2015\)5690_20_EN.PDF](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/569020/EPRS_BRI(2015)5690_20_EN.PDF) (дата обращения: 23.04.2017).

ной, постепенно начался возврат капитала и восстановление замороженных проектов. По данным Евростата, за 10 месяцев 2015 г. объем инвестиций в Россию из ЕС почти сравнялся с уровнем 2014 г.

В целом в 2015 г., несмотря на введение ограничений, а также непростую макроэкономическую ситуацию в России, количество профинансированных этими странами проектов продолжает расти. В 2015 г. инвесторы из Западной Европы вложили средства в 106 проектов — это рекордный показатель с 2005 г., который продемонстрировал годовой рост на 77%. С точки зрения инвестиционной активности, в топ-3 европейских стран, инвестирующих в Россию, вошли Германия (36 проектов, 2076 созданных рабочих мест), Франция (20 проектов, 819 созданных рабочих мест) и Италия (12 проектов, 777 созданных рабочих мест). Ранее превысить планку в 100 проектов западноевропейским инвесторам удавалось только однажды — в 2010 г. (Вялкин А., 2017).

Следовательно, чуть больше $\frac{1}{2}$ от общего количества проектов приходится на страны Западной Европы, которые в 2014 г. ввели ограничения против российской экономики, большая часть которых касается именно инвестиционной сферы. Интересно отметить, что 2-е место по количеству профинансированных проектов занимают США (29 проектов, предполагающих прямые иностранные инвестиции, создавших в общей сложности 2868 рабочих мест в России).

Отраслевой аспект ПИИ, привлекающий европейских инвесторов, остается традиционным на протяжении ряда лет (рис. 4).

Рис. 4. Отраслевая структура ПИИ в Российскую Федерацию, 2015 г.

[Fig. 4. Sectoral structure of FDI in the Russian Federation, 2015]

Источник: составлено автором по данным: «Иностранные инвестиции» [Электронный ресурс] / Росстат. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1>

Как видно из анализа представленных данных, это оптовая и розничная торговля (36%), обрабатывающие производства, добыча полезных ископаемых (19%). Действительно, западноевропейские топливно-энергетические компании стре-

мятся получить непосредственный доступ к углеводородному сырью России путем приобретения доли в капитале не только энергетических, но даже транспортных и сбытовых предприятий. Эти действия зачастую противоречат политике наднациональных органов Евросоюза (Korzhengulova A., Shkvarya L., Melanyina M., 2017).

Можно отметить, что Российская Федерация остается привлекательным рынком для европейских инвесторов в силу важности ТЭК для стран ЕС, необходимости обеспечения энергетической безопасности Евросоюза и эффективной реализации Энергодиалога с Россией.

Хотя США и ЕС пытались гармонизировать секторальные санкции, между ними существует ряд технических различий¹. Одним из наиболее заметных различий является обеспечение преемственности в санкциях ЕС, что дает возможность компаниям в ЕС продолжать выполнять контракты, которые были заключены до наложения санкций. Это позволило, например, европейским энергетическим компаниям, таким как Eni продолжить активную работу по целому ряду нефтяных проектов, начатых до 2014 г., в отличие от компаний США, которым в значительной степени пришлось приостановить участие в российских арктических, глубоководных и сланцевых нефтяных разработках. Роял Датч Шелл подписала долгосрочный контракт с ОАО НОВАТЭК в 2015 г. для поставок СПГ в рамках проекта Ямал-СПГ².

С российской стороны активность в странах ЕС была направлена в первую очередь, в энергетический сектор. Так, в 2014—2015 гг. «Роснефть» приобрела 16% НПЗ в Германии. Кроме того, приобретения российскими компаниями были сделаны в фармацевтической, строительной и атомной промышленности. Активы были проданы в нефтяной и газовой отрасли, «Газпром» продал доли в газораспределительных компаниях в Латвии и Литве, а «Лукойл» продал свои сети АЗС в Чехии, Словакии, Венгрии и Эстонии.

Однако большинство текущих российско-европейских совместных инвестиционных проектов в российской экономике касаются таких отраслей, как машиностроение, атомная энергетика, химия и розничная торговля. Некоторые компании из ЕС запустили новое производство в России в 2015 г. («Хенкель», «Байер», компания Rohde & Шварц), увеличили потенциал существующих мощностей (Санофи), или подняли свои вложения в российские активы («Рено-Ниссан», «Даймлер»). Наметившийся рост инвестиционных проектов в обрабатывающую промышленность в России свидетельствует о желании европейских инвесторов создать или расширить собственные производственные структуры в РФ, которые дадут им возможность значительно сократить стоимость их товаров и более эффективно и адекватно откликаться на изменения цен на рынке, обойти те же санкционные ограничения.

¹ В то время как санкции США останутся в силе до иного решения американских политиков, Европейский Союз должен продлевать санкции в отношении России каждые 6 или 12 месяцев, обеспечивая единогласие государств-членов.

² <http://www.russia-direct.org/analysis/russia-eu-economic-relations-assessing-two-years-sanctions>

Также европейские компании инвестируют в сельское хозяйство России, что крайне важно для нашей страны в условиях импортозамещения в продовольственной сфере. Наиболее значимым из них можно считать немецкий Toennies Lebensmittel GmbH & Co, являющийся одним из крупнейших переработчиков мяса в Европе, с инвестиционным проектом АПК «Дон» (Шевцов В.В., Белкина Е.Н., 2017).

Можно выделить ряд причин, которые стимулируют компании ЕС сохранять контакты и даже наращивать темпы сотрудничества с российскими коллегами в сложных экономических условиях и на фоне сокращения рынка.

Во-первых, европейские партнеры стратегически ориентированы на российский рынок и имеют опыт работы в трудные времена (например, «Юнилевер» работает на российском рынке с начала 1990-х гг.).

Во-вторых, с точки зрения российского «поворота на Восток» и обострения конкуренции за рынки сбыта в глобальном мире, инвесторы из ЕС не хотят «сжигать мосты» под давлением временных рыночных условий из-за страха потерять российский рынок в долгосрочной перспективе: крупный европейский бизнес стремится сохранить свои позиции на российском рынке. А поскольку санкции введены не Советом безопасности ООН, то европейский бизнес достаточно успешно стремится найти более или менее законный способ сохранить свои интересы в России.

В-третьих, ситуация с российским курсом рубля открывает новые возможности для экспортно-ориентированных отраслей в России. Ряд производителей из стран ЕС, таких как «Эрманн», уже воспользовались этой тенденцией. До санкций и экономического кризиса Россия была довольно дорогой для производства страной. С девальвацией рубля она стала почти в 2 раза дешевле для европейских производителей в России.

Наконец, в-четвертых, существует государственная политика, которая направлена на привлечение инвестиций и локализацию иностранного производства. Ее возможностями уже воспользовались компании «Альстом», «Шнайдер Электрик» и другие давно ведущие производство в России европейские структуры, так как рассчитывать на успех поданной на государственный тендер заявки могут только те компании, которые уже наладили свое производство в России.

Выводы и рекомендации

Проведенное исследование российско-европейского инвестиционного сотрудничества позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, санкции не стали «поворотным пунктом» в торгово-экономических и инвестиционных отношениях между ЕС и Россией. Они фактически лишь ускорили процессы, которые начались до 2014 г. Так, по данным Росстата, уже в 2007—2011 г. объем инвестиций (прямых, портфельных и пр.), поступавший в Россию из ЕС, сократился в 1,8 раза¹ в результате прекращения или приостановления ряда инвестиционных проектов. Уменьшилась и доля ПИИ в общем объеме ино-

¹ Иностранные инвестиции [Электронный ресурс] / Росстат. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1>

странного капитала, поступающего из стран Западной Европы в экономику Российской Федерации. Сохранялись и отраслевые и региональные диспропорции в инвестиционном процессе, а основными странами-инвесторами оставались на протяжении длительного времени Кипр, Нидерланды и Люксембург, на долю которых приходилось порядка $\frac{2}{3}$ объема накопленного в России западноевропейского капитала.

Во-вторых, нынешний кризис высветил существующие проблемы в отношениях между ЕС и Россией, которые сложились на протяжении длительного периода, но в то же время показал реальную степень взаимозависимости их экономик. Другими словами, кризис дал возможность начать строительство новых трансграничных производственно-сбытовых цепочек.

В ближайшем будущем можно ожидать дальнейшего сокращения традиционных способов экономического сотрудничества между Россией и ЕС, реорганизацию российско-европейских торгово-экономических и инвестиционных отношений, и появления новых форм взаимодействия между корпорациями в России и Европе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вялкин А. Иностранные инвестиции в экономику России: рост на фоне объективных проблем // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 6. С. 88—96.
- Дудин М.Н., Лясников Н.В. Развитие экономики России в условиях экономических санкций: национальные интересы и безопасность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 43 (280). С. 2—11.
- Иностранные инвестиции [Электронный ресурс] / Росстат. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1>
- Кудряшова И.В. Прямые инвестиции из Европейского Союза в Россию: Новые тенденции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2013. № 1. С. 16—20.
- Русакович В.И. Возможности и направления участия стран Персидского залива в мировых процессах миграции капитала // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2009. № 3. С. 27—36.
- Русакович В.И. Инвестиционный климат арабских стран // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2009. № 9. С. 382—387.
- Фитуни Л.Л. Дифференциация развивающихся стран и новая архитектура мировой экономики (вопросы теории) // Азия и Африка сегодня. 2012. № 10 (663). С. 9—18.
- Чернятьева М.Н. Прямые иностранные инвестиции в России: структура и динамика на современном этапе / Научный диалог: экономика и менеджмент. Сб. науч. тр. по материалам VI межд. науч. конф. М.: Изд-во ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2017. С. 45—50.
- Шевцов В.В., Белкина Е.Н. Иностранные инвестиции в сельское хозяйство России: динамика и перспективы // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2017. № 37. С. 32—37.
- Шкваря Л.В. Российско-европейские санкции и их влияние на региональные и глобальные экономические процессы // Экономика и предпринимательство. 2017. № 7.
- Шокиров И.З. Роль иностранных инвестиций в экономике России // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2016. Т. 2. № 12. С. 928—930.

Шубин И.И., Косоруков Е.В. Иностранные инвестиции в нефтегазовую отрасль России / Актуальные проблемы государственного управления, экономики, юриспруденции и психологии. М., 2015. С. 127—136.

Korzhengulova A., Shkvarya L., Melanyina M. The EU-Russia Conceptual Interaction in the Eurasian Space in the Context of Western Sanctions // *Central Asia and the Caucasus*. 2017. Т. 18. № 1. С. 7—14.

Nevskaya A. Russia-EU economic relations: Assessing two years of sanctions. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/569020/EPRS_BRI\(2015\)5690_20_EN.PDF](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/569020/EPRS_BRI(2015)5690_20_EN.PDF) (дата обращения: 23.04.2017).

© Шкваря Л.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01 июня 2017

Дата принятия к печати: 27 июня 2017

Для цитирования:

Шкваря Л.В. Российско-европейские инвестиции: динамика и структура в условиях санкций // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 2. С. 189—198. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-189-198

Сведения об авторе:

Шкваря Людмила Васильевна, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета Российского университета дружбы народов. Контактная информация: e-mail: destard@rambler.ru

RUSSIAN-EUROPEAN INVESTMENTS: DYNAMICS AND STRUCTURE IN TERMS OF SANCTIONS

L.V. Shkvarya

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The paper characterizes the main trends of direct investment from the EU to Russia in connection with the introduction of the EU anti-Russian sanctions. The author analyzes the dynamics of foreign direct investment from European Union countries in the Russian economy, their industry structure. On the basis of the conducted analysis the author comes to the conclusion that in 2014—2016 the existing problems in the investment relations between the European Union and the Russian Federation to a significant extent, are not the direct result of the sanctions. The sanctions only exacerbated tensions that had already formed at the turn of the century.

Key words: EU, Russian Federation, investments, foreign investments, structure of foreign investment, direct foreign investments, foreign investor

REFERENCES

Vyalkin A. (2017). Inostrannye investitsii v ekonomiku Rossii: rost na fone ob"ektivnykh problem // *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. № 6. P. 88—96.

- Dudin M.N., Lyasnikov N.V. (2014). Razvitie ekonomiki Rossii v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsii: natsional'nye interesy i bezopasnost' // Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. № 43(280). P. 2—11.
- Inostrannye investitsii / Rosstat. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1>
- Kudryashova I.V. (2013). Pryamye investitsii iz Evropeiskogo Soyuza v Rossiyu: Novye tendentsii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie. № 1. P. 16—20.
- Rusakovich V.I. (2009). Vozmozhnosti i napravleniya uchastiya stran Persidskogo zaliva v mirovykh protsessakh migratsii kapitala // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika. № 3. P. 27—36.
- Rusakovich V.I. (2009). Investitsionnyi klimat arabskikh stran // Gornyi informatsionno-analiticheskii byulleten' (nauchno-tehnicheskii zhurnal). № 9. P. 382—387.
- Fituni L.L. (2012). Differentsiatsiya razvivayushchikhsya stran i novaya arkhitektura mirovoi ekonomiki (voprosy teorii) // Aziya i Afrika segodnya. № 10 (663). P. 9—18.
- Chernyat'eva M.N. (2017). Pryamye inostrannye investitsii v Rossii: struktura i dinamika na sovremennom etape / Nauchnyi dialog: Ekonomika i menedzhment. Sbornik nauchnykh trudov po materialam VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. M. P. 45—50.
- Shevtsov V.V., Belkina E.N. (2017). Inostrannye investitsii v sel'skoe khozyaistvo Rossii: dinamika i perspektivy // Problemy sovremennoi ekonomiki (Novosibirsk). № 37. P. 32—37.
- Shkvarya L.V. (2017). Rossiisko-evropeiskie sanktsii i ikh vliyanie na regional'nye i global'nye ekonomicheskie protsessy // Ekonomika i predprinimatel'stvo. № 7.
- Shokirov I.Z. (2016). Rol' inostrannykh investitsii v ekonomike Rossii // Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики. T. 2. № 12. P. 928—930.
- Shubin I.I., Kosorukov E.V. (2015). Inostrannye investitsii v neftegazovuyu otasl' Rossii / Aktual'nye problemy gosudarstvennogo upravleniya, ekonomiki, yurisprudentsii i psikhologii. M. P. 127—136.
- Korzhegulova A., Shkvarya L., Melanyina M. (2017). The EU-Russia Conceptual Interaction in the Eurasian Space in the Context of Western Sanctions // Central Asia and the Caucasus. T. 18. № 1. P. 7—14.
- Nevskaya A. Russia-EU economic relations: Assessing two years of sanctions. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/569020/EPRS_BRI\(2015\)5690_20_EN.PDF](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/569020/EPRS_BRI(2015)5690_20_EN.PDF)

Article history:

Received: 01 June 2017

Revised: 14 June 2017

Accepted: 27 June 2017

For citation:

Shkvarya L.V. (2017) Russian-European investments: dynamics and structure in terms of sanctions. RUDN Journal of Economics, 25 (2), 189—198. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-189-198

Bio Note:

Shkvarya L.V. Professor, Doctor of Economics, professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia. *Contact information:* e-mail: destard@rambler.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-2-199-208

УДК 364.662

ИСТОРИЯ БОРЬБЫ С БЕДНОСТЬЮ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

О.Б. Пичков

Московский государственный институт международных отношений (университет)

МИД России

пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

В статье рассматривается проблема бедности и социального неравенства в Великобритании, как в настоящее время, так и в исторической ретроспективе. Представлены позиции по этому вопросу выдающихся философов и экономистов конца XVIII — начала XIX веков.

Проводится анализ эффективности действий правительства Великобритании искоренению этого явления на современном этапе развития. Отдельно рассматривается деятельность негосударственных организаций по борьбе с бедностью. Рассматриваются факторы, влияющие на социальное расслоение общества.

Ключевые слова: бедность, Великобритания, история, экономическое и социальное неравенство

Введение

Бедность является одной из самых острых социально-экономических проблем, которую, наверняка, не оставил без осмысления ни один человек. В одно время люди трактовали ее как «социальное зло», в другое как «состояние экономической независимости индивидов и групп», а бывало, как и «социальное благо». Учеными прошлых столетий и настоящего времени явление бедности, ее существование оценивалось и оценивается как нормальное естественное явление. Хотя между ними есть определенные разногласия, и начинаются они с роли государства и проведения социальной политики в отношении «неимущих».

Согласно историческим источникам, проблема бедности и нищеты в Англии резко обострилась в конце XVIII века по вполне понятным причинам, такими как: рост безработицы, высокие цены на продукты, низкие заработные платы, результаты огораживания, рост налогов на бедных в графствах, которые были не выгодны не только зажиточным лендлордам, но и среднему классу, а также войны с Францией. Потому, когда говорится о том, что философы, мыслители и политики тех времен были заинтересованы данной проблемой из-за ее обострения, говорится от лица зажиточной части населения, а вовсе не бедных, у которых редко появлялась возможность говорить самим за себя. Конечно, под обострением проблемы подразумевали не ухудшение положения неимущих, а именно дискомфорт, появившийся у слоев, которые платили налоги в пользу бедных. Выходит, что потомки вынуждены осмысливать информацию, которая выстраивалась из стереотипов и предрассудков элиты тех времен.

Обзор литературы

Основными источниками, раскрывающими исторические основы явления бедности или же социального неравенства в Великобритании стали труды таких ученых и философов как Дж. Таусенд, А. Смитт. Современный взгляд и опыт борьбы с бедностью рассмотрен на основе проекта *Poverty and Social Exclusion UK*, а также доклада «Анализ характера бедности и неравенства в Великобритании», Oxfam.

В процессе исследования были использованы различные методы и приемы: совокупность научных приемов абстрактно-логического метода; сравнительно-исторический — при изучении формирования и развития теории бедности.

Подходы к трактовке понятия «бедность»

Великобритания является страной с самой продолжительной и уникальной историей связей между государством, обществом и его беднейшей составляющей. Уже в конце XVIII века в Англии были воплощены первые королевские правовые акты, направленные на помощь бедному слою населения. Династия Тюдоров за время своего правления осуществила, казалось бы, невероятный для того времени взлет благотворительности и филантропии, а также заложила основы для появления бесплатного медицинского обслуживания для малоимущих. Со стороны государства в этот период появилось множество нормативных и законодательных актов в отношении проблемы бедности. Общественность же старалась создавать организации самопомощи. Лидером по объему затрачиваемых средств на отчисления в пользу малоимущих в XVIII веке становится Англия. Это время также характеризовалось частыми, масштабными дебатами о проблемах бедности.

Ученые начала XVIII века считали явление бедности необходимым и разделили «бедняков» на две подгруппы. Фермеры, ремесленники, дети, одинокие женщины, старики и просто нуждающиеся в социальной помощи составили первую группу, во вторую — входили люди, которые напрямую зависели от социальных дотаций или помощи. Как раз она и стала творением элиты, которая и устанавливала «правила» получения статуса паупера, т.е. человека, заслужившего возможность получать какие-либо отчисления в свою пользу. Такое разделение носило чисто административный характер.

В конце XVIII века Адам Смит предпринял попытку рассмотреть бедность не с той стороны, которая привычно воспринималась в интеллектуальном сообществе, а попробовав выделить ее в относительную категорию. Он писал, что «в некоторых государствах сочтут необходимостью то, что в других посчитают за роскошь — например, льняные сорочки или кожаную обувь...Заработок же самого скромного рабочего может обеспечить самое необходимое для жизни — есть и одеваться, обустроить дом и завести семью...Большое количество заработка уходит на удобства, которые могут быть даже отнесены к излишествам...». Относительность бедности он выявляет через связь бедности и материальной способностью придерживаться социальных стандартов, как будто прогнозируя зародившийся в XX веке субъективный подход к бедности — «бедность как ощущение себя бедным» (Smith A., 1790).

Стоит сказать, что философы конца XVIII века, как бы по-разному не смотрели на бедность, утверждали, что предпочтительнее придерживаться нечего среднего — ни богатства, ни бедности. Ранний социалист, Ульям Годвин, размышлял о месте, где все жили бы в «одинаково скромном достатке». Основными аргументами дискуссий о проблемах бедности оставались моральные аргументы, и именно они осмысливали причины укоренения этого явления и возможные методы его решения.

Философы конца XVIII — начала XIX веков, пытаясь осмыслить этот вопрос, разделились на два противоположных направления. Представители первого направления называли себя «Социал-Дарвинистами» и объясняли причины бедности как личную обусловленность и считали, что люди сами виновны в том, что находятся в данном слое общества и, что возможным вариантом выхода из нее является отказ от социальной помощи и переориентация неимущих на помощь самим себе. Первооткрывателем этого подхода стал Джозеф Тауншенд, который и высказал данную идею в своей работе 1786 года «Исследование законов о бедных доброжелателем человечества». «Количество пищи — вот что регулирует численность человеческого вида», писал Тауншенд, трактуя это как закон природы, который человек вряд ли способен изменить. В обществе всегда должны быть бедные и голодные люди, нуждающиеся в работе, чтобы численность населения не превышала количество пищи. Они являются причиной чрезмерной нищеты потому что увеличивают свою численность раньше, чем появляется возможность обеспечивать их в достаточном количестве. Тауншенд делает вывод, что причины роста нищеты следующие: безрассудное размножение бедных, ленность и порочность бедняков, у которых отсутствует нота этики протестантизма — трезвости, трудолюбия и бережливости, и английские законы о бедных, в которых говорится, что общество должно поддерживать и содержать пауперов.

Все упомянутые философы ссылаются на труды Адама Смита, а он смотрел на проблему бедности иначе. Он предполагал, что с бедностью бороться нет смысла, и попытки будут провальными, так как это вмешательство в законы рынка. Все зависит от свободы рынка труда — как состоятельность богатых, так и бедных. Безработные сами могут выбирать себе работу, а работодатели нанимать рабочих за то минимальное жалование, за которое у них эти рабочие согласны будут работать. А так как труд регулируется законами спроса и предложения, то с течением времени заработная плата бедных сама найдет свой естественный уровень.

Подводя итог о знакомстве с взглядами философов конца XVIII и начала XIX, можно сказать, что они имели несколько «взглядов элиты» на «бедность»: объекты благотворительности, угроза общественному порядку и потенциальный человеческий ресурс для производства (необходимо дать им знания и стимулы). Произошел переход от «симпатии к угрозе, которую необходимо контролировать или использовать с целью социального и экономического конструирования».

Стоит отметить, что в 1834 году все отчисления в пользу бедных были прекращены, и было положено начало «антисоциальной политике» работных домов. Однако именно этот момент повлиял на развитие идеи социального либерализма в XX веке. Тогда же провели реформы, на которых базировалась модель социально-экономического и политического устройства середины XX века. Она полу-

чила название «Государства всеобщего благосостояния» и предусматривала общественную ответственность за уровень жизни людей, не способных самостоятельно обеспечивать себя.

Проблема бедности населения в Великобритании

На современном этапе Великобритания — одна из самых экономически стабильных и богатых стран. Международным сообществом предлагаются условия, для снижения уровня нищеты. В этот список входят такие меры как: демократия; относительно независимые СМИ; предоставление базовых услуг, обеспечивающих всем необходимым; независимые суды и законы, закрепляющие права, и запрещающие дискриминацию. Несмотря на то, что они гарантированы государством, тысячи людей, как женщин, так и мужчин, лишены доступных богатому слою возможностей из-за систематически повторяющейся дискриминации, корыстных интересов или общественных отношений, таких как расизм. За последнее время произошло немало перемен, которым способствовал экономический рост, а также меры правительства, направленные на борьбу с бедностью. Однако это незаметное перераспределение доходов, неравенство в возможности получения или же пользования услугами означает, что неравенство в социальной сфере Великобритании может быть одной из основных проблем общества. Каждый четвертый человек, проживающий в Великобритании, живет на грани или же за чертой бедности, когда, в основном, потребности населения удовлетворяются (Oxfam, 2016).

Бедностью в Великобритании считается уровень медианного дохода в размере 60%. Согласно данным, 13,2 млн человек в Великобритании находятся за чертой бедности, что составляет 23% всего населения. Существует проект «Стандарты минимального дохода», цель которого заключается в создании приемлемого уровня жизни для различных типов семей. Согласно мнению экспертов данного проекта (рисунок) суммы средств достаточны для приемлемого качества жизни (Oxfam, 2016).

Чаще всего в условиях нищеты оказываются именно женщины, они же имеют больший шанс оставаться в бедности в течение всей жизни. Женщины, исторически зарабатывают меньше мужчин, что связано с их семейным статусом, домашними обязанностями и возможностью временно освободить свое рабочее место, уходя в декретный отпуск. Все это сказывается на их трудоустройстве и заниженной пенсии в их дальнейшей жизни (Oxfam, 2016).

Не стоит упускать из вида факт наличия гражданства или его отсутствия, имеющий сильное влияние на возможность трудоустройства. Правительство Великобритании в связи с увеличением количества мигрантов ограничивает право на поддержку для лиц, не имеющих гражданства этой страны, даже если у них есть правовой статус в Великобритании. Вместе с этим существует около 600 тыс. нелегальных мигрантов, которые остаются без правовой поддержки и представляют собой слой населения, проживающего за чертой бедности. Большинство из них работают в низкооплачиваемых секторах, с высоким уровнем эксплуатации. К сожалению, наличие работы не всегда служит спасением от бед-

ности. Происходит это потому, что работа, предлагаемая бедным людям малооплачиваема и имеет мало перспектив для карьерного и финансового роста. В дополнении к этому они сталкиваются с частой враждебностью со стороны СМИ и общественных движений (Oxfam, 2016).

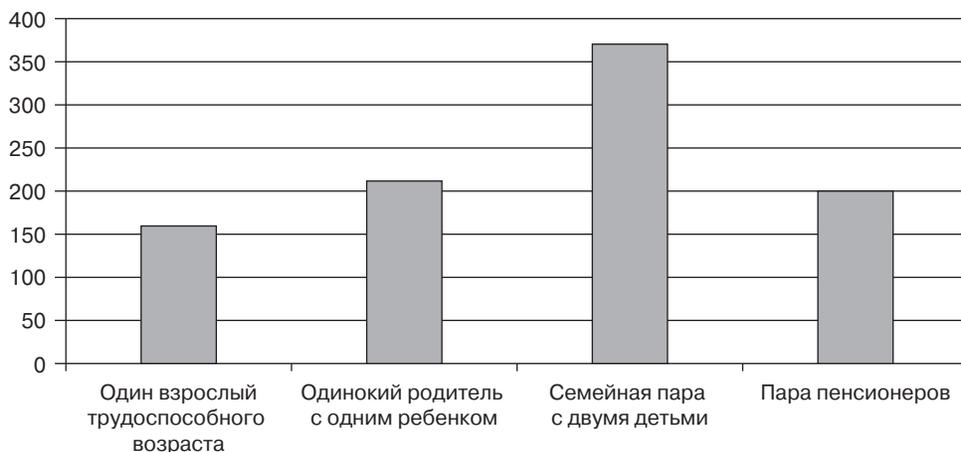

Рис. Минимальная сумма дохода в неделю для различных типов семей, фунт стерлинг
[Fig.] The minimum amount of income per week for different types of families (pounds sterling per week)
 Источник: составлено автором на основании данных статьи Анализ характера бедности и неравенства в Великобритании, Oxfam. URL: <http://www.detirossii.ru/15651.php#>

Бедность в Великобритании определяется не только уровнем дохода, но также отсутствием власти и голоса.

В основном, обездоленные люди сосредоточены в Лондоне, однако его окраины, как и центральная часть Англии, имеют уровень бедности равный 0–6% и местами 7–11%. Также высоким уровнем бедности могут «похвастаться» Честер, Манчестер и Ноттингем, примерно равным уровнем бедности Лондона. Что касается Шотландии, то уровень бедности по региону начинается с 7%, и чем дальше от крупных городов, тем проще живется населению. Центром бедности региона является Глазго, однако такие крупные города, как Эдинбург и Инвернесс не сильно отстают от него. Самым равномерным распределением бедности обладает Уэльс, где в худшую сторону выделяется город Кардиф. Однако это вовсе не означает, что уровень бедности по региону меньше, чем в других административных единицах, и останавливается он на отметке в 12–17% (Child poverty map of UK, 2013).

Упадок тяжелой промышленности, в основном горнодобывающих и обрабатывающих предприятий, позволил бедности сконцентрироваться в определенных местах. Кроме того, она сконцентрирована в местах с низкой экономической активностью, низким социальным и человеческим капиталом, меньшими государственными активами, в традиционной городской среде. Хотя в центральной части городов неравенство между людьми с высоким уровнем доходов и беднейшим сословием продолжает расти с каждым днем (Oxfam, 2016).

В Великобритании стараются экономить на всем. Например, более 10 тыс. англичан в век информационных технологий по-прежнему используют черно-

белые телевизоры, так как стоимость услуг цветного телевидения на 7 фунтов дороже черно-белого и составляет 11 фунтов стерлингов в месяц. Относительно недавние исследования показали, что 2,5% англичан регулярно ночуют в своих автомобилях после работы, чтобы сэкономить на топливе, затрачиваемом при поездках от дома до работы и наоборот, что происходит это из-за высоких цен на бензин. Однако стоит сказать, что традиционно температура +10 °С считается нормальной и разница в комфорте получается не такой большой, как могло бы показаться.

Политика по сокращению бедности в Великобритании

В настоящее время политики Великобритании считают, что рыночная экономика — главный элемент процветания королевства, а оплачиваемая работа — решение проблем бедности. По их мнению, необходимо также устранить явление дискриминации и приватизировать государственные услуги, чтобы сократить затраты, однако, испытывают проблемы реализации. Иммиграцию же рассматривают как нечто необходимое, чтобы предложение рабочей силы в Великобритании не угасало. Такой тренд получил свое начало в 2005 году.

Начиная с 1997 года, лейбористы добились определенных успехов в борьбе с нищетой, особенно это стало заметно пожилым людям и семьям с детьми (хотя на данный момент процесс существенно замедлился). Вместе с тем, не удалось достичь консенсуса по вопросу усиления государственного вмешательства для решения проблемы бедности и растущего социального неравенства. Миссия правительства заключалась в том, чтобы построить стабильно сильное, и, важно заметить, конкурентоспособное общество. Добиться этого планировалось за счет повышения производственных мощностей и ускорения экономического роста. Стратегия, конечно, имела определенный успех, но, как уже было замечено, значительного снижения уровня бедности во время экономического спада достичь не удалось. Был сделан вывод, что дальнейшее развитие этой программы будет очень дорогим и проблематичным.

Помимо изменений на государственном уровне, Шотландия и Уэльс разрабатывают свои региональные программы. Шотландия, в частности, концептуально рассматривает идею отделения от Великобритании. Приоритетом экономической стратегии Шотландии является рост экономики и, соответственно, расширение программ борьбы с бедностью.

Правительство Великобритании убеждено, что страна конкурентоспособна в глобальной экономике при данном уровне бедности, а потому, прежде всего, стремится поддерживать инновации, предпринимательство, сохранять гибкость рынка труда для привлечения инвестиций и повышения уровня занятости населения, который, благодаря глобализации и росту сектора услуг, дает прирост с 1997 года.

Но это снова лишь «взгляд элиты», ведь на самом деле слабость системы социальной защиты, относительная безопасность, означают, что множество людей, испытывающих нищету, часто делают выбор в пользу отсутствия работы.

В 1999 году правительство Великобритании поставило амбициозную цель — прекращение детской бедности к 2020 году. Был принят ряд инициатив, улучшающих возможности бедных детей. Примером может послужить создание наци-

ональной сети детских центров «Уверенный Старт». Проект предусматривает предоставление помощи и оказание заботы детям и их семьям на начальном этапе. Изначально, правительство ставило цель покончить с детской бедностью уже к 2005 году, но и сейчас она кажется трудновыполнимой и в 2020 году.

Правительство рекламирует цели борьбы с бедностью пенсионеров, показывая, что исторически происходит увеличение государственных отчислений в их пользу. Налоговый кредит на пенсии уже помог более 2 млн пенсионерам выбраться из нищеты (большинством из них — женщины). Однако большое количество пенсионеров не имеют прав на налоговые льготы или иные средства, что, конечно же, затрудняет их выход из бедности.

Используются и определенные меры в области образования для повышения социальной интеграции. Правительство рассматривает важность образования, прежде всего, как метод повышения конкурентоспособности страны, ведь образование увеличивает возможность трудоустройства молодого населения. Проблема лишь состоит в том, чтобы дать возможность обустроиваться молодым специалистам наравне со взрослыми. Ресурсы, сосредоточенные в этом направлении, помогли добиться роста результатов экзаменов, хотя большое количество молодых людей так и не достигает пороговой отметки после окончания обязательного 11-летнего образования.

Помимо этого, существуют меры, направленные на борьбу с бедностью в отдельных обездоленных общинах.

Плохое жилье и его безопасность — одна из главных проблем бедного слоя населения. Из-за постоянного роста цен и без того дорогого жилья, существует еще и нехватка социально-арендованного жилья. Многие из беднейших слоев населения проживают в домах социального найма, которые принадлежат местным советам или жилищным товариществам.

В настоящее время производятся вливания средств в фонды социального жилья, которые помогают улучшить его качество, но само жилье все еще труднодоступно в виду жестких критериев отбора и распределения. Только люди, проживающие в глубочайшей бедности, могут получить жилье. Многие регионы, такие как центральная часть Англии и Шотландии, страдают от недостатка предложения и большого спроса на жилье.

Правительство вводит ограниченные схемы, помогающие покупателям обзавестись доступным жильем, но реального эффекта они пока не показали, а экономический спад лишь усугубляет положение в сфере строительства жилья. Большинство помещений, сдающихся в аренду частными арендодателями, находятся в ужасном состоянии. Чаще всего в них проживают беднейшие семьи и недавно прибывшие мигранты, которые платят большую ренту в тесных и небезопасных условиях.

Такие правовые акты как «Правовые обязанности по признаку расы» 2000 года и «Правовые обязанности гендерного равенства» 2007 года делают организации ответственными за обеспечение отсутствия дискриминации, а также поощряют равенство и усиливают меры по укреплению законодательства по делам инвалидов, сексуальных и религиозных меньшинств. Новые законы, направленные на обеспечение равных прав граждан, находятся на стадии разработки (Oxfam, 2016).

Принимаются определенные меры в сфере здравоохранения. Разработан целый ряд программ для поощрения и поддержания здорового образа жизни бедного слоя населения в Англии, Шотландии и Уэльсе. Увеличивается финансирование здравоохранения, что уже привело к снижению смертности от рака, сердечно-сосудистой болезни, ишемической болезни сердца и детской смертности (Oxfam, 2016).

Конечно, помимо стратегий по уменьшению или искоренению бедности, существуют преднамеренные или же непреднамеренные действия правительства, которые способствуют ухудшению ситуации.

Работа по совершенствованию законодательства в сфере социального равенства хоть и активизировалась за последние десятилетия, но, по оценкам специалистов, принимаемых мер по искоренению причин бедности недостаточно.

Основные факторы, влияющие на уровень бедности и социального неравенства в Великобритании, такие:

- глобализация и споры о политическом консенсусе вокруг неолиберальной экономической политики;
- рост экономического и социального неравенства, приводящий к снижению социальной мобильности и увеличению бедности в течении всей жизни для обездоленных групп;
- прямая и структурная дискриминация в отношении женщин и этнических меньшинств;
- финансовая уязвимость в периоды жизненных переходов (рождение ребенка, низкие темпы роста активов и неспособность к сглаживанию доходов в трудные времена);
- негативное отношение общественности к людям, которые живут в нищете;
- отсутствие гражданства Великобритании и, как следствие, невозможность пользоваться благами социальной защиты;
- недостаток финансовых активов, которые могли бы помочь справиться с возможными потрясениями;
- небезопасная и низкооплачиваемая работа;
- высокий уровень личной и потребительской задолженности, которая оценивается в более чем 1 трлн фунтов стерлингов;
- высокие цены на жилье и недостаток соответствующего жилья;
- бедность домохозяйств и в иммигрантских общинах.

Вся политика королевства по борьбе с бедностью построена на повышении уровня занятости в условиях экономического роста. В период спада она дает сбой, что способствует увеличению безработицы и дальнейшему социальному расслоению. Рост неравенства и недовольство проводимой правительством политики стали одной из причин проведения референдума по вопросу Brexit (Oxfam, 2016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анализ характера бедности и неравенства в Великобритании, Oxfam // Гражданское общество — Детям России. URL: <http://www.detirossii.ru/15651.php#> (дата обращения: 17.11.2016).
- Таунсенд Дж. Страницы истории. URL: http://storyo.ru/filo/33_01.htm (дата обращения: 15.11.2016).

Child poverty map of UK. Poverty and Social Exclusion, PSE. Campaign to End Child Poverty. 2013. URL: <http://www.poverty.ac.uk/report-child-poverty/child-poverty-map-uk> (дата обращения: 05.11.2016).

Smith A. *The Theory of Moral Sentiments*. London: A. Millar; 1790. Part I, section III, paragraph I.III.16. Library of Economics and Liberty. URL: <http://www.econlib.org/library/Smith/smMS1.html> (дата обращения: 05.11.2016).

© Пичков О.Б., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 июня 2017

Дата принятия к печати: 29 июня 2017

Для цитирования:

Пичков О.Б. История борьбы с бедностью в Великобритании // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 2. С. 199—208. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-199-208

Сведения об авторе:

Пичков Олег Борисович, кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений и внешних экономических связей Московского государственного института международных отношений (университет) МИД. Контактная информация: e-mail: o.b.pichkov@yandex.ru

HISTORY OF POVERTY REDUCTION INITIATIVES IN GREAT BRITAIN

O.B. Pichkov

Moscow State Institute of International Relations (University)
Prospekt Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

Abstract. The article deals with the problem of poverty and social inequality in Great Britain both now and in historical retrospect. The author analyses some major works of prominent philosophers and economists of the late 18th and early 19th centuries.

An effectiveness analysis of the British government's efforts to eradicate this phenomenon is presented. The author also provides the outlook of anti-poverty activities of non-governmental organizations.

Key words: poverty, Great Britain, history, economic and social inequality

REFERENCES

(Oxfam, 2016) Analiz kharaktera bednosti i neravenstva v Velikobritanii, Oxfam [Analysis of poverty and inequality in UK]. Grazhdanskoe obshchestvo — Detyam Rossii. [Elektronnyy resurs]. Access Mode: <http://www.detirossii.ru/15651.php#> (data obrashhenija: 17.11.2016).

Townscande J. Pages of history. [Electronic Resource]. Access Mode: http://storyo.ru/filo/33_01.htm (data obrashhenija: 15.11.2016).

Child poverty map of UK. Poverty and Social Exclusion, PSE. Campaign to End Child Poverty. 2013. [Electronic Resource]. Access Mode: <http://www.poverty.ac.uk/report-child-poverty/child-poverty-map-uk> (data obrashhenija: 05.11.2016).

Smith A. (1790). *The Theory of Moral Sentiments*. London: A. Millar. Part I, section III, paragraph I.III.16. Library of Economics and Liberty. [Electronic Resource]. Access Mode: <http://www.econlib.org/library/Smith/smMS1.html> (data obrashhenija: 11.05.2016).

Article history:

Received: 10 June 2017

Revised: 22 June 2017

Accepted: 29 June 2017

For citation:

Pichkov O.B. (2017) History of poverty reduction initiatives in Great Britain. *RUDN Journal of Economics*, 25 (2), 199—208. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-199-208

Bio Note:

Pichkov O.B. Cand. Ec. Sci., Assistant Professor, Department of International Economic Relations and Foreign Economic Ties, Moscow State Institute of International Relations (University).
Contact information: e-mail: o.b.pichkov@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-2-209-218

УДК 005.35

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

Е.Б. Завьялова

Московский государственный институт международных отношений (университет)

МИД России

пр. Вернадского, 76, Россия, Москва, 119454

За последние годы Россия прошла беспрецедентный путь от социализма к крайнему либерализму. Сегодня встает вопрос о поиске оптимального баланса между стремлением бизнеса к максимизации прибыли и этикой ведения бизнеса. В этом смысле Россия идет в ногу с развитыми зарубежными странами, в которых вопросы ответственности бизнеса перед обществом активно обсуждаются уже с середины 1990-х годов.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, теория соучастников, теория стейкхолдеров, этика бизнеса, Джоэль Бакан, Мильтон Фридмен, Фриман, социально-ответственное поведение

Введение

За последние 100 лет неоднократно возникали идеи об обязанности бизнеса учитывать интересы общества или даже всего человечества. В этот раз человечество стало свидетелем очередного возрождения этого умунастроения. Стимулом послужили сразу несколько факторов, как объективных, так и субъективных. Во-первых, мировая экономика все больше и больше контролируется крупными компаниями. Объем их деятельности, а также степень влияния на глобальные процессы сравнимы, а иногда и значительно превышает возможности национальных правительств. Из-за этого в общественном сознании возникает представление, что компании должны вести себя так же ответственно. Во-вторых, в последнее время участились случаи «безответственного» поведения компаний, например, авария на нефтяной платформе Gannet Alpha в Северном море, принадлежащей компании Royal Dutch Shell¹, химическая авария на заводе в г. Брюль в немецкой федеральной земле Северный Рейн — Вестфалия в 2012 году² и множество других примеров.

¹ Зеленцова Ж. Авария на нефтяной платформе Gannet Alpha компании Shell в Северном море. Предыстория и последствия / Жанна Зеленцова // Пронедра.ру. 2011. 25 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://pronedra.ru/oil/2011/08/25/avariya-na-neftyanoy-platforme-gannet-alpha/> (дата обращения: 16.04.2017).

² РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/spravka/20120517/651443469.html#ixzz3gdyvURN0> (дата обращения: 20.03.2017).

Очевидно, что научное сообщество активно занялось систематизацией и анализом происходящих в этой сфере явлений. Практически сразу исследователи разделились на два диаметрально противоположных лагеря: сторонников вовлечения бизнеса в социальные и гуманитарные вопросы и убежденных противников идеи отвлечения ресурсов бизнеса на непрофильную деятельность.

Критика идей социальной ответственности бизнеса

Долгое время считалось, что единственной объективной задачей компании является максимизация дохода, ответственность перед другими вовлеченными сторонами (не акционерами) даже не рассматривалась руководством компании. Согласно данному подходу, ожидать от бизнеса действий в интересах общественности можно, только если руководство компании по каким-либо причинам отказывается от традиционной модели бизнес-поведения и начинает действовать не только в интересах максимизации доходов акционеров. Следует признать, что подобное случалось довольно редко и всегда имело под собой серьезные основания.

Главные противники идей социальной ответственности бизнеса, в основном, представители классической либеральной экономической мысли. В основе их подхода лежит фундаментальное представление о том, что принятие на себя руководством компании любых обязательств, не связанных с максимизацией прибыли акционеров, подрывает не только основополагающие принципы рыночной экономики, но и идею «свободного общества». Проведение политики, нацеленной на соблюдение интересов всего общества, но противоречащей интересам собственных акционеров, видится им нарушением морально-этических принципов современного демократического общества, основанного на рыночной экономике.

Самым известным представителем этого подхода и критиком любых идей социальной ответственности является Мильтон Фридмен, рассматривающий увеличение прибыли акционеров как единственную «правильную» цель компании в рыночной экономике. Труды М. Фридмена по этому вопросу были опубликованы еще в 60-е годы прошлого столетия (Фридмен М., 2006). Он глубоко убежден, что социально-ответственный бизнес должен действовать исключительно в интересах собственных акционеров, в этом и заключается его ответственность, прежде всего перед ними. При этом важно отметить, что Фридмен стоит на позиции, что лучшая модель устройства общества — индивидуалистическая.

Главный аргумент Фридмена заключается в том, что преследование менеджментом компании единственной цели — увеличение прибыли их акционеров — фундаментально, можно даже сказать служит этическим принципом рыночной экономики, который должен приниматься всеми, кто признает правомерность существования подобной системы хозяйствования. По его мнению, в идеальных рыночных условиях, когда система взаимоотношений основана на частной собственности, никто не может принуждать другого, любое сотрудничество добровольно, все задействованные стороны получают свою выгоду, иначе они свободно могут отказаться от подобного сотрудничества. Его взгляд на бизнес состоит

в том, что акционер добровольно вверяет свою собственность управляющим компанией, ожидая, что они будут действовать в его интересах, увеличивая его состояние. Если же управленцы начинают преследовать другие цели, это прямое нарушение прав собственности. «Все шире распространяется мнение, что на руководителях корпораций и профсоюзных лидерах лежит некая “социальная ответственность” помимо служения интересам их акционеров или членов юнионов. Это мнение изобличает глубоко неверное представление о характере и природе свободной экономики. При такой экономике у бизнеса имеется одна и только одна социальная ответственность: использовать свои ресурсы и заниматься деятельностью, рассчитанной на увеличение своих прибылей, соблюдая при этом правила игры, то есть участвуя в открытой и свободной конкуренции без обмана и мошенничества... Мало какое событие сможет подорвать самые основы свободного общества так же сильно, как принятие руководителями корпораций какой-либо социальной ответственности, кроме ответственности заработать для своих акционеров как можно больше денег» (Фридмен М., 2006). Кроме того, Фридмен ставит под сомнение легитимность решений частных невыборных лиц, когда они самолично определяют, какие задачи общественно значимы и приступают к их финансированию.

Следует также упомянуть современных последователей Фридмена. Наиболее заметна — Елейн Штернберг. По ее мнению, программы корпоративной социальной ответственности подрывают самые основы рыночной экономики. Во-первых, они нарушают главный принцип частной собственности — возможность владельца самому определить, как эта собственность будет использоваться. Вкладывая свои средства в акции компаний, собственники вправе ожидать, что они будут потрачены на максимально эффективное управление для увеличения их прибыли. Во-вторых, менеджмент компании является всего лишь агентом, управляющим чужим капиталом, поэтому преследование любых целей, также как и наличие собственных интересов, отличных от целей и интересов инвестора, есть прямое нарушение обязанностей менеджера, прописанного в контракте (Sternberg E., 2000).

Следует признать, что для современного общества, привыкшего к тому, что на протяжении нескольких поколений его права и желания гарантируются и обеспечиваются третьей стороной, идеи Фридмена и его последователей кажутся несколько радикальными и непривлекательными.

Аргументы сторонников социальной ответственности бизнеса

Постепенно сформировалось понимание, что морально-ответственное поведение компаний невозможно до тех пор, пока они подотчетны исключительно собственным акционерам.

Во всех последних нашумевших скандалах связанных с крупными компаниями, от экологических катастроф до выплаты «золотых парашютов», именно стремление к максимизации доходов и прибыли видится источником всех проблем, что привело к постепенному снижению популярности таких взглядов на роль и место бизнеса. С этой точки зрения любая компания воспринимается как «патологически опасное учреждение, обладающее огромной экономической мощью,

которую она направляет как на отдельных людей, так и на целые общества» (Bakan J., 2005). У корпораций есть только одна обязанность — обслуживать интересы своих владельцев. Ни у компаний, ни у их руководства нет ни полномочий, ни стремления действовать, исходя из чисто моральных принципов, в интересах и на благо всего общества, стараясь не причинять вреда ни экологии, ни людям, до тех пор, пока это не совпадает с интересами самой компании. Один из ярчайший последователей рассматриваемого подхода Джоель Бакан так определяет общие для всех крупных компаний черты: «чрезмерная сосредоточенность исключительно на получении прибыли, повышении стоимости акций, алчность, безразличие к интересам других, склонность к нарушению законов» (Bakan J., 2005).

Аналогичных взглядов придерживается и независимая исследовательская группа Corporate Watch. Сотрудники организации исходят из того, что законом установлено основное требование к компаниям — максимизировать прибыль, поэтому любая компания просто не в состоянии брать в расчет общественные интересы. Бизнес-поведение по своей сути является противоположным традиционному морально-этическому подходу, где интересы общества ставятся выше личных или корпоративных интересов. «Являясь доминирующей институциональной формой в нашем обществе, корпорации оказывают крайне разрушительное действие на общество и окружающую среду... единственным условием для смягчения негативных последствий их действий является ситуация, когда их коммерческие интересы совпадают с общественными...»¹.

Ряд ученых рассматривают компании, ориентированные на максимизацию прибыли, как главную угрозу для общества. Наиболее интересно такая позиция представлена в книге Бакана «Корпорация: патологическая погоня за прибылью» и других известных критиков, традиционных моделей поведения компаний, нацеленных исключительно на получение прибыли. Это и Роберт Филипс и Р. Эдвард Фримен². Обобщая их идеи, можно выделить несколько общих для всех компаний постулатов. В основе их размышлений лежит идея о том, что корпорации изначально не приспособлены для решения общественно-значимых задач. В частности, выдвигаются несколько причин, почему такое поведение компаний невозможно. Во-первых, стремление достичь в своей деятельности несколько целей, помимо максимизации прибыли, делает управление компанией крайне сложным, что понижает конкурентоспособность компании. Трудно представить ситуацию, в которой бизнес пошел бы на такое добровольно. Во-вторых, классический рынок с его механизмами и законами, в условиях которого приходится действовать компаниям, изначально не приспособлен к решению общественных социально-значимых задач. Без пересмотра основополагающих законов рынка или, по крайней мере, поиска возможностей для минимизации отрицательных

¹ What's wrong with corporate social responsibility? / Corporate Watch. Electronic data. 2006. 11 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.corporatewatch.org.uk/sites/default/files/CSRreport.pdf> (дата обращения: 10.04.2017).

² R. Edward Freeman. [Electronic resource]. URL: <http://redwardfreeman.com/business-ethics/> (дата обращения: 10.04.2017).

экстерналий, например, используя идеи Пигу¹ или Коуза (Коуз Р., 2007), повлиять на поведение бизнеса невозможно.

Общим положением для сторонников и противников традиционного ориентированного на прибыль бизнес-поведения служит признание того факта, что добровольно на расплытие своих ресурсов бизнес не пойдет. Все единогласно признают, что кардинально изменить устоявшуюся рыночную практику невозможно, по крайней мере, в обозримой перспективе. И даже если такое в принципе станет возможно, не следует ждать инициативы от компаний, общество само должно предложить новые правила экономического развития. Как видно из проведенного анализа, единственное в чем сходятся представители этих двух теоретических школ — это признание того факта, что существенное изменение роли корпораций в сторону большей социальной ответственности приведет к кардинальному изменению принципов современной экономики.

Концепция стейкхолдеров (соучастников)

Все это послужило фундаментом для формирования господствующей сегодня «теории стейкхолдеров» (stakeholder theory) или, как она часто называется в отечественной литературе «теории (концепции) соучастников». Данная концепция исходит из того, что главной задачей бизнеса должна быть не только максимизация прибыли своих акционеров, но и обслуживание интересов широкого круга стейкхолдеров (вовлеченных сторон). К стейкхолдерам относятся не только акционеры компании, но и наемные работники, арендаторы, инвесторы и кредиторы, поставщики, местные жители и даже «общество» в самом широком его понимании. Хотя законодательно не установлено точно, кто именно относится к стейкхолдерам, идея того, что цели корпорации должны охватывать интересы групп, не относящихся к акционерам, является фундаментальным принципом в определении этически ответственной компании.

В основе всех течений этой концепции, которые могут значительно различаться между собой, лежит отрицание идеи, что компания должна действовать исключительно в интересах одной вовлеченной стороны — своих акционеров. Менеджмент компании должен смотреть шире, учитывая интересы всех сторон, даже не являющихся непосредственными акционерами или работниками компании. В упомянутых трудах Бакана прямо говорится, что бизнес не может считаться «этическим» до тех пор, пока сосредоточен исключительно на максимизации прибыли собственных акционеров.

Некоторые ученые пошли еще дальше. Например, Дональдсон и Престон (Donaldson T., Preston L., 1995) говорят о том, что все задействованные стороны, любым образом участвующие в деятельности компании, имеют свои законные интересы и действуют в соответствии с ними. Для оптимальной организации деятельности компании необходимо учитывать и соблюдать баланс интересов всех сторон, при этом нет никаких оснований особо выделять любую из групп, даже группу акционеров. Очевидно, что при таком подходе крайне важно понимать, что в конкретном обществе понимается под категорией «законные интересы».

¹ Экономическая теория благосостояния (The Economics of Welfare, 1920).

Теория стейкхолдеров своего рода компромисс между двумя рассмотренными позициями. Одним из ключевых моментов, по которым сторонники и противники теории «стейкхолдеров» не могут прийти к единому мнению, является вопрос о конечной цели компании. Если классический подход подразумевает, что главная и единственная цель любой компании — это максимизация прибыли, то в теории соучастников акцент делается на том, что компания несет ответственность за все результаты своей деятельности, в какой бы сфере они не проявились. Компания, по их мнению, способна развиваться и действовать только в тех рамках, которые образуются в результате пересечения долгосрочных интересов всех вовлеченных сторон.

Таким образом, последователи теории соучастников предприняли попытку связать два конфликтующих дискурса. С одной стороны, они критически относятся к возведению интересов акционеров в абсолют и всем связанным с этим негативным последствиям. С другой стороны, они предлагают теоретическое обоснование этических норм бизнес поведения, при этом полностью оставаясь в рамках рыночного мировоззрения. При этом важно понимать, что хотя некоторые положения этой теории созвучны с идеями социалистов и антиглобалистов, ее последователи крайне далеки от идей пересмотра и перестройки господствующей экономической модели. Главное достижение теории стейкхолдеров — факт, что только она предлагает реальный механизм, как можно сделать бизнес более социально ответственным без ущерба для акционеров отдельной компании и экономики в целом.

Для более полного понимания места концепции соучастников в современной экономической мысли необходимо рассмотреть и различные направления в рамках самой концепции, так как она не является единой четко сформированной теорией. Под этим названием собраны различные теоретические подходы, для которых характерны определенные общие идеи. При этом важно понимать, что разделяя отдельные мысли о месте и роли бизнеса, различные ученые в рамках данной концепции приходят к разным выводам, а, главное, преследуют иногда диаметрально противоположные практико-ориентированные цели. Поэтому с методологической точки зрения крайне важно установить критерий, который поможет определить, какие из научных идей могут быть отнесены к теории соучастников, а какие остаются в рамках других подходов.

Основные «опоры» концепции. Из риведенного анализа основных теоретических трудов по этому вопросу видно, что все исследователи строят свои рассуждения вокруг предположения, что с морально-этической точки зрения корпорация может использовать принадлежащие ей активы в любой легальной форме для любых целей, которые не обязательно сводятся к интересам акционеров — это первая «опора». Следует отметить при этом, что в различных трудах, посвященных концепции стейкхолдеров, можно найти совершенно несхожие представления о целях корпораций.

Вторая «опора» — положение о том, что справедливость в рамках модели «соучастников» может быть достигнута в условиях рыночной экономики.

Третьим опорным положением служит признание необходимости достаточно широкого обобщения как групп стейкхолдеров, так и их интересов. Поскольку

до сих пор ни одна из теорий не дает четкого определения и критерия этих групп, существует опасность распыления ресурсов в реальной жизни и возникновения больших разногласий на уровне теории. Обобщение до уровня групп интересов (например, акционеры, менеджеры, поставщики, работники фирмы, кредиторы, местное сообщество и др.) позволяет выделить основные тенденции и построить практико-ориентированные модели, не отвлекаясь на анализ бесконечного количества деталей.

Здесь подходим к одному важному моменту. Каждый раз, в полемике по вопросам социальной ответственности бизнеса, встает вопрос о роли и месте бизнеса в реальных социально-экономических условиях в рассматриваемой стране. Более того, наиболее убежденные последователи любого из подходов часто обвиняются либо в стремлении к социализму, либо к крайнему капитализму. Таким образом, можно допустить, что степень вовлеченности бизнеса в социальные проблемы во многом зависит от существующей в стране политико-экономической системы, диктующей общепринятые нормы этического поведения, в том числе и в бизнесе.

Использование теоретических моделей на практике

Если сопоставить общественный запрос и рассмотренные теоретические модели, то становится очевидно, что главным исследовательским вопросом сегодня является поиск такой модели, при которой бизнес, действуя в условиях классической рыночной экономики, может осуществлять программы социальной ответственности без ущерба для интересов своих акционеров.

В реальной жизни стремление учесть интересы всех сторон ведет не к распылению, а, наоборот, повышению прибыли компании. Например, социальные программы, финансируемые компанией, становятся дополнительным стимулом, побуждающим потребителя купить услуги и товары именно этой компании. Поставщики и наемные работники компании на практике проявляют большую заинтересованность в ее стабильной работе, чем акционеры, особенно портфельные. Для подтверждения этой мысли приведем достаточно категоричное высказывание Фримена «Вы (компания — примечание автора) должны производить качественные товары и услуги, которые нужны людям, и тем самым заставите их делать, то, что вы от них ожидаете. Необходимо наличие поставщиков, заинтересованных в развитии и благополучии вашей компании, которые, в свою очередь, должны иметь собственную сеть надежных партнеров. Вы должны нанять таких наемных работников, которые хотят проявить себя и работать именно на вашу компанию, что делает их более креативными и эффективными. Необходимо, чтобы местное сообщество воспринимало компанию как своего рода «хорошего гражданина» (good citizen), чтобы не возникало стремления задействовать политические механизмы для разрушения того, что было создано компанией. Также, компания должна зарабатывать деньги для инвесторов» (Freeman R., Harrison J., Wick A. Parmar B. de Colle S., 2010).

Представляется, что для успеха компании крайне важно учитывать интересы всех, с кем она работает. Концентрация исключительно на максимизации прибыли и игнорирование интересов широкого спектра партнеров — самая неэф-

фективная модель менеджмента, ведущая к снижению конкурентоспособности и прибыльности. Более того, в среднесрочной перспективе это напрямую ударит по интересам акционеров, вместо обеспечения им максимально возможного дохода. Самое главное, выстроить правильную стратегию компании. Если компания стремится просто соответствовать разноплановым интересам всех своих партнеров, то это неизбежно приведет к распылению ресурсов и снижению эффективности, о чем и пишут последователи классических подходов к роли и месту бизнеса. Однако есть и другая стратегия — компания должна так выстроить свою средне- и долгосрочную стратегию развития, чтобы ее интересы и интересы ее партнеров максимально совпадали в течение определенного, желательно длительного времени. Эту идею сторонники теории стейкхолдеров используют как главный аргумент в споре со своими противниками, зачастую обвиняющими их в стремлении к социализму. Фримен, например, говорит, что эта стратегия есть воплощение идеальной модели капитализма, который предполагает, в первую очередь, объединение интересов различных партнеров (инвесторов, менеджеров, предпринимателей) для создания добавочной стоимости (Freeman R., Harrison J., Wick A., Parmar B. de Colle S., 2010).

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, заботясь об интересах более широкого круга партнеров, менеджмент компании наиболее эффективным образом выполняет свою главную задачу максимизации прибыли акционеров. Именно это, на взгляд автора, сближает две позиции. Кроме того, до тех пор пока политика в духе концепции стейкхолдеров не вредит и даже выгодна компании, у акционеров нет оснований переживать, что их деньгами управляют неэффективно. Менеджмент, нацеленный на выстраивание сотрудничества со всеми партнерами, от которых прямо или косвенно зависит благополучие компании, создающий благоприятные условия труда, способствующие проявлению инициативы и предоставляющий возможности карьерного роста, не забывая при этом о контроле за качеством предлагаемых товаров и услуг, в конечном счете показывает лучший результат, чем менеджмент, изначально ориентированный исключительно на максимизацию прибыли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Коуз Р.* Фирма, рынок и право / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2007. 224 с. (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).
- Фримен М.* Капитализм и свобода / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. С. 157—158 (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).
- Bakan J.* The corporation: the pathological pursuit of Profit and power / J Bakan. London: Constable, 2005.
- Donaldson T., Preston L.* The stakeholder Theory of the Corporation: Concepts, evidence and Implications / T. Donaldson, L. Preston. Harvard Business School Press, 1995.
- Freeman R., Harrison J., Wick A., Parmar B., de Colle S.* Stakeholder theory: the state of the art / R. Freeman, J. Harrison, A. Wick, B. Parmar, S. de Colle. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 165.

Sternberg E. Just business: Business ethics in action / E. Sternberg. Oxford: Oxford University Press, 2000. 302 p.

What's wrong with corporate social responsibility? [Electronic resource] / Corporate Watch. Electronic data. 2006. 11 p. Mode of access: <http://www.corporatewatch.org.uk/sites/default/files/CSRreport.pdf>

<http://redwardfreeman.com/business-ethics/>

© Завьялова Е.Б., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12 мая 2017

Дата принятия к печати: 10 июля 2017

Для цитирования:

Завьялова Е.Б. Теоретические основы социальной ответственности бизнеса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 2. С. 209–218. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-209-218

Сведения об авторе:

Завьялова Елена Борисовна, кандидат экономических наук, заведующая кафедрой экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО МИД России. Контактная информация: e-mail: e.zavyalova@inno.mgimo.ru

THEORETICAL APPROACH TO THE SOCIALLY ORIENTATED BUSINESS POLICY

E.B. Zavyalova

Moscow State Institute of International Relations (University)
Prospekt Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

Abstract. The recent decades witnessed the transition of Russia from socialism to capitalism. Today the main task is to find the balance between business profit maximization and business ethics. Russia follows the experience of the developed countries where social responsibility issues have been discussed since the 1990th.

Key words: Corporate social responsibility, stakeholder theory, business ethics, Bakan J., Friedman M., R. Edward Freeman, socially orientated business policy

REFERENCE

Coase, Ronald. The Nature of the Firm // *Economica*. Vol. 4. No. 16. November, 1937 (In Russ).

Friedman M. Kapitalizm i svoboda / Per. s angl. M.: Novoe izdatelstvo, 2006. (Biblioteka Fonda «Liberalnaya missiya») (In Russ).

Bakan J. The corporation: the pathological pursuit of Profit and power / J Bakan. London: Constable, 2005.

Donaldson T., Preston L. The stakeholder Theory of the Corporation: Concepts, evidence and Implications / T. Donaldson, L. Preston. Harvard Business School Press, 1995.

Freeman R., Harrison J., Wick A., Parmar B., de Colle S. Stakeholder theory: the state of the art / R. Freeman, J. Harrison, A. Wick, B. Parmar, S. de Colle. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 165.

Sternberg E. Just business: Business ethics in action / E. Sternberg. Oxford: Oxford University Press, 2000. 302 p.

What's wrong with corporate social responsibility? [Electronic resource] / Corporate Watch. Electronic data. 2006. 11 p. Mode of access: <http://www.corporatewatch.org.uk/sites/default/files/CSRreport.pdf>

<http://redwardfreeman.com/business-ethics/>

Article history:

Received: 12 May 2017

Revised: 6 June 2017

Accepted: 10 July 2017

For citation:

Zavyalova E.B. (2017) Theoretical approach to the socially orientated business policy. *RUDN Journal of Economics*, 25 (2), 209—218. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-209-218

Bio Note:

Zavyalova Elena Borisovna, PhD in Economics, Head of the Economic Policy and Private-Public Partnership Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University).

Contact information: e-mail: e.zavyalova@inno.mgimo.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-2-219-232

УДК 330.341; 303.024.3

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ПО ИНДЕКСУ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

С.А. Балашова, Е.О. Нахатакян

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В связи с отсутствием единого подхода к определению благосостояния и методов его оценки, в статье систематизированы известные в литературе методы, основанные на построении индексов благосостояния, проанализированы их особенности, а также показатели, которые они включают. Предложена классификация данных индексов в соответствии с тремя теоретическими подходами: объективистским (с опорой на данные официальной статистики), субъективистским (учитывающим субъективное мнение населения) и объективно-субъективистским, комбинирующим оба упомянутых подхода.

Проведен анализ релевантности индексов благосостояния и показана их взаимосвязь с традиционными социально-экономическими показателями на основе многомерного статистического анализа. По мнению авторов, корректная оценка благосостояния достигается при использовании индексов в рамках объективно-субъективистского подхода.

Ключевые слова: благосостояние, социально-экономические показатели, зеленый ВВП, индекс человеческого развития (HDI), индекс счастливой планеты (HPI), индекс лучшей жизни (BLI), индекс процветания (LPI)

Введение

Развитие социальной сферы и повышение национального благосостояния являются приоритетными направлениями социально-экономической политики многих стран мира, декларирующих стремление к всеобщему благосостоянию и социальной справедливости.

Однако лишь ряду стран в последнее десятилетие удалось достичь качественного улучшения благосостояния населения: выравнивания социального расслоения, увеличения услуг в таких сферах, как образование, медицина, предоставления государственных гарантий, защита гражданских прав, а также снижения выбросов в окружающую среду. Во многих странах, напротив, произошли изменения благосостояния населения негативного характера, поэтому разработка индикаторов, учитывающих различные аспекты благосостояния населения, крайне необходима на сегодняшний день.

Благосостояние — это комплексная величина, отражающая не только уровень доходов населения, но и структуру и объем свободного и рабочего времени, уровень образования и медицинского обслуживания, экологическую и демографи-

ческую ситуацию в стране. Для количественного измерения комплексных величин широко применяются индексы, методика построения которых различается в зависимости от уровня агрегации, используемого набора базовых показателей, а также статистических методов их обработки.

Цель авторского исследования заключается в систематизации широко используемых глобальных индексов благосостояния, анализе степени их релевантности и оценке взаимосвязи с традиционными социально-экономическими показателями.

Обзор литературы

Проблема оценки благосостояния достаточно сложна, о чем свидетельствует множество существующих и обсуждаемых в литературе методик. Обзор методик, применяемых такими международными организациями как Всемирный Банк и ОЭСР, изложены в работе Т.В. Игнатовой (Игнатова, 2007). Примером детализации общего подхода к оценке благосостояния на основе построения интегрального индекса служит методика оценки качества жизни населения территории, разработанная отечественными учеными под руководством Айвазяна С.А. (Айвазян С.А. и др., 2006).

Далее в настоящей статье приведены ключевые работы, которые стали теоретической базой для построения того или иного индекса, оценивающего уровень благосостояния государства.

Проблема определения взаимосвязи между уровнем благосостояния и экономическими показателями представляет собой развивающееся направление исследований. Оценке влияния уровня неравенства на экономический рост посвящено много исследований, например: Barro R.J., 2000; Banerjee A.V., Duflo E., 2003. В работе Дуарте (Duarte A., Simões M., Andrade J.S., 2016) на основе анализа данных по группе стран показано, что взаимосвязь между уровнем благосостояния и экономическими показателями является нелинейной и для ее оценки целесообразно применять метод квантильных регрессий.

Методы и подходы

С середины 1970-х гг. в разных странах стали разрабатываться индексы, оценивающие развитие страны с точки зрения экономических, социальных и экологических показателей. Однако до сих пор нет единого индекса национального благосостояния, так как каждая страна включает в данный индекс показатели, определяющие приоритеты ее социально-экономического развития.

Авторами рассмотрены 12 наиболее известных в литературе индексов, связанных с оценкой благосостояния. Для их систематизации и классификации использованы принципы сравнительного анализа и формальной логики.

Для анализа взаимосвязей уровня благосостояния и социально экономического развития использованы данные о 138 странах в период с 2012 по 2015 г. Социально-экономические индикаторы взяты из баз данных Всемирного Банка и ОЭСР, а значения индексов получены из открытых источников специализированных агентств, организаций, институтов, занимающихся разработкой индексов

благополучия в разных странах. При обработке и систематизации данных применялись методы многомерного статистического анализа.

В качестве экономико-математического инструментария используется метод квантильных регрессий.

Классификация индексов благополучия

Индексы благополучия строятся на основе группировки базовых индикаторов, отражающих различные аспекты рассматриваемого понятия. Систематизацию наиболее известных в литературе индексов авторы статьи провели на основе методов получения информации для оцифровки базового индикатора. Выделены три группы индексов на основе методов получения лежащих в их основе показателей: объективистский, субъективистский и комбинированный. Объективный метод основывается на статистических данных, субъективный — на опросах и анкетировании, объективистско-субъективистский комбинирует оба упомянутых подхода.

Наиболее известные индексы благополучия, используемые в различных странах, классифицированы по составу базовых индикаторов (табл. 1).

Таблица 1

Классификация индексов по составу базовых индикаторов
[Classification of welfare indices by the composition of basic indicators]

Показатели	Объективистский						Субъективистский				Комбинированный	
	MEW	ISEW	GPI	IEWB	PQLI	HDI	GNH	GNW	ULF	HPI	BLI	LPI
ВВП/ВВП на душу населения (GDP/GDP per capita)	+	+	+	+	—	+	+	+	+	+	+	+
Ущерб окружающей среде (Environmental damage)	+	+	+	+	—	—	+	+	—	+	+	—
Образование/Грамотность (Education/Literacy Rate)	—	—	+	—	+	+	+	+	+	—	+	+
Здравоохранение (Health)	—	—	—	—	—	—	+	+	+	—	+	+
Свободное время (Leisure time)	+	+	+	+	—	—	—	+	+	—	+	—
Распределение доходов (Income distribution)	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Безопасность (Safety/Private defence)	—	+	+	+	-	-	-	-	+	-	+	+
Государственное управление (Good governance)	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	+
Работа (Jobs)	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	+	+
Обеспеченность жильем (Housing)	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	+	—
Ожидаемая продолжительность жизни (Life Expectancy)	—	—	—	+	+	+	—	—	—	+	—	—
Неоплаченный труд (Unpaid work)	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гражданские права (Civic Engagement)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+
Культурные ценности (Culture)	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—

Показатели	Объективистский						Субъективистский				Комбини- рованный	
	MEW	ISEW	GPI	IEWB	PQLI	HDI	GNH	GNW	ULF	HPI	BLI	LPI
Младенческая смертность (Infant Mortality Rate)	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—
Волонтерская деятельность (Volunteering)	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Социальная энергия (Community vitality)	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—
Удовлетворенность (Life Satisfaction)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—
Уровень жизни (Living standards)	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—
Религиозные ценности (Religion)	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—

Источник: составлено по статистическим данным ОЭСР и по годовым отчетам индексов благосостояния.

Примечание. MEW — Measure of Economic Welfare; ISEW — Index of Sustainable Economic Welfare; GPI — Genuine Progress Indicator; IEWB — Index of Economic Well-Being; PQLI — Physical Quality of Life Index; HDI — Human Development Index; GNH — Gross National Happiness; GNW — Gross National Welfare; ULF — Undersokningar av Levnadsfordhallanden System; HPI — Happy planet index; BLI — Better Life Index; LPI — Legatum Prosperity Index.

В таблице 1, где указан знак «+», выделены те показатели, которые включает тот или иной индекс благосостояния. Индексы, сгруппированные в объективистский подход, содержат статистические показатели, такие как ВВП, ожидаемая продолжительность жизни, младенческая смертность, индекс грамотности и др. В субъективистском подходе, напротив, индексы включают показатели, выведенные путем опросов и анкетирования. Например, удовлетворенность жизнью, здравоохранением, образованием и др. Индексы, сгруппированные в объективистско-субъективистский подход, наиболее полны, так как учитывают как объективную статистику, так и субъективное мнение индивида.

Индексы, разработанные на основе объективистского подхода

Объективистский подход основывается на убеждении, что оценка благополучия населения должна включать независимое суждение о том, какие товары, услуги, условия или возможности делают жизнь лучше. Таким образом, при объективистском подходе оценки благосостояния могут расходиться с мнением большинства людей, чье благосостояние оценивается (Айвазян С.А. и др., 2006).

Первые работы в данной области начались с попыток скорректировать существующий показатель ВВП. В частности Бэкер, Филипсон и Соарс (Becker, Philipson and Soares) утверждали, что благосостояние определяется не только текущим уровнем дохода, но и количеством лет, в течение которых индивид получает этот доход (Becker S. и др., 2005). Они предлагают алгоритм расчета денежного эквивалента изменения продолжительности жизни, в течение которой человек увеличивает свое благосостояния или хотя бы поддерживает его на

определенном уровне. Миклрайт (Micklewright) предлагает оценивать благосостояние на основе данных изменения физических показателей (антропометрические показатели) детей до 6 лет, проживающих в исследуемой стране (Micklewright J., 2001). При этом автор отмечает, что антропометрические характеристики человека носят индивидуальный характер и свидетельствуют об уровне его дохода и потребления. Однако антропометрические характеристики человека не всегда могут отражать благосостояние определенного региона или страны. Например, в сельской местности дети преимущественно здоровее, чем в городской, однако уровень доходов существенно отличается.

Знаменитой концепцией, включающей в расчет ВВП изменения окружающей среды, является «Зеленый ВВП» (Green GDP), который добавляет к измерению экономического роста оценку экологических последствий, включающих в себя учет загрязнения окружающей среды, а также климатические изменения (Asheim G., 1999).

Идея создания более емкого показателя, нежели ВВП, включающего социальные и экологические показатели, стремительно развивалась. Толчком к дальнейшим исследованиям послужили работы таких экономистов как Нордхаус и Тобин (1972), Ахмад и др. (1989), Репетто др. (1989), и Хартвик (1990).

В 1972 г. Вильям Нордхаус и Джеймс Тобин представили первую модель в рамках концепции «Зеленого ВВП», необходимую для измерения годового реального потребления домашних хозяйств, которая была названа Мерой экономического благосостояния (Measure of Economic Welfare — MEW). MEW корректировала ВВП, включая ценность свободного времени, неоплачиваемый труд и экологический ущерб, причиненный окружающей среде промышленными предприятиями

$$MEW = \text{ВВП} + \text{Свободное время} + \text{Неоплаченный труд} - \text{Ущерб окружающей среде.} \quad (1)$$

В дальнейшем был создан индекс устойчивого экономического благосостояния (Index of Sustainable Economic Welfare, ISEW), в расчете которого ВВП был дополнительно скорректирован с учетом более широкого спектра вредных последствий экономического роста, и без стоимости государственных расходов на оборону

$$ISEW = \text{Индивидуальные расходы} + \text{Государственные расходы} + \text{Неоплаченный труд} - \text{Расходы на оборону} - \text{Ущерб окружающей среде.} \quad (2)$$

Дальнейшее усовершенствование подхода к оценке благосостояния привело к созданию в 2006 г. Индикатора истинного развития (Genuine Progress Indicator, GPI), который включает в оценку благосостояния качество образования, наличие волонтерской деятельности, а также распределение индивидуальных доходов.

Индекс экономического благосостояния (Index of Economic Well-Being, IEWB) оценивает исключительно материальное благополучие.

Индекс физического качества жизни (Physical Quality of Life Index, PQLI), разработанный в середине 1970-х гг. группой ученых под руководством Морриса (Morris M., 1979), рассчитывается следующим образом:

$$PQLI = \frac{\text{Индекс грамотности} + \text{Взвешенный индекс детской смертности до 1-го года} + \text{Взвешенная ожидаемая при рождении продолжительность жизни}}{3}. \quad (3)$$

Всемирный банк предложил использовать индекс человеческого развития (Human Development Index, HDI), который был разработан в 1990 г., представляющий собой комбинацию трех индикаторов:

- 1) индекс ожидаемой при рождении продолжительности жизни;
- 2) индекс грамотности;
- 3) индекс дохода, оценкой которого служит скорректированный реальный ВВП на душу населения.

В наиболее общем виде

$$HDI = \sum_{j=1}^4 \alpha_j \frac{x_j - \min_j}{\max_j - \min_j}, \quad (4)$$

где α_j — весовой коэффициент j -го показателя; x_j — фактическое значение j -го показателя; \max_j и \min_j — соответствие максимального и минимального значения j -го показателя.

Весовой коэффициент для средней продолжительности жизни составляет $1/3$, скорректированного ВВП на душу населения — $1/3$, уровня грамотности — $2/9$, полноты охвата обучение — $1/9$. Таким образом, вес каждого компонента индекса человеческого развития равен $1/3$.

Индекс публикуется в рамках Программы развития ООН в ежегодных отчетах о развитии человеческого потенциала с 1990 г. В 2010 г. HDI был существенно скорректирован. В дополнение к используемому индексу были введены три новых индикатора: Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства (ИЧРН), Индекс гендерного неравенства (ИГН) и Индекс многомерной бедности (ИМБ).

Расчет благосостояния по методике HDI имеет ряд недостатков, одним из которых является необоснованность распределения весов между показателями.

Индексы, разработанные на основе субъективистского подхода

Сторонники субъективистских теорий благосостояния опираются на степень удовлетворенности индивида своей жизнью. Индексы в рамках данной теории основываются на опросах и анкетировании.

Индекс валового национального счастья (Gross National Happiness, GNH), разработанный в 1972 г. в Бутане в целях замены ВВП, предполагает, что матери-

альные и духовные составляющие должны развиваться вместе и одновременно, и только такое развитие позволит гармонично развиваться человеческому обществу.

В 2005 г. Джонс Мед, президент Международного института менеджмента США, предложил второй вариант GNH (GNH 2.0), также известный как Валовое национальное благосостояние (GNW).

В то время как оба индекса (GNH и GNW) ориентируются на философию общественного счастья и благосостояния, они сильно различаются по происхождению, размерам и показателям. Модель социально-экономического развития, основанная на GNW, не включает в себя религиозные догмы, а четко ориентируется на семь направлений развития: экономическую, экологическую, физическую, умственную, трудовую, социальную, политическую.

Концепция создания индекса благосостояния также получила большое развитие в ряде европейских стран. Одним из примеров оценки качества жизни, который проводится Европейским Содружеством 2 раза в год начиная с 1973 г., служит опрос общественного мнения (Eurobarometer surveys). В данном опросе участвуют лица старше 15 лет.

В Швеции также с 1974 г. раз в 8 лет проводят ряд исследований, которые называются ULF системы (Swedish Undersokningar av Levnadsfordhallanden (ULF) System). В результате исследований собирается информация по 120 социальным показателям, которые объединяются в 12 социальных измерений или «областей благосостояния», на которых строится Скандинавская концепция благосостояния: образование, социальная мобильность, занятость, условия труда, доход, жилье, транспорт, досуг, предпринимательство, здоровье, общественные связи, исследование.

Были разработаны и международные индексы в рамках субъективистского подхода, такие как индекс Всемирной организации здравоохранения и индекс счастливой планеты.

В 1991 и 1992 гг. в результате конференций в Женеве под эгидой Всемирной организации здравоохранения был разработан новый индекс оценки качества жизни — индекс Всемирной организации здравоохранения (World Health Organization Quality of Life, WHOQOL), который оценивает здоровье общества. WHOQOL описывает 6 важных категорий благосостояния: физическое состояние, психологическое состояние, уровень независимости, социальные взаимоотношения, окружающая среда и духовное состояние.

Индекс счастливой планеты (Happy planet index, HPI) — это еще одна разновидность индекса благосостояния, которая ставит благосостояние нации в основу измерения прогресса страны. Данный индекс рассчитывает счастье населения, а не их материальное благополучие

$$HPI \approx \frac{\text{Благополучие населения} \times \text{Продолжительность жизни населения}}{\text{Использование природных ресурсов}}. \quad (5)$$

НРІ можно назвать показателем эффективности, так как он рассчитывает годы счастливой жизни (числитель формулы), достигаемые за единицу использования ресурсов.

Однако у группы данных индексов есть некоторые общие недостатки. На их основе затруднено проведение межстранового сравнения, так как на результатах расчета индекса сказывается культура исследуемой страны, различные представления народов о счастье, соотношение материальных и нематериальных ценностей и менталитет населения. Также существуют сложности в сборе и обработке информации, что препятствует их использованию на постоянной основе. Каждый из этих индексов рассчитывается раз в несколько лет. Например, НРІ 1 раз в 4 года; ULF 1 раз в 8 лет.

Индексы, сочетающие субъективистский и объективистский подходы

Индексы в рамках объективистско-субъективистского подхода учитывают наибольший спектр показателей. Они комбинирует положительные черты и минимизируют негативные первых двух подходов. Данные индексы широко используются как для ежегодного сравнения стран, так и для анализа динамики показателей внутри определенной страны. Наиболее известные индексы в рамках данного метода — это Индекс лучшей жизни (Better Life Index, BLI), разработанный ОЭСР, и Индекс процветания Института Легатум (The Legatum Prosperity Index).

Индекс лучшей жизни охватывает 11 показателей, выделенных в качестве основных аспектов оценки качества жизни и физических условий: жилищные условия, работа, образование, гражданские права, удовлетворенность, работа/отдых, доход, общество, экология, здоровье, безопасность.

Индекс процветания Института Легатум (Legatum Prosperity Index, LPI) — это комбинированный показатель, который измеряет достижения стран мира с точки зрения их благополучия и процветания. Выпускается ежегодно британским аналитическим центром (The Legatum Institute).

Методика построения индекса LPI основана на отборе ключевых индикаторов из 200 показателей, влияющих на уровень богатства и благосостояния. В результате отбора используются 89 показателей, которые сгруппированы в восемь субиндексов, отражающих различные аспекты жизни общества и параметры общественного благосостояния: экономика, предпринимательство, управление, образование, здравоохранение, безопасность, личные свободы, социальный капитал.

LPI рассчитывается для большинства стран мира (охватывает 96% населения мира и 99% мирового ВВП) и предоставляет наиболее полную оценку глобального процветания.

Оценка взаимосвязи индекса процветания LPI и социально-экономических показателей

Для детального анализа взаимосвязи динамики индексов благосостояния (на примере LPI) и динамики социально-экономических показателей разделим все страны на четыре группы согласно уровню благосостояния, рассчитанного с по-

мощью индекса LPI: «Страны с низким уровнем благосостояния» (Low well-being); «Страны со средне-низким уровнем благосостояния» (Medium low well-being); «Страны со средне-высоким уровнем благосостояния» (Medium high well-being); «Страны с высоким уровнем благосостояния» (High well-being) (табл. 2). В анализ включены 138 страны, которые разбиты на квантили исходя из средних значений LPI за четыре года с 2012 по 2015. В каждой категории по 34–35 страны.

Таблица 2

Критерии отнесения к определенному уровню благосостояния
[Criteria for referring to a certain level of welfare]

Квантиль	Уровень благосостояния	Среднее значение индекса LPI
1	Низкий	< -1,4
2	Средне-низкий	[-1,4 — -0,3]
3	Средне-высокий	[-0,3 — 1,1]
4	Высокий	>= 1,1

Источник: рассчитано по данным Legatum Prosperity Index. URL: <http://www.prosperity.com/> (дата обращения: 15.11.2016).

Для характеристики социально-экономического развития были отобраны следующие показатели: ВВП на душу населения, темпы роста ВВП, уровень безработицы (среди молодежи и населения старше 25 лет), а также индекс глобальной конкурентоспособности.

Расчет средних значений исследуемых показателей для означенных групп стран указывает на прямую нелинейную связь между уровнем благосостояния и ВВП на душу населения (GDPPC), прямую, близкую к линейной — связь LPI и конкурентоспособностью (GCI), обратную нелинейную связь между уровнем благосостояния и темпом роста ВВП, и отсутствие связи благосостояния с уровнем безработицы (рисунок).

Более детальный анализ выявленных зависимостей может быть проведен методом квантильных регрессий для панельных данных (Koenker R., 1978). В основе метода лежит оценка параметров регрессионной модели путем минимизации так называемой функции проверки (“check” function)

$$Y_{it} = \alpha(\tau) + \beta(\tau)X_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (6)$$

где Y_{it} — один из социально-экономических индикаторов; τ — уровень квантили; X_{it} — индекс LPI; ε_{it} — случайная составляющая; t — индекс времени; i — индекс страны. Параметры модели зависят от уровня квантили τ . Оценка параметра $\hat{\beta}(\tau)$ называется τ -м регрессионным квантилем.

Квантильная регрессия отличается от классической регрессии постановкой задачи и методом ее решения. Если в классической регрессии моделируется условное математическое ожидание зависимой переменной, то в квантильной регрессии моделируется условная медиана (медианная регрессия) или в общем случае определенные квантили распределения зависимой переменной при заданных значениях факторов. Квантильная регрессия была предложена и получила свое развитие в трудах Роджера Коэнкера и др. (Koenker R. и др., 2001). Она дает ин-

струментарий для оценки линейной связи между регрессорами и семейством условных квантилей зависимой переменной, предоставляя более полный статистический анализ стохастической взаимосвязи между случайными величинами. Квантильная регрессия обобщается на панельные данные, во всяком случае, когда оценка производится по всему пулу наблюдений без фиксированных или случайных эффектов.

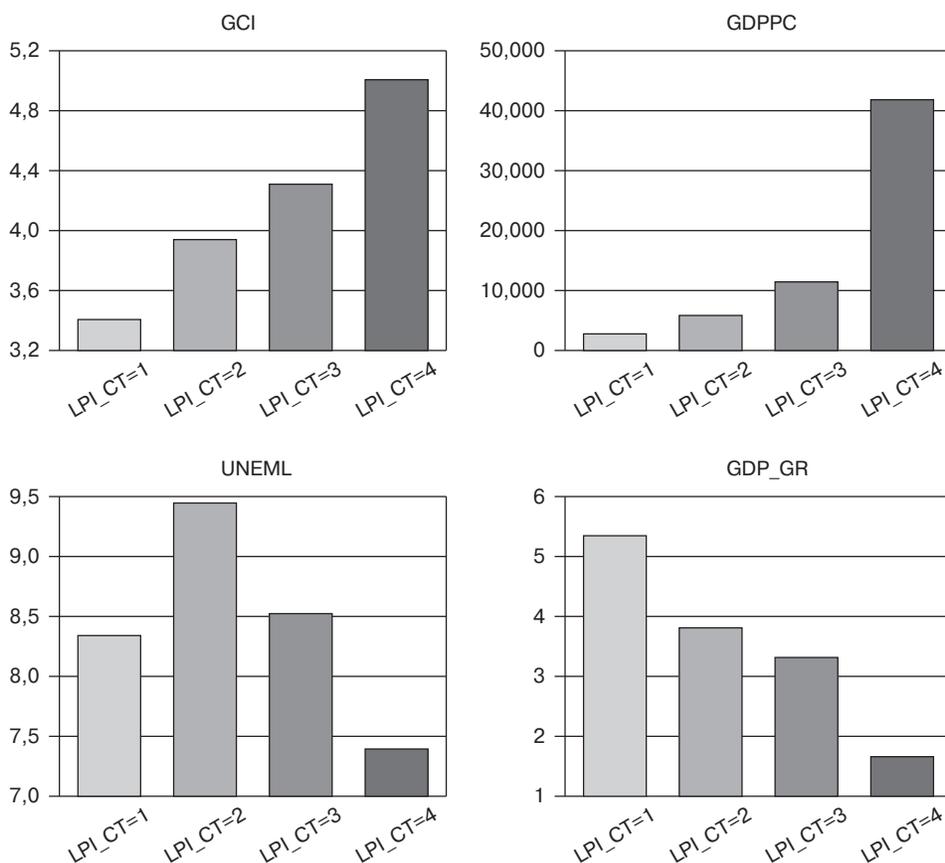

Рис. Среднее значение социально-экономических индикаторов в зависимости от уровня благосостояния

[Fig. The average value of socio-economic indicators depending on the level of welfare]

Источник: рассчитано по данным Legatum Prosperity Index. URL: <http://www.prosperity.com/> (дата обращения: 15.11.2016).

Примечание. GCI — индекс глобальной конкурентоспособности; GDPPC — ВВП на душу населения; UNEML — уровень безработицы, GDP_GR — темп роста реального ВВП.

Результаты оценки взаимосвязи социально-экономических индикаторов с индексом благосостояния методом квантильных регрессий приведены в табл. 3.

Связь между уровнем благосостояния и ВВП на душу населения достаточно хорошо оценивается представленным уравнением (6): при росте индекса благосостояния на 1 базисный пункт ВВП на душу населения растет в среднем на 0,8%, псевдо-коэффициент детерминации составляет в среднем 0,52. Однако степень взаимосвязи снижается как для стран с низким уровнем благосостояния (10%-й квантиль), так и с высоким уровнем (90%-й квантиль).

Результаты оценки параметров уравнения (6) методом квантильных регрессий
[The results of the estimating parameters of equation (6) by the method of quantile regressions]

Зависимая переменная	LN(GDPPC)	LN(GDP_GR)	Unempl	GCI
$\hat{\beta}(.1)$	0,90***	-0,38***	0,1	0,35***
Pseudo R2	0,37	0,09	0,004	0,55
$\hat{\beta}(.25)$	0,87***	-0,24***	0,18	0,36***
Pseudo R2	0,50	0,11	0,003	0,56
$\hat{\beta}(.5)$	0,77***	-0,19***	-0,05	0,37***
Pseudo R2	0,54	0,13	0,0005	0,57
$\hat{\beta}(.75)$	0,70***	-0,20***	-1,04***	0,39***
Pseudo R2	0,52	0,12	0,02	0,60
$\hat{\beta}(.9)$	0,58***	-0,19***	-1,16*	0,41***
Pseudo R2	0,37	0,10	0,02	0,57

Источник: рассчитано по данным Legatum Prosperity Index. URL: <http://www.prosperity.com/> (дата обращения: 15.11.2016).

*** — Значимость коэффициента регрессии на 1%-м уровне; ** — на 5%-м уровне (отсутствует); * — на 10%-м уровне.

Связь между уровнем благосостояния и темпом роста ВВП для всех групп стран слабая и отрицательная. В рассматриваемый временной период 2012–2015 гг. развивающиеся страны имели в среднем более высокие темпы роста экономики, чем развитые, что, однако, не повлияло на увеличения уровня благосостояния этих стран.

Уровень безработицы не имеет значимой взаимосвязи с рассматриваемым индикатором уровня благосостояния. Только для стран с высоким LPI ($\tau \geq 0,75$) есть статистически значимая отрицательная связь.

Взаимозависимость между индексом LPI с индексом глобальной конкуренции достаточно тесная для всех групп стран, несмотря на разный состав базовых индикаторов, лежащих в основе построения этих индексов. Страны более благополучные являются и более конкурентоспособными в современном мире.

Заключение

Проведя систематизацию индексов благосостояния, можно сказать что, индексы, основанные на объективно-субъективистском подходе, наиболее корректно оценивают национальное благосостояние. Они комбинирует положительные, и минимизируют негативные черты объективистского и субъективистского подходов, а также широко используются как для ежегодного сравнения стран, так и для анализа динамики показателей внутри определенной страны. Именно поэтому для дальнейшего анализа был выбран наиболее полный индекс в рамках объективно-субъективистского подхода: индекс процветания Института Легатум (LPI).

На основе многомерного статистического анализа установлено, что экономический рост и благосостояние не имеют общих тенденций: рост благосостояния

страны никак не связан с быстрым ростом ВВП. Это объясняется с тем, что экономический рост, достигаемый за счет эксплуатации человеческих и природных ресурсов, не обеспечивает роста благосостояния.

При этом рост доходов населения оказывает сильное воздействие на рост благосостояния, но не исчерпывает его.

Взаимосвязь индекса благосостояния и индекса конкурентоспособности достаточно тесная для всех групп стран, что говорит о способности стран с высокими уровнем благосостояния к дальнейшему развитию.

Таким образом, авторы считают, что индекс LPI может использоваться для оценки национального благосостояния, так как представляет собой релевантную оценку благосостояния стран с учетом социально-экономических показателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айвазян С.А., Степанов В.С., Козлова М.И.* Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) // Прикладная эконометрика. 2006. № 2. С. 18—84.
- Игнатова Т.В.* Национальное благосостояние: концепции, модели, методы оценки. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2007.
- Asheim G.* Green National Accounting: Why and How? Department of Economics. University of Oslo. 1999.
- Barro R.J.* Inequality and Growth in a Panel of Countries. *Journal of Economic Growth*. 2000. Vol. 5. No. 1. Pp. 5—32.
- Banerjee A.V., Duflo E.* Inequality and Growth: What Can the Data Say? *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8. No. 3. Pp. 267—99.
- Becker S., Philipson J., Soares R.* The quantity and quality of life and the evolution of world inequality. *American economic review*. 2005. No. 1. Pp. 1—26.
- Duarte A., Simões M., Andrade J.S.* The welfare state and economic performance: quantiles and nonlinearities. *Applied Economics Quarterly*. 2016. Vol. 62. No. 4. Pp. 267—294.
- Koenker R., Bassett G.* Regression Quantiles. *Econometrica*. 1978. Vol. 46. Pp. 33—50.
- Koenker R., Hallock K.* Quantile Regression. *Journal of Economic Perspectives*. 2001. Vol. 15. Pp. 143—156.
- Micklewright J.* What Can Child Anthropometry Reveal About Living Standards and Public Policy? An Illustration from Central Asia. *Review of Income and Wealth*. 2001. Vol. 47. Pp. 102—134.
- Morris M.* Measuring the Condition of the World's Poor: The Physical Quality of Life Index. New York, 1979.
- Gross National Happiness [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.grossnationalhappiness.com/>
- Happy Planet Index [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.happyplanetindex.org/>
- Human Development Index [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.hdr.undp.org/>
- Legatum Prosperity Index [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.prosperity.com/>
- Redefining Progress [Electronic resource]. Mode of access: http://rprogress.org/genuine_progress_indicator.htm

ULF Systems [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.ulf-systems.de/>

World Health Organization [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.who.int/>

© Балашова С.А., Нахатакян Е.О., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 19 мая 2017

Дата принятия к печати: 25 июля 2017

Для цитирования:

Балашова С.А., Нахатакян Е.О. Систематизация подходов к оценке социально-экономического развития стран по индексу благосостояния // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 2. С. 219–232. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-219-232

Сведения об авторах:

Балашова Светлана Алексеевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: balashova_sa@pfur.ru

Нахатакян Екатерина Оганесовна, студентка института мировой экономики и бизнеса Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: Kate-nakhatakyan@mail.ru

SYSTEMATIZATION OF THE APPROACHES ASSESSING SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COUNTRIES BY USING WELFARE INDEX

S.A. Balashova, E.O. Nakhatakyan

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. Nowadays there is a lack of a unified approach to the welfare definition and methods for its assessment, therefore this article combines different welfare indices, analyzes their features, as well as the indicators that they include.

The classification of these indices in accordance with the three theoretical approaches is suggested: objective, which is based on the statistical data; subjective, which is based on the subjective opinion of the population and objective-subjective, which combines both of the above mentioned approaches.

The relevance of well-being indices is analyzed; it is also proven the interrelation of well-being indices with the traditional socio-economic indicators. It is defined that the correct assessment of well-being achieved by using objective-subjective indices, which take into account the statistical data as well as subjective opinion of the population.

Key words: well-being, socio-economic indicators, green GDP, human development index (HDI), happy planet index (HPI), better life index (BLI), Legatum prosperity index (LPI)

REFERENCES

Aivazyan S.A., Stepanov V.S., Kozlova M.I. Izmerenie sinteticheskikh kategorii kachestva zhizni naseleniya regiona i vyyavlenie klyuchevykh napravlenii sovershenstvovaniya sotsial'no-

- ekonomicheskoi politiki (na primere Samarskoi oblasti i ee munitsipal'nykh obrazovaniy) // *Prikladnaya ekonometrika*. 2006. № 2. S. 18—84 (In Russ).
- Ignatova T.V. *Natsional'noe blagosostoyanie: kontseptsii, modeli, metody otsenki*. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKAGS, 2007. (In Russ).
- Asheim G. *Green National Accounting: Why and How?* Department of Economics. University of Oslo. 1999.
- Barro R.J. Inequality and Growth in a Panel of Countries. *Journal of Economic Growth*. 2000. Vol. 5. No. 1. Pp. 5—32.
- Banerjee A.V., Duflo E. Inequality and Growth: What Can the Data Say? *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8. No. 3. Pp. 267—99.
- Becker S., Philipson J., Soares R. The quantity and quality of life and the evolution of world inequality. *American economic review*. 2005. No. 1. Pp. 1—26.
- Duarte A., Simões M., Andrade J.S. The welfare state and economic performance: quantiles and nonlinearities. *Applied Economics Quarterly*. 2016. Vol. 62. No. 4. Pp. 267—294.
- Koenker R., Bassett G. Regression Quantiles. *Econometrica*. 1978. Vol. 46. Pp. 33—50.
- Koenker R., Hallock K. Quantile Regression. *Journal of Economic Perspectives*. 2001. Vol. 15. Pp. 143—156.
- Micklewright J. What Can Child Anthropometry Reveal About Living Standards and Public Policy? An Illustration from Central Asia. *Review of Income and Wealth*. 2001. Vol. 47. Pp. 102—134.
- Morris M. *Measuring the Condition of the World's Poor: The Physical Quality of Life Index*. New York, 1979.
- Gross National Happiness [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.grossnationalhappiness.com/>
- Happy Planet Index [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.happyplanetindex.org/>
- Human Development Index [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.hdr.undp.org/>
- Legatum Prosperity Index [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.prosperity.com/>
- Redefining Progress [Electronic resource]. Mode of access: http://rprogress.org/genuine_progress_indicator.htm
- ULF Systems [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.ulf-systems.de/>
- World Health Organization [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.who.int/>

Article history:

Received: 19 May 2017

Revised: 14 June 2017

Accepted: 25 July 2017

For citation:

Balashova S.A., Nakhatakyan E.O. (2017) Systematization of the approaches assessing socio-economic development of the countries by using welfare index. *RUDN Journal of Economics*, 25 (2), 219—232. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-219-232

Bio Note:

Balashova S.A. Candidate of physico-mathematical sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Mathematical Modeling at Peoples' Friendship University of Russia. *Contact information:* e-mail: balashova_sa@pfur.ru

Nakhakakyan E.O. Student of the Institute of World Economy and Business at Peoples' Friendship University of Russia. *Contact information:* e-mail: Kate-nakhatakyan@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-2-233-241

УДК 330.3

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АДАПТИВНОГО МЕХАНИЗМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ ЦЕЛЕВОГО КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА

И.В. Бекренев, Я.Н. Лозовская

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»
Ленинский пр., 4, Москва, Россия, 119049

В настоящее время большинство предприятий характеризуются низкой степенью адаптивности к стремительным изменениям внешней и внутренней среды, неспособностью достигать постоянного динамического качественного изменения количественных показателей, проводить объективную комплексную оценку степени своего развития. Деятельность предприятий, основанная на принципах устойчивого развития будет способствовать решению данных проблем. Для устойчивого развития предприятию необходимо четко определить цели своего существования, алгоритм последовательных действий, способы и методы их достижения, т.е. разработать механизм устойчивого развития, который позволит не только адаптироваться к условиям среды, но и эффективно развиваться.

Ключевые слова: устойчивое развитие предприятия, концепция устойчивого развития, оценка уровня устойчивого развития, конкурентоспособность предприятия, проблемы предприятий, устойчивость, модели устойчивого развития

Введение

Предприятие представляет собой постоянно развивающуюся сложную динамическую социально-экономическую систему, имеющую внутреннюю структуру и функционирующую в постоянном взаимодействии с внешней средой, которая может быть как источником получения прибыли и устойчивого развития, так и источником опасностей и угроз утери завоеванных рыночных позиций.

Сложность внешней среды характеризуется множеством взаимосвязанных факторов, которые предприятие должно учесть в целях выживания и устойчивого развития. В настоящее время большинство предприятий характеризуются низкой степенью адаптивности к изменениям внешней среды, что не позволяет им эффективно развиваться.

В данной связи особенно актуальной становится проблема адаптации предприятий к стремительным изменениям деловой среды и обеспечения устойчивого развития в условиях неопределенности внешней среды, что обеспечит конкурентоспособность предприятия в долгосрочной перспективе.

Практика показывает, что существующие на сегодняшний день проблемы предприятий не могут быть решены без четко поставленных целей своего существования, алгоритма последовательных действий, способов и методов их достижения,

разработки набора взаимосвязанных действий, направленных на достижение максимального социально-экономического эффекта и возможности перехода в качественно новое состояние путем формирования и регулирования отношений с внутренней и внешней средой, что позволит также не только адаптироваться к условиям среды, но и реализовать цели устойчивого развития.

Причина экономических неудач в неготовности (или в неумении) своевременно «сконструировать и запустить механизм устойчивого развития», а значит, актуальными остаются вопросы формирования механизма устойчивого развития предприятия.

Устойчивое развитие

В результате изучения экономической литературы по теме исследования установлено, что несмотря на большое количество научных трудов не существует единого подхода к определению понятий: «устойчивое развитие предприятия», «адаптация», «механизм», «механизм устойчивого развития», данные категории рассматриваются с точки зрения разных теоретических и методологических подходов и остаются дискуссионными.

Проведенный в работе анализ различных литературных источников, диссертационных исследований по аналогичной тематике за последние 10 лет показывает, что проблема устойчивого развития на сегодняшний день находится в центре внимания ученых, но она до сих пор остается недостаточно разработанной: не сформировано единого определения понятий «устойчивое развитие» и «механизм устойчивого развития»; в большинстве рассматриваемых работ уделено внимание устойчивости, а не устойчивому развитию предприятий; отсутствует комплексный подход к формированию механизма устойчивого развития: рассматривается влияние на функционирование предприятий или только внешней среды, или только внутренней среды; отсутствует единый инструментарий для оценки уровня устойчивого развития.

Следовательно, актуальными остаются вопросы уточнения сущности исследуемых явлений, методические вопросы формирования механизма устойчивого развития предприятия, разработки методического инструментария оценки уровня устойчивого развития предприятия, поскольку этот уровень служит катализатором инновационного развития.

Современное состояние экономики выдвинуло на первый план задачи устойчивого развития предприятия. Термин «устойчивое развитие» был введен в научный оборот в середине XX столетия, но до сих пор отсутствует единый подход к определению данной научной категории, что говорит о ее многогранности и отражает комплексный характер.

На сегодняшний день существует более 100 трактовок определения «устойчивое развитие», классическим, основополагающим определением категории «устойчивое развитие» является то, которое было дано Г.Х. Брундтландом на Международной комиссии по окружающей среде и развитию в 1987 году в г. Рио-де-Жанейро: «Устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности».

Ряд авторов (Коряков А.Г., 2012; Горловская И.Г., 2010) научных публикаций отождествляют понятие «устойчивость» и «устойчивое развитие». Устойчивое развитие предприятия невозможно без его устойчивости и есть следствие устойчивости предприятия.

Концепция устойчивого развития предусматривает выделение трех сфер: экономической, социальной и экологической, что отражает их особую значимость, наличие между ними взаимосвязи и взаимозависимости, при этом игнорирование хотя бы одной из них может подорвать общую устойчивость системы (рис. 1).

В процессе своей эволюции модели устойчивого развития прошли путь от модели «Микки Маус» с приоритетом экономики, «сильной» модели или модели «бычий глаз» с приоритетом экологии до «слабой» модели с приоритетом баланса (рис. 2).

Рис. 1. Элементы концепции устойчивого развития
[Fig. 1. Elements of the concept of sustainable development]

Рис. 2. Эволюция моделей устойчивого развития
[Fig. 2. Evolution of models of sustainable development]

Учитывая новые экономические реалии, характеризующиеся значительным ожесточением конкурентной борьбы, «усилить «слабую»» модель устойчивого развития позволит активная инновационная деятельность, которая обеспечит конкурентоспособность предприятия в долгосрочной перспективе. В связи с этим,

авторская точка зрения на понимание «устойчивого развития» дополняет общепризнанную схему еще одной составляющей — инновационной (рис. 3).

Рис. 3. Усовершенствованная концепция устойчивого развития
[Fig. 3. Advanced concept of sustainable development]
Источник: разработано автором

Таким образом, рассмотрев различные интерпретации понятия и обобщая результаты существующих исследований, сформирована авторская трактовка определения категории «устойчивое развитие» и в рамках данной работы под «устойчивым развитием предприятия» понимается состояние функционирования предприятия, которое под действием совокупности факторов внешней и внутренней среды характеризуется способностью целенаправленного и сбалансированного развития экономической, социальной, экологической и инновационной сфер и обеспечения их устойчивости в соответствии с принципом Парето-оптимальности (максимальная устойчивость каждой сферы не приводит к ослаблению устойчивости других).

Адаптивный механизм устойчивого развития

Подводя итог проведенным исследованиям, придерживаясь системного подхода к определению термина «механизм», учитывая сложность и длительную эволюция понятия «адаптация», что обуславливают неоднозначность его трактовок, представляется возможным сформулировать авторскую точку зрения и в рамках данной работы под «адаптивным механизмом устойчивого развития» понимается совокупность целей, методов, последовательность целенаправленных действий по выявлению, оценке влияния, минимизации отрицательного воздействия внешних и внутренних факторов, влияющих на систему, и позволяющих перейти системе из динамического равновесия к устойчивому развитию в условиях неопределенности внешней среды.

В качестве основы для разработки «адаптивного механизма устойчивого развития» предлагается целевой комплексный подход как инструмент переориента-

ции системы, следующей за произошедшими изменениями внешней среды, на основе реализации целей устойчивого развития.

Уровень устойчивого развития предприятия служит катализатором инновационного развития, дает инвесторам информацию об инвестиционной привлекательности предприятия, а руководителям предприятий — количественную оценку успешности реализации стратегии устойчивого развития и эффективности предпринимаемых решений.

Методический инструментарий оценки уровня устойчивого развития

Многообразие трактовок и отсутствие единого подхода к определению «устойчивое развитие» привели к тому, что до сих пор остаются открытыми вопросы измерения и оценки уровня устойчивого развития предприятия.

Определение основных направлений совершенствования методического инструментария оценки уровня устойчивого развития предприятий затруднено наличием множества различных точек зрения и взглядов на эту проблему, что требует их анализа и систематизации.

В результате проведенного в работе на основе обзора большого количества источников экономической литературы, аналитического исследования существующего методического инструментария оценки уровня устойчивого развития предприятий установлено существование различных подходов к его оценке и отсутствие единого методического инструментария.

Несмотря на огромное количество существующих методик оценки уровня устойчивого развития, большинство из них все же рассматривают устойчивое развитие со стороны устойчивости, а не со стороны развития. Некоторые изученные методики достаточно сложны в использовании, многие авторы (Алферова Т.В., Третьякова Е.А., 2012, 2015; Барканов А.С., 2008; Баранов А.В., 2013; Денисов К.А., 2014; Конышова А.В., 2013; Коряков А.Г., 2012; Лясковская Е.А., 2009; Лясников Н.В., 2009; Яруллина Г.Р., 2010) стремятся отразить предельное количество аспектов деятельности предприятия, уделяют большое внимание инновационной активности, стратегическим целям, также отмечается хаотичный выбор показателей, наибольшее предпочтение отдается экономическим аспектам.

Как правило при оценке уровня устойчивого развития сопоставляют фактические показатели, характеризующие состояние предприятия, с пороговыми значениями, основываются или на динамическом, или на статическом подходе с применением метода экспертных оценок. Отмеченные недостатки существующего методического инструментария подтверждает отсутствие комплексного, системного подхода, позволяющего всесторонне оценить уровень устойчивого развития предприятия.

Исходя из этого, для оценки уровня устойчивого развития разработан методический инструментарий, учитывающий статические изменения, отражающие устойчивость и динамические изменения, отражающие степень развития экономической, социальной, экологической и инновационной сфер посредством расчета значимых коэффициентов, обобщающих показателей устойчивости и интегрального показателя (рис. 4).

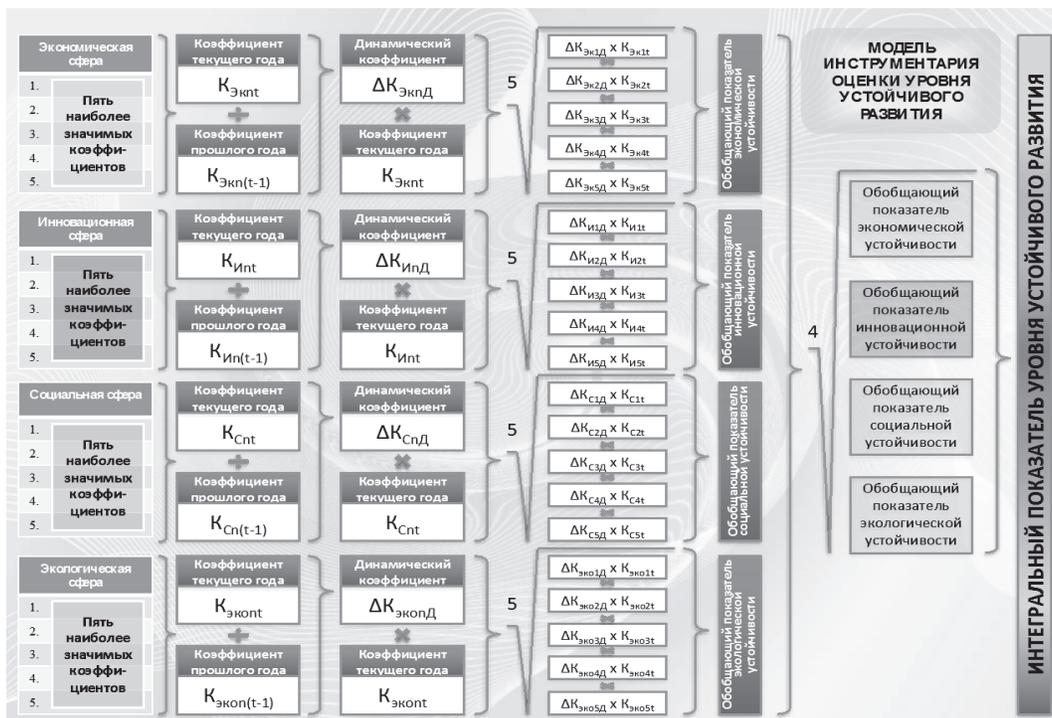

Рис. 4. Модель инструментария оценки уровня устойчивого развития
 [Fig. 4. Model of tools of an assessment of level of sustainable development]
 Источник: разработано авторами

Заклучение

В современных условиях перед российскими предприятиями возникают следующие проблемы: необходимость быстрого и своевременного реагирования на нестабильную рыночную среду; обеспечение постоянного динамического качественного изменения количественных и качественных показателей предприятия; проведение комплексной оценки степени устойчивого развития как катализатора инновационного развития. Деятельность предприятий, основанная на принципах устойчивого развития, под которым понимается сбалансированное и социально приемлемое сочетание экономического роста на основе внедрения инноваций и сохранения окружающей среды, будет способствовать решению данных проблем.

Вопросы устойчивого развития предприятий на сегодняшний день находятся в центре внимания ученых, однако до сих пор актуальными остаются вопросы уточнения сущности исследуемых явлений, не существует единого подхода к определению понятий: «устойчивое развитие» и «механизм устойчивого развития», категории рассматриваются с точки зрения разных теоретических и методологических подходов и остаются дискуссионными; не решены методические вопросы формирования механизма устойчивого развития; отсутствует единый методический инструментарий оценки уровня устойчивого развития предприятия.

В работе конкретизировано и введено в научный оборот уточненное понятие «устойчивое развитие», разработана логическая последовательность действий

(механизм устойчивого развития) по минимизации отрицательного воздействия факторов, влияющих на эффективность деятельности предприятия, позволяющая адаптироваться предприятию к стремительным изменениям деловой среды и устойчиво развиваться в условиях ее неопределенности, что обеспечит конкурентоспособность предприятия в долгосрочной перспективе.

Для оценки уровня устойчивого развития разработан методический инструментарий, учитывающий статические и динамические изменения показателей экономической, социальной, экологической и инновационной сфер посредством расчета значимых коэффициентов, обобщающих показателей устойчивости и интегрального показателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алферова Т.В., Третьякова Е.А.* Методические подходы к оценке устойчивого развития промышленных предприятий // Актуальные проблемы экономических, юридических и социально-гуманитарных наук: материалы науч.-практ. конф. (г. Пермь, 23 марта 2015 г.) / АНО ВО «Пермский институт экономики и финансов». 2015. С. 71—73.
- Алферова Т.В., Третьякова Е.А.* Концептуальное моделирование определения категории «устойчивое развитие» // Экономическая теория. 2012. № 4. С. 46—52.
- Барканов А.С.* Проблемы обеспечения устойчивого функционирования и стратегического развития предприятий строительной отрасли: дисс. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. М., 2008. URL: <http://dislib.ru/ekonomika/9733-1-problemi-obespecheniya-ustoychivogo-funkcionirovaniya-strategicheskogo-razvitiya-predpriyatiy-stroitelnoy-otrasli.php> (дата обращения: 02.02.2017).
- Баранов А.В.* Методы и инструментарий обеспечения устойчивого инновационного развития промышленных предприятий: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. СПб., 2013. 19 с.
- Горловская И.Г.* Особенности формирования механизма устойчивого развития промышленных предприятий в условиях перехода к новому технологическому укладу // Экономические науки. 2010. № 9(70). С. 203—206.
- Денисов К.А.* Методы формирования стратегии устойчивого развития промышленного предприятия на инновационной основе: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. СПб., 2014. 131 с.
- Коняшова А.В.* Показатели оценки функциональных составляющих экономической устойчивости развития предприятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 8 (299). Экономика. Вып. 40. С. 123—128.
- Коряков А.Г.* Методологические вопросы устойчивого развития предприятий // Вопросы экономики и права. 2012. № 4. С. 110—114.
- Лясковская Е.А.* Управление инновационным развитием предприятия по показателям устойчивости: автореф. дисс. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Челябинск, 2009. 42 с.
- Лясников Н.В.* Обеспечение стратегической устойчивости предприятий на основе формирования механизма потребительского поведения: дисс. ... д-ра экон. наук: спец. 08.00.05. М., 2009. 220 с.
- Яруллина Г.Р.* Методология обеспечения устойчивого развития промышленного предприятия. Казань: Казан. ун-т, 2010.

© Бекренев И.В., Лозовская Я.Н., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 21 мая 2017

Дата принятия к печати: 12 июля 2017

Для цитирования:

Бекренев И.В., Лозовская Я.Н. Методические аспекты формирования адаптивного механизма устойчивого развития предприятия на основе целевого комплексного подхода // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 2. С. 233–241. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-233-241

Сведения об авторах:

Бекренев Игорь Владимирович, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления в промышленных регионах Национального исследовательского технологического университета «МИСиС». *Контактная информация*: e-mail: ibekrenev@inbox.ru

Лозовская Яна Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления в промышленных регионах Национального исследовательского технологического университета «МИСиС». *Контактная информация*: e-mail: yana197@list.ru

METHODICAL ASPECTS OF FORMATION OF THE ADAPTIVE MECHANISM OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISE ON THE BASIS OF A TARGET INTEGRATED APPROACH

I.V. Bekrenev, Y.N. Lozovskaya

National University of Science and Technology «MISiS»
Leninsky Ave., 4, Moscow, Russia, 119049

Abstract. Now most the enterprises are characterized by low degree of adaptability to rapid changes of external and internal environment, inability to reach continuous dynamic high-quality change of quantitative indices, to carry out an objective complex assessment of extent of the development. The activity of the enterprises based on the principles of sustainable development will promote the solution of these problems. For sustainable development the enterprise needs to define accurately the purposes of the existence, an algorithm of consecutive actions, ways and methods of their achievement, i.e. to develop the mechanism (the mechanism of sustainable development) which will allow not only to adapt to environment conditions, but also to develop effectively.

Key words: sustainable development of the enterprise, concept of sustainable development, assessment of level of sustainable development, competitiveness of the enterprise, problem of the enterprises, stability, models of sustainable development

REFERENCES

- Alferova T.V., & Tret'yakova E.A. (2015). Metodicheskie podkhody k otsenke ustoichivogo razvitiya promyshlennykh predpriyatii // Aktual'nye problemy ekonomicheskikh, yuridicheskikh i sotsial'no-gumanitarnykh nauk: materialy nauch.-prakt. konf. (g. Perm', 23 marta 2015 g.) / ANO VO «Permskii institut ekonomiki i finansov». 2015. S. 71–73. (In Russ).
- Alferova T.V., Tret'yakova E.A. Conceptual modeling of determination of category “sustainable development” // *Ekonomicheskaya teoriya*. 2012. 4. 46–52. (In Russ).

- Barkanov A.S. (2008). Problemy obespecheniya ustoichivogo funkcionirovaniya i strategicheskogo razvitiya predpriyatii stroitel'noi otrasli. [dissertation]. Moscow. Retrieved from: <http://dislib.ru/ekonomika/9733-1-problemi-obespecheniya-ustoychivogo-funkcionirovaniya-strategicheskogo-razvitiya-predpriyatij-stroitelnoy-otrasli.php>. (In Russ).
- Baranov A.V. (2013). Metody i instrumentarii obespecheniya ustoichivogo innovatsionnogo razvitiya promyshlennykh predpriyatii. [dissertation]. Saint Petersburg. (In Russ).
- Gorlovskaya I.G. Features of formation of the mechanism of sustainable development of the industrial enterprises in the conditions of transition to new technological way // *Jekonomicheskie nauki*. 2010. 9(70). 203—206. (In Russ).
- Denisov K.A. (2014). Metody formirovaniya strategii ustoichivogo razvitiya promyshlennogo predpriyatiya na innovatsionnoi osnove. [dissertation]. Saint Petersburg. (In Russ).
- Konyashova A.V. Indicators of an assessment of functional components of economic stability of development of the enterprise // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. 8(299). 123—128. (In Russ).
- Korjakov A.G. Methodological questions of sustainable development of the enterprises // *Voprosy ekonomiki i prava*. 2012. 4. 110—114. (In Russ).
- Lyaskovskaya E.A. (2009). Upravlenie innovatsionnym razvitiem predpriyatiya po pokazatelyam ustoichivosti. [dissertation]. Chelyabinsk. (In Russ).
- Lyasnikov N.V. (2009). Obespechenie strategicheskoi ustoichivosti predpriyatii na osnove formirovaniya mekhanizma potrebitel'skogo povedeniya. [dissertation]. Moscow. (In Russ).
- Yarullina G.R. (2010). Metodologiya obespecheniya ustoichivogo razvitiya promyshlennogo predpriyatiya. Kazan: Kazan Federal University. (In Russ).

Article history:

Received: 21 May 2017

Revised: 10 June 2017

Accepted: 12 July 2017

For citation:

Bekrenev I.V., Lozovskaya Y.N. (2017) Methodical Aspects of Formation of the Adaptive Mechanism of Sustainable Development of the Enterprise on the Basis of a Target Integrated Approach. *RUDN Journal of Economics*, 25 (2), 233—241. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-233-241

Bio Note:

Bekrenev I.V. Senior Lecturer, Federal public autonomous educational institution of higher education National University of Science and Technology “MISiS”. *Contact information:* e-mail: ibekrenev@inbox.ru

Lozovskaya Y.N. Doctor of sciences (Economics), Federal public autonomous educational institution of higher education National University of Science and Technology “MISiS”. *Contact information:* e-mail: yana197@list.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-2-242-254

УДК 004.413.4

ОЦЕНКА РИСКА БАНКРОТСТВА СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ОСНОВЕ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

И.В. Ариничев, И.В. Богдашев

Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, Россия, 350040

В статье рассматривается методика построения алгоритма определения риска наступления банкротства предприятия с использованием методов машинного обучения. Преимуществом данной методики является использование не только количественных, но и качественных индикаторов финансовой устойчивости субъектов бизнеса, а также возможность исключения факторов, слабо влияющих на итоговый рейтинг. Предполагается, что разработанная математическая модель будет полезна представителям малого и среднего бизнеса и позволит получить объективную и точную картину о финансовом положении предприятия, текущих угрозах и риске банкротства.

Ключевые слова: риск наступления банкротства, финансовая устойчивость, машинное обучение, системы интеллектуальной аналитики, бинарное дерево, малый бизнес

Введение

Банкротство — это ситуация, когда фирма неспособна разрешить свои денежные обязательства, ведущая к правовой угрозе. Финансовые активы компаний продаются для погашения задолженности, что приводит к огромным потерям как для собственников, так и для инвесторов. В этой связи компаниям необходимо разрабатывать эффективные стратегии прогнозирования банкротства на более раннем этапе, чтобы избежать финансового кризиса. Заинтересованными лицами в определении финансовой устойчивости организации могут выступать не только собственники и инвесторы. Различные физические и юридические лица нуждаются в информации о «реальном положении дел в компании, с которой они связаны»: от поставщиков и партнеров, до сотрудников настоящих и потенциальных.

С институциональной точки зрения, чем большей информацией обладают все экономические агенты, тем меньше будет риск возникновения трансакционных издержек. Другими словами, благодаря полноте информации, полученной в результате применения простой и надежной методики оценивания финансовой устойчивости и отслеживания угрозы наступления банкротства, ключевые игроки рынка смогут проявлять высокий уровень доверия к данной организации: кли-

енты будут уверены в качестве продукции, сотрудники — в оплате труда и премиях за результат, поставщики, подрядчики и партнеры — в благонадежности и кредитоспособности организации в качестве заемщика, что, в свою очередь, положительно скажется на деловой репутации данной компании.

Обзор литературы

В настоящее время опубликовано значительное количество как отечественной, так и зарубежной литературы, посвященной данной теме. Среди моделей и методов оценки риска банкротства компаний, отраженных в данных работах и получивших широкое распространение в нашей стране и за рубежом, можно отметить модель Z-счета Альтмана (Altman E., 1968), относящуюся к классу моделей множественного дискриминантного анализа и позволяющую на основе показателей финансовой и бухгалтерской отчетности разделить предприятия на потенциальных банкротов и не банкротов (Altman E., 1968; 2005) KMV — модель Мертона (Merton R.C., 1974), используемая для расчета вероятности дефолта компаний, в основном для предприятий, которые торгуются на фондовых рынках; модель сокращенных форм (Jarrow R.A., Turnbull S., 1995) является обобщением модели Мертона и оценивает вероятность банкротства; макроэкономическая модель Уилсона на основе экзогенных показателей (Wilson T., 1997), которая легла в основу программного продукта CreditPortfolioView, предназначенного для оценки кредитного риска и разработанного консалтинговой группой McKinsey & Co; модель однофакторного дискриминантного анализа Бивера (Beaver W.H., 1966), где для оценки риска банкротства рассчитывается отношение чистого денежного потока компании к заемным средствам; модель Чессера из класса дискриминантных моделей (Chesser D., 1974), позволяющая предсказать не только дефолт как таковой, но и невыполнение клиентом условий договора и др.

Многие из перечисленных моделей, несмотря на солидный возраст выдержали проверку временем и сейчас используются в мировой практике. Большинство из них были проверены в глобальном масштабе и сосредоточены на крупных многонациональных компаниях, акции которых котируются на фондовых рынках и не адаптированы для малого бизнеса. Кроме этого, значительная часть представленных в обзоре моделей реализуется с помощью дискриминантного анализа, на основе которого принимается решение об оценке степени риска. Одним из существенных ограничений такого анализа служит невозможность учета качественных показателей, играющую не последнюю роль в оценке риска банкротства малых предприятий. К таким факторам можно отнести деловую репутацию компании, уровень менеджмента на предприятии, удовлетворенность потребителей и др. В то же время применение более продвинутых инструментов, таких как байесовские методы, нечеткая логика (Korol T., Korodi A., 2011), нейронные сети (Bredart X., 2014), логистическая регрессия (Ohlson J., 1980) и др. требуют специального, чаще всего дорогостоящего программного обеспечения, а также определенной квалификации менеджеров, что для малых предприятий недоступно.

В настоящей работе предлагается новая архитектура оценки риска компании, использующая методологию машинного обучения, относящуюся к системам ин-

теллектуальной аналитики. Основываясь на данных бухгалтерского учета, корпоративных характеристик, главным образом, структуры долга и капитала, а также ряда качественных показателей прогнозируется риск банкротства организации.

Методы машинного обучения используются для обнаружения и анализа скрытых структур в данных путем разработки и применения специальных алгоритмов (Воронцов К.В., 2014; Донской В.И., 2014; Загоруйко Н.Г., 1999). Общая схема процесса машинного обучения, а также формализация постановки задачи описана далее.

Методология машинного обучения оценки риска банкротства в организациях

Объектом x из множества всех объектов X в данной задаче будем считать юридическое лицо (малое предприятие), риск банкротства которого необходимо оценить. Чтобы задать объект, введем его признаковое описание $f_j: x_i \rightarrow D_j$, где $f_j(x_i)$ — значение j -го частного критерия для i -го предприятия x ; $i = 1, m, j = 1, n$. Например, в качестве группы признаков могут быть выбраны показатели, характеризующие бизнес-риски предприятия (срок функционирования бизнеса, зависимость от поставщиков и потребителей, наличие судебных разбирательств, конкурентная позиция заемщика на рынке и др.); другая группа содержит факторы характеризующие финансовые риски (денежное покрытие, ликвидность, обеспеченность собственным капиталом и др.); третья группа признаков может отвечать за анализ рисков кредитной истории и др. В этом случае упорядоченный набор $[f_1(x_i), f_2(x_i), \dots, f_n(x_i)]$ задает полное признаковое описание объекта. Для удобства восприятия, может быть записана матрица «объекты-признаки»

$$\begin{pmatrix} f_1(x_1) & \dots & f_1(x_m) \\ \dots & \dots & \dots \\ f_n(x_1) & \dots & f_n(x_m) \end{pmatrix},$$

столбцы которой содержат признаковое описание j -го объекта (малого предприятия). В зависимости от того, в какой шкале измеряется тот или иной признак (интервальная, порядковая, номинальная), множество D_j может быть конечным или бесконечным, с отношением порядка или нет. К примеру, если f_j — среднесписочная численность сотрудников в организации, то соответствующее множество будет конечным и упорядоченным $D_j = \{1, 2, 3, \dots, 100\}$. Для показателя, характеризующего долю рынка, логично в качестве D_j рассмотреть отрезок $[0; 100]$.

Для определения зависимой переменной, разделим предприятия на три класса с высоким, средним и низким риском банкротства. Присвоив каждому классу метку, получим множество всевозможных ответов для каждого предприятия соответственно $Y = \{-1; 0; 1\}$. Предложенная номинальная шкала для зависимой переменной не освобождена от критики и выбрана авторами для конкретизации проводимого исследования. В общем случае она без может быть определена произвольно. Например, задавая Y как множество натуральных чисел, фактически получаем финансовую модель оценки риска скорингового типа.

Чтобы успешно оценить риск произвольно выбранного малого предприятия методами машинного обучения, необходимо рассмотреть два этапа (Eksi I., 2011; Falahpour S., 2005):

1) этап обучения — это этап, на котором по обучающей выборке X^t (выборка признаковых описаний объектов, для них заранее известны ответы Y^t) на основе некоторого метода μ строится алгоритм классификации $a = \mu(X^t \times Y^t)$;

2) этап тестирования, когда построенный на первом этапе алгоритм a классифицирует объекты, которые не входили в обучающую выборку.

Если на втором этапе, алгоритм a демонстрирует допустимую ошибку (менее 15%), то он может использоваться в дальнейшем для диагностики риска банкротства произвольного малого предприятия. В противном случае производится переобучение алгоритма, путем подбора для него новых параметров. Чтобы измерить точность ответа алгоритма на одном отдельном объекте рассматривается функция потерь

$$L(a, x) = \begin{cases} 1, & a(x) \neq y(x), \\ 0, & a(x) = y(x), \end{cases}$$

которая равна 0, если алгоритм верно проклассифицировал объект и 1 в противном случае. Тогда величина ошибки в задаче классификации определяется с помощью функционала качества

$$Q(a, X^{test}) = \frac{1}{|X^{test}|} \sum_i L(a, x_i), \quad (1)$$

где X^{test} — тестовая выборка.

Учитывая специфику задачи и качественный характер некоторых признаков, был выбран логический алгоритм классификации малых предприятий, который представляет собой бинарное дерево (ациклический граф), каждой внутренней вершине $v \in V_{\text{внутр}}$ которого приписан предикат $\beta_v: X \rightarrow \{0, 1\}$, а каждой листовой (терминальной) вершине $v \in V_{\text{лист}}$ — метка класса $c_v \in Y$. В настоящей работе были использованы одномерные предикаты вида $\beta_v(x) = \{x_j \leq \theta_j\}$, где θ_j — некоторое пороговое значение j -го признака объекта.

Бинарный решающий алгоритм стартует из корневой вершины v_0 и вычисляет значение предиката β_{v_0} . Если оно равно нулю, то алгоритм переходит в левую дочернюю вершину, иначе — в правую, вычисляет значение предиката в новой вершине и делает переход или влево, или вправо. Процесс продолжается, пока не будет достигнута листовая вершина; алгоритм возвращает тот класс, который приписан этой вершине («риск высокий», «риск средний» и «риск низкий»).

В настоящей работе при построении решающего дерева была использована рекурсивная процедура Induction of Decision 3 (LearnID3), псевдокод которой представлен на рис. 1.

Наиболее важным шагом рассмотренного алгоритма является поиск предиката с максимальной информативностью. При определении предиката, который

бы максимально хорошо выделял бы какую-то группу классов от всех остальных классов, в зависимости от выбора критерия ветвления, возникает большое разнообразие методов построения решающих деревьев.

1.	ПРОЦЕДУРА $LearnID3(S \subseteq X)$	
2.	ЕСЛИ $\forall s \in S \Rightarrow y_s = c \in Y$	если все объекты подвыборки лежат в одном классе;
3.	ВЕРНУТЬ $v, c_v = c$	вернуть новую листовую вершину и присвоить ей метку класса;
4.	$\beta = \arg \max_{\beta} I(\beta, S)$	найти предикат с максимальной информативностью;
5.	$S_0 = \{x \in S : \beta(x) = 0\}$ $S_1 = \{x \in S : \beta(x) = 1\}$	разбить выборку на две подвыборки $S = S_0 \cup S_1$ по предикату максимальной информативности β ;
6.	ЕСЛИ $S_0 = \emptyset$ ИЛИ $S_1 = \emptyset$	если разбиения не произошло;
7.	ВЕРНУТЬ $v, c_v = c$	вернуть новую листовую вершину, присвоить метку того класса объектов которого больше в подвыборке;
8.	$v : \beta_v = \beta$ $L_v = LearnID3(S_0)$ $R_v = LearnID3(S_1)$	создать новую внутреннюю вершину и поместить в нее предикат; построить левое поддерево; построить правое поддерево;
9.	ВЕРНУТЬ v ;	вернуть решающее дерево;

Рис. 1. Рекурсивная процедура построения решающего бинарного дерева
[Fig. 1. Recursive procedure for constructing a solving binary tree]

В данной работе был использован наиболее распространенный и часто используемый критерий Джини, показывающий, сколько пар объектов, лежащих в одном и том же классе, одновременно попадут либо в левую, либо в правую дочернюю вершину дерева (значения предиката на них совпадают):

$$I(\beta, X) = \#\{(x_i, x_j) : y_i \neq y_j, \beta(x_i) = \beta(x_j)\}.$$

После того, как дерево построено, в целях упрощения его структуры и понижения сложности восприятия результатов моделирования можно провести его «стрижку». Существует ряд исследований, показывающих, что «стрижка» позволяет достичь лучшего качества по сравнению с ранним останом построения дерева на основе различных критериев. Тем не менее, на данный момент методы «стрижки» редко используются и не реализованы в большинстве библиотек для анализа данных (Воронцов К.В.). Другим подходом к оптимизации дерева служит сокращение размерности исходной задачи.

Чтобы понизить размерность задачи, сохранив при этом максимум информации в меньшем количестве переменных может быть использован метод главных компонент, широко использующийся в анализе данных [Айвазян С.А., Бухштабер В.М. и др., 1989; Gorban A.N., Kegl B., Wunsch D., Zinovyev A.Y., 2007; Jolliffe I.T., 2002]. Суть анализа главных компонент заключается в том, что все признаки-колонки преобразуются в компоненты, причем наибольшую информацию о разнообразии объектов несет первая компонента, вторая несет меньше информации, третья — еще меньше и т.д. Данный метод позволяет уменьшить количество признаков выбрав «самые изменчивые».

определяются, в том числе, единицами измерения. Так, незначительное колебание прибыли, выраженной в рублях перекроет существенный разброс доли рынка, выраженный в процентах.

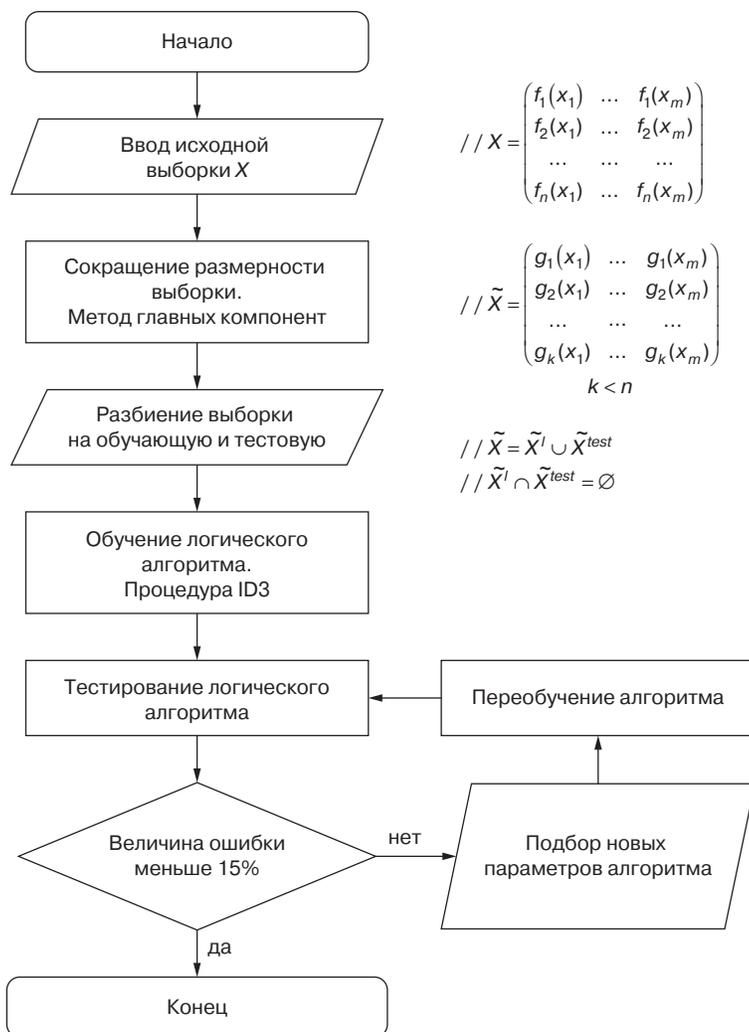

Рис. 2. Методика разработки алгоритма оценки риска банкротства малых предприятий
[Fig. 2. Methodology for the development of the algorithm for assessing the risk of bankruptcy of small enterprises]

Таблица 1

Факторы риска банкротства на малых предприятиях
[Risk Factors for Bankruptcy in Small Enterprises]

Группа факторов	Порядковый номер	Наименование	Комментарий
Деловые факторы	1	Business_period	Срок функционирования бизнеса — период в годах от начала регистрации компании до 2017 г.
	2	Legalization	Позиция на рынке, кредитная история, качество работы, степень легализации бизнеса

Окончание табл. 1

Группа факторов	Порядковый номер	Наименование	Комментарий
Деловые факторы	3	Management quality	Компетентность, уровень образования, сплоченность руководства и его эффективность
	4	Market_share	Доля рынка — доля компании на рынке
	5	Supplier_dependence	Зависимость от поставщиков — наличие крупнейшего поставщика (>30%)
	6	Customer_dependence	Зависимость от покупателей — наличие крупнейшего покупателя (>30%)
Показатели финансового риска	7	Net_assets	ВБ — долгосрочные и краткосрочные заемные средства + доходы будущих периодов
	8	Current_liquidity	Оборотные активы / Краткосрочные пассивы
	9	Financial_autonomy	Собственный капитал / Суммарный пассив (ВБ)
	10	Equity_to_debt_relation	Собственный капитал / Суммарные обязательства
	11	Sales_profitability	Прибыль от реализации / Выручка от реализации
	12	Activity_profitability	Чистая прибыль за последний отчетный квартал / выручка от продажи товаров, продукции, работ, услуг за последний отчетный квартал
	13	Cash_cover	Размер кредитных обязательств на текущую дату / среднемесячная выручка
	14	Interest_cover	Квартальная прибыль от продаж за последний отчетный квартал / сумма процентов по кредитам и займам, уплаченная за последний отчетный квартал
Активы предприятия	15	Fixed_assets	Внеоборотные активы — труднореализуемые активы (А4)
	16	Stock	Запасы — медленно реализуемые активы (А3)
	17	Receivables	Дебиторская задолженность — быстро реализуемые активы (А2)
	18	Shortterm_investments	Краткосрочные финансовые вложения — наиболее ликвидные активы (А1)
	19	Cash	Денежные средства — наиболее ликвидные активы (А1)
Пассивы предприятия	20	Equity	Собственный капитал — постоянные пассивы (П4)
	21	Longterm_borrowings	Долгосрочные кредиты и займы — долгосрочные пассивы (П3)
	22	Shortterm_borrowings	Краткосрочные кредиты и займы — краткосрочные пассивы (П2)
	23	Payables	Кредиторская задолженность — наиболее срочные обязательства (П1)

Реализация метода главных компонент была осуществлена с помощью функции **prcomp()** (*principal component*) в статистической среде вычислений **R**, простейший формат которой имеет вид: `prcomp(x, scale = TRUE)`, где *x* — матрица «объекты-признаки», *scale* — логическое значение, указывающее следу-

С учетом результатов применения метода (табл. 2) и правила определения эффективного размера выборки (2), новая размерность признакового пространства составила $k = 4$. В результате применения процедуры *ID3* было построено бинарное решающее дерево (рис. 3), двигаясь из начальной вершины которого, в зависимости от значений главных компонент, любой объект (предприятие) может быть отнесен к одному из трех классов банкротства.

Функционал качества (1), рассчитанный для построенного алгоритма (см. рис. 3) по тестовой выборке, показал допустимые значения ошибки (<15%), что дает возможность использовать его в качестве инструмента поддержки принятия решений при выявлении субъектов малого предпринимательства, ориентированных на риск банкротства в целях предотвращения финансовых потерь.

Заключение

Два предварительных вывода вытекают в случае применения машинного обучения в секторе финансовых услуг. Во-первых, способность методов машинного обучения анализировать очень большие объемы данных, предлагая высокую степень детализации и глубину интеллектуального анализа, может значительно улучшить аналитические возможности в областях управления рисками и риска банкротства, в частности. Во-вторых, применение подходов машинного обучения в секторе финансовых услуг сильно зависит от качества и доступности исходных данных. Что более важно, прогнозная сила некоторых методов сильно зависит от сложности модели и объема исходных данных. Частично проблема решается путем сокращения размерности задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айвазян С.А., Бухштабер В.М., Енюков И.С., Мешалкин Л.Д.* Прикладная статистика. Классификация и снижение размерности. М.: Финансы и статистика, 1989. 607 с.
- Воронцов К.В.* Математические методы обучения машин по прецедентам (теория обучения машин) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.machinelearning.ru/wiki/images/6/6d/Voron-ML-1.pdf>
- Донской В.И.* Алгоритмические модели обучения классификации: обоснование, сравнение, выбор. Симферополь: ДИАЙПИ, 2014. 228 с.
- Загоруйко Н.Г.* Прикладные методы анализа данных и знаний. Новосибирск: ИМ СО РАН, 1999.
- Шупунов А.Б., Балдин Е.М.* Анализ данных с R [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soc.univ.kiev.ua/sites/default/files/course/materials/r1.pdf>
- Altman E.* Financial ratios. Discriminant analysis, and the prediction of corporate bankruptcy // *Journal of Finance*, September. 1968.
- Altman E.* Corporate Financial Distress and Bankruptcy, 3rd edition. John Wiley and Sons, 2005.
- Beaver W.H.* Financial ratios as predictors of failure // *Journal of Accounting Research*. 1966. Vol. 4. Pp. 71–111.
- Bredart X.* Bankruptcy Prediction Model Using Neural Networks // *Accounting and Finance Research*. 2014. Vol. 3(2). Pp. 124–128.

- Chesser D. Predicting loan noncompliance // *The Journal of Commercial Bank Lending*. 1974. Pp. 28—38.
- Eksi I. Classification of firm failure with classification and regression trees // *International Research Journal of Finance and Economics*. 2011. 76. Pp. 113—120.
- Falahpour S., Raie R. Application of support vector machine to predict financial distress using financial ratios // *Journal of Accounting and Auditing Studies*. 2005. 53. Pp. 7—34.
- Gorban A.N., Kegl B., Wunsch D., Zinovyev A.Y. (Eds.) *Principal Manifolds for Data Visualisation and Dimension Reduction*, Series: Lecture Notes in Computational Science and Engineering 58, Springer, Berlin — Heidelberg — New York, 2007, XXIV, 340 p. 82.
- Jarrow R.A., Turnbull S. Pricing derivatives on financial securities subject to credit risk // *Journal of Finance*. 1995. Vol. 50. Pp. 53—85.
- Jolliffe I.T. *Principal Component Analysis*, Series: Springer Series in Statistics, 2nd ed., Springer, NY, 2002, XXIX, 487 p. 28.
- Korol T., Korodi A. An evaluation of effectiveness of fuzzy logic model in predicting the business bankruptcy // *Romanian Journal of Economic Forecasting*. 2011. № 3. Pp. 92—107.
- Merton R.C. On the pricing of corporate debt: the risk structure of interest rates // *Journal of Finance*. 1974. Vol. 29(2). Pp. 449—470.
- Ohlson J. Financial ratios and the probabilistic prediction of bankruptcy // *Journal of Accounting Research*. 1980. 18(1). Pp. 109—131.
- Wilson T. Portfolio Credit Risk: part I // *Risk Magazine*. 1997. 23. Pp. 111—117.

© Ариничев И.В., Богдашев И.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05 июня 2017

Дата принятия к печати: 30 июня 2017

Для цитирования:

Ариничев И.В., Богдашев И.В. Оценка риска банкротства субъектов малого предпринимательства на основе методов машинного обучения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 2. С. 242—254. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-242-254

Сведения об авторах:

Ариничев Игорь Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теоретической экономики экономического факультета Кубанского государственного университета. *Контактная информация:* e-mail: iarinichev@gmail.com

Богдашев Илья Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теоретической экономики экономического факультета Кубанского государственного университета. *Контактная информация:* e-mail: ilbogdashev@gmail.com

ESTIMATION OF BANKRUPTCY RISK OF SMALL BUSINESS COMPANIES BASING METHODS OF MACHINE LEARNING

I.V. Arinichev, I.V. Bogdashev

Kuban State University
Stavropolskaya str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Abstract. The article deals with the methodology for constructing an algorithm for determining the probability of bankruptcy of an enterprise using machine learning methods. The advantage of this methodology is the use of not only quantitative, but also qualitative indicators of financial stability of business entities, as well as the possibility of excluding factors that have little effect on the final rating. It is assumed that the created mathematic model will be useful to representatives of small and medium-sized businesses and will provide an objective and precise picture of the financial situation of the enterprise, including current threats and the risk of bankruptcy.

Key words: risk of bankruptcy, financial stability, machine learning, systems of intellectual analytics, binary tree, small business

REFERENCES

- Aivazyan S.A., Bukhshtaber V.M., Enyukov I.S., Meshalkin L.D. (1989). *Prikladnaya statistika. Klassifikatsiya i snizhenie razmernosti*. M.: Finansy i statistika, 607 p. (In Russ)
- Vorontsov K.V. *Matematicheskie metody obucheniya mashin po pretsendentam (teoriya obucheniya mashin)* [Elektronnyi resurs]. Access Mode: <http://www.machinelearning.ru/wiki/images/6/6d/Voron-ML-1.pdf>
- Donskoi V.I. (2014). *Algoritmicheskie modeli obucheniya klassifikatsii: obosnovanie, sravnenie, vybor*. Simferopol': DIAIPI, 228 s. (In Russ)
- Zagoruiko N.G. (1999). *Prikladnye metody analiza dannykh i znanii*. Novosibirsk: IM SO RAN (In russ)
- Shipunov A.B., Baldin E.M. *Analiz dannykh s R* [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.soc.univ.kiev.ua/sites/default/files/course/materials/r1.pdf>
- Altman E. (1968). Financial ratios. Discriminant analysis, and the prediction of corporate bankruptcy. *Journal of Finance*, September.
- Altman E. (2005). *Corporate Financial Distress and Bankruptcy*, 3rd edition. John Wiley and Sons.
- Beaver W.H. (1996). Financial ratios as predictors of failure. *Journal of Accounting Research*. Vol. 4. Pp. 71–111.
- Bredart X. (2014). Bankruptcy Prediction Model Using Neural Networks. *Accounting and Finance Research*. Vol. 3(2). Pp. 124–128.
- Chesser D. (1974). Predicting loan noncompliance. *The Journal of Commercial Bank Lending*. P. 28–38.
- Eksi I. (2011). Classification of firm failure with classification and regression trees. *International Research Journal of Finance and Economics*. Vol. 76. Pp. 113–120.
- Falahpour S., Raie R. (2005). Application of support vector machine to predict financial distress using financial ratios. *Journal of Accounting and Auditing Studies*. Vol. 53. P. 7–34.
- Gorban A.N., Kegl B., Wunsch D., Zinovyev A.Y. (Eds.) (2007). *Principal Manifolds for Data Visualisation and Dimension Reduction*, Series: Lecture Notes in Computational Science and Engineering 58, Springer, Berlin — Heidelberg — New York, XXIV, 340 P. 82.

- Jarrow R.A., Turnbull S. (1995). Pricing derivatives on financial securities subject to credit risk. *Journal of Finance*. Vol. 50. P. 53—85.
- Jolliffe I.T. (2002). *Principal Component Analysis*, Series: Springer Series in Statistics, 2nd ed., Springer, NY, XXIX, 487 p.
- Korol T., Korodi A. (2011). An evaluation of effectiveness of fuzzy logic model in predicting the business bankruptcy. *Romanian Journal of Economic Forecasting*. № 3. P. 92—107.
- Merton R.C. (1974). On the pricing of corporate debt: the risk structure of interest rates. *Journal of Finance*. Vol. 29(2). P. 449—470.
- Ohlson J. (1980). Financial ratios and the probabilistic prediction of bankruptcy. *Journal of Accounting Research*. Vol. 18(1). P. 109—131.
- Wilson T. (1997). Portfolio Credit Risk: part I. *Risk Magazine*. 23, pp. 111—117.

Article history:

Received: 05 June 2017

Revised: 20 June 2017

Accepted: 30 June 2017

For citation:

Arinichev I.V., Bogdashev I.V. (2017) Estimation of bankruptcy risk of small business companies basing methods of machine learning. *RUDN Journal of Economics*, 25 (2), 242—254. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-242-254

Bio Note:

Arinichev I.V. Cand. Ec. Sci., Associate Professor, Department of Theoretical Economy, Kuban State University. *Contact information:* e-mail: iarinichev@gmail.com

Bogdashev I.V. Cand. Ec. Sci., Associate Professor, Department of Theoretical Economy, Kuban State University. *Contact information:* e-mail: ibogdashev@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-2-255-262

УДК 35.087.44

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ ИСЛАМСКИХ СТРАХОВЫХ КОМПАНИЙ РЕЙТИНГОВЫМИ АГЕНТСТВАМИ

М.А. Чапанова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Мировой рынок исламского страхования показывает стабильный рост и развитие. В 2015 году объем мирового такафула вырос на 5% и достиг отметки в 23,3 млрд долл. США. По сравнению с 2006 годом, когда объем такафула составлял около 5 млрд долл. США, он увеличился на 20 млрд. Однако являясь довольно молодой отраслью в финансовой системе, сфера такафула имеет множество нерешенных на данный момент нормативно-правовых вопросов. Автор статьи описывает структуру такафула и принципы его деятельности. В статье рассматривается методология оценки кредитоспособности исламских страховых компаний, различные подходы рейтинговых агентств к вопросам оценки. Указаны пути совершенствования способов оценки кредитоспособности такафул-компаний.

Ключевые слова: исламское страхование, такафул, кредитоспособность, рейтинговые агентства

Введение

По мере развития исламского финансового сектора все более востребованным становилось создание альтернативы традиционному типу страхования. При этом исламская модель страхования должна соответствовать нормам мусульманского права. В конце XX века появилось такое понятие как «такафул». Данный термин чаще всего применяется в качестве обозначения исламского страхования, однако данные понятия не являются полностью тождественными, так как, по сути, говоря о такафуле, подразумевается не оригинальный страховой продукт, а альтернативная система страхования.

Как и любая финансовая организация, такафул-компании нуждаются в комплексной и качественной оценке ее кредитоспособности для эффективного конкурентирования с обычными страховыми компаниями. Однако ввиду своеобразных структурных особенностей такафул-компаний методология оценивания их кредитоспособности отличается от оценок традиционных страховых компаний. Рейтинговые агентства имеют разные подходы к вопросам оценки такафул-компаний; также эти подходы отличаются по ключевым факторам оценки.

Методы и материалы

При проведении исследования были использованы основные общенаучные методы и принципы познания. Среди них применялись системный, структурно-

функциональный метод, метод экспертных оценок и др., метод синтеза практических и теоретических данных.

Теоретическую основу работы составляют работы отечественных и зарубежных авторов.

В своем учебнике «Основы страховой деятельности» Грищенко Н.Б. выделяет основные этапы анализа финансовой устойчивости страховой организации, среди них: 1) определение цели; 2) определение методов, методик, применяемых при анализе финансовой устойчивости страховой компании; <...>; 3) выбор показателей, характеризующих финансовую устойчивость страховой организации (Грищенко Н.Б., 2001). Данный алгоритм можно применить и к оценке кредитоспособности исламских страховых компаний. Однако фундаментальные отличия структуры такаул-компаний накладывает определенную специфику в вопросах определения финансовой устойчивости.

Динамика развития мирового рынка исламских финансов и такаула проанализированы в работах Айдрус И.А. Среди российских авторов, наиболее полно теоретические и практические положения исламского страхования рассмотрены в трудах Беккина Р.И. (Беккин Р.И., 2001). В книге «Исламское страхование» Беккина подробно описаны виды такаула, модели управления такаул-фондом, а также вопросы ретакаула (Беккин Р.И., 2010).

Среди зарубежных авторов, вопросы по кредитоспособности исламских страховых компаний и оценки их финансовой устойчивости отражены в работе Арчера С. «Такаул. Исламское страхование. Концепция и вопросы нормативно-правового регулирования» (Archer S, Karim R.A.A, Nienhaus V., 2009), а также работа Кевина Уиллиса «Применение страховых кредитных рейтингов к такаул-компаниям», являющегося одним из руководителей в рейтинговом агентстве Standard & Poor's.

В работе были использованы отчетные данные с сайтов таких компаний, как Ernst&Young, а также информационно-аналитического сайта deloitte.com

Оценка кредитоспособности страховой компании

Суть оценки кредитоспособности компании показывает ее способность выполнять свои финансовые обязательства и отражает степень риска в виде рейтинговых оценок.

Первое, что следует отметить в описании процессов оценки кредитоспособности, это ее два основных процессуальных типа: публичная информация и интерактивный подход. Некоторые рейтинговые агентства базируются на анализе общедоступной информации, такой как различные доклады, бухгалтерские отчеты, сообщения прессы и др. Такой вид называется оценкой по публичной информации (PI) и всегда помечается таким образом. Этот процесс обусловлен спросом со стороны брокерского сообщества и обычно не применяется к новым компаниям, у которых нет информации сроком 3—5-летней давности.

Интерактивный подход имеет преимущество в том, что он позволяет непосредственно взаимодействовать с руководством оцениваемой компании и том, что такие встречи предоставляют доступ к более качественной, конфиденциальной информации.

«Контроль качества» для справедливости и согласованности двух рейтинговых источников — публичной информации и интерактивного метода — обеспечивают рейтинговые комитеты (Грищенко Н.Б., 2001).

В результате комплексной оценки, включающей сильные и слабые стороны компании, соответствующие регулирующие факторы, результаты отображаются в Отчете о кредитном анализе, публикуемом на Интернет-ресурсе агентства.

Основные группы показателей, используемых при определении рейтинга надежности страховой компании, следующие:

— положение компании на страховом рынке, менеджмент, корпоративное управление компанией;

— финансовая устойчивость компании;

— эффективность страхового бизнеса.

В первую группу включают показатели, показывающие размер активов компании, динамику развития, размеры капиталов, профессионализм и работа топ-менеджмента, организация системы риск-менеджмента и др.

При оценке финансовой устойчивости компании анализируются достаточность капитала, рентабельность активов, доходность и ликвидность инвестиционных вложений. Последняя группа включает в себя анализ клиентской базы компании, ее страхового портфеля, эффективности перестраховочной защищенности и др.

Особенности оценивания такафул-компаний

Принципиальное отличие такафула от традиционного страхования заключается в том, что страховая компания, по своей сути, выполняет функции управляющей компании, уполномоченной размещать средства участников в определенные активы. Средства, получаемые участниками такафул-компаний основываются не на процентах, а на прибыли, получаемой от размещения средств страхового фонда (Sabbagh A.M., 2012).

Чаще всего такафул-компания имеет двухуровневую структуру. Она состоит из коммерческой управляющей компании — такафул-оператора и отдельного такафул-фонда, страхового пула. Данная структура необходима для того, чтобы между страхователями и страховщиком отсутствовал элемент ростовщических отношений, запрещенных с точки зрения шариатских норм. В такафуле страхователи выполняют роль владельцев капитала, а страховщик — управляющего данным капиталом (мударибом) (Беккин Р.И., 2010). Участники такафула сами обеспечивают совместное страховое покрытие средств из принадлежащего им фонда, а такафул-оператор только лишь управляет андеррайтингом и инвестированием от лица страхователей.

Деятельность такафул-фирм оценивают многие международные рейтинговые агентства, такие как Moody's, S&P, Fitch Ratings и др. На сайтах рейтинговых компаний опубликована информация, отражающая методологию их оценивания кредитоспособности такафул-компаний и отличия от оценки обычных страховых компаний.

Компания Fitch основывает свой подход к оценке кредитоспособности на значимых характеристиках такафул-фирм, так как в случае исламского страхования существует множество изменений в юридической и деловой моделях.

Обзор страховой компании агентством Fitch Ratings подразделяется на следующие пункты:

- обзор конкурентоспособности компании и уровень конкуренции в определенных секторах;
- оценка финансовой мощности и гибкости компании;
- анализ экспертизы андеррайтинга, способности к распределению прибыли, административные и технологические возможности компании;
- обзор управления — эффективное управление команды положительно рассматривается с точки зрения кредитной оценки;
- эффективность корпоративного управления;
- финансовый обзор, включающий в себя качество андеррайтинга, доходность, финансовую гибкость и достаточность страхового покрытия собственными средствами (Archer S, Karim R.A.A, Nienhaus V., 2009). Для правильной оценки такафул-компании необходимо знать метод распределения прибыли между страхователями и такафул-оператором. Наиболее распространенная модель *вакала*. В модели вакала все отношения между участниками и такафул-оператором основаны на агентском контракте; такафул-оператор является вакилем (араб. — «агент»), действующий от имени участников как в приеме на страхование, так и в инвестиционной деятельности страховой компании. В контракте мударибе оба участника такафул-компании делят прибыль, которую получают от вложения капитала (Беккин Р.И., 2001).

Рейтинговые агентства оценивают данные виды платы для более ясного определения конкурентоспособности и долгосрочности действий компании.

Агентства рассматривают степени согласованности поощрительных средств между страхователями и такафул-оператором. Использование метода вакала может спровоцировать такафул-оператора сосредоточиться на увеличении размера вознаграждения в ущерб другим важным факторам, как качество бизнеса и др. (Willis K., 2007).

Fitch Ratings считают наиболее ключевой областью в сфере такафула нормативно-правовую базу. Используемая в такафуле правовая система в большей мере зависит от юрисдикции: включены ли законы Шариата в систему управления страной, как в Саудовской Аравии, Судане. Или как в немусульманских странах, таких как Великобритания, шариат не имеет роли в правовой системе государства (Айдрус И.А., Шкваря Л.В., 2010).

Религиозные запреты, которым такафул-компании обязаны следовать, препятствуют их операционной гибкости и, безусловно, налагают дополнительное давление со стороны корпоративного правления, так как компании необходимо разрабатывать услуги и продукты, одобренные Шариатским Советом. При этом такафул-компании вынуждены функционировать в той же нормативно-правовой среде, что и остальные страховые компании.

Рейтинговая компания Standard & Poor's усовершенствовала техники, используемые для мониторинга любых ситуаций, которые могут возникнуть в процессе управления рисками компании. Оценка качества управления указанной рейтинговой компанией включает в себя оценку культуры управления рисками, контроль

рисков, управление рисками недостаточности капитала, управление стратегическим риском (Swartz N.P., Coetzer P., 2010).

В традиционном страховании, поддержка капитала происходит за счет удерживания прибыли, а также кратко- и долгосрочного роста капитала. Из-за особенностей беспроцентного договора кард-аль-хасан, в рамках такафул-операций, акционеры обязаны поддерживать любой дефицит в андеррайтинговом пуле страховщиков.

Тем не менее, такафул-компании имеют доступ к схожим методам по увеличению капитала, таким как дополнительные требования к участникам, в зависимости от структуры предприятия.

По причине необходимости действовать в соответствии с принципами Шариа, такафул-компаниям приходится применять техники по разделению риска совместно с компаниями, работающими по схожей схеме. Ретакафул, т.е. перестрахование — часть этого решения, и при растущем количестве ретакафул-компаний, данное требование в исламском страховании является преимуществом для их конкурентной позиции. Ретакафул возможно использовать для диверсификация портфеля риска такафул-компаний по различным носителям рисков. Также он есть эффективная замена капитала компании. Развитие отрасли исламского перестрахования в финансовом отношении необходимо для полноценной и устойчивой динамике становления отрасли такафула (Грищенко Н.Б., 2001). Одним из важных моментов, необходимых для решения проблемы оценки такафул-компаний, — вопрос о достаточности капитала компании или о ее платежеспособности. Как уже отмечалось ранее, среди экономических критериев, используемых для присвоения рейтинга страховой компании, служит анализ достаточности его капитала. В случае такафул-компаний чаще использовались методы оценки платежеспособности, разработанные с учетом деятельности традиционных страховых организаций. Сама суть анализа платежеспособности заключается в сравнении капиталов учреждений с требуемой минимальной суммой (Soualhi Y., Al Razni, Al Shammari A., 2015). Для того, чтобы сохранить высокий рейтинг, такафул-компаниям необходимо держать более высокий уровень капитала, чем того требуют регулирующие органы.

Ввиду того, что процесс перехода на новую систему стандартов по уровню достаточности капитала страховых компаний Solvency II еще продолжается, и основное внимание сфокусировано на странах Запада, то соответственно в юрисдикциях, в которых применяется такафул, требования к платежеспособности остаются относительно простыми¹.

Повышение прозрачности финансовой отчетности такафул-компаний есть необходимое условие их устойчивого роста и укрепления общественной поддержки данного сектора. Это может быть достигнуто путем раскрытия большего количества финансовой информации для заинтересованных сторон. Рейтинг компании напрямую зависит от степени доступности финансовых показателей компании. Надежные правила корпоративного управления организацией, а также

¹ meglobaladvisors.com — Finance Forward World Takaful Report 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://meglobaladvisors.com/insights/> (дата обращения: 10.02.17).

рыночная дисциплина должны обеспечить достаточный уровень раскрытия финансовой информации такафул-компаниями.

Заключение

В общем и целом, можно сказать, что перед рейтинговыми агентствами, как и перед такафул-компаниями стоит ряд вопросов, которые необходимо тщательно изучать и решать, для дальнейшего взаимодействия на оптимальном уровне. Основными аспектами такафула, которые недостаточно охвачены при формировании нормативно-правовой базы данной сферы, являются корпоративное управление, управление рисками на предприятии, достаточность капитала и платежеспособность предприятия, а также схема ведения бизнеса.

На Международной конференции по такафулу, прошедшей в Объединенных Арабских Эмиратах в 2016 году, было заявлено о перспективном развитии сектора исламского страхования в мире, а также в немусульманских странах. Ибрагим Убейд аз-Зааби, генеральный директор Центра страхования ОАЭ, заявил, что большое значение имеет надлежащее регулирование: «Следование нормативным требованиям — от регулирования внутренних систем до назначения внутренних аудиторов и актуариев к 2018 году — будет сложной задачей для индустрии страхования и такафула, однако приведет к ее росту и стабильности» (Fisher O.C., 2013).

Разработка соответствующей инфраструктуры регулирования для сферы исламского страхования — это сложный вызов для властей, в чьих юрисдикциях ведут свою деятельность такафул-компаниями. На данный момент Совет по исламским финансовым услугам (IFSB) разрабатывает ряд международных пруденциальных принципов для такафул-компаний, что в дальнейшем будет содействовать решению проблем по вопросам управления и платежеспособности, а также по вопросам ведения бизнеса¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айдрус И.А., Шкваря Л.В.* Инвестиционный потенциал арабских стран Персидского залива // Азия и Африка сегодня. 2010. № 7. С. 41—47.
- Беккин Р.И.* Страхование в мусульманском праве: теория и практика. М.: Изд-во Анкил, 2001.
- Беккин Р.И.* Исламская экономическая модель и современность. М.: Изд-во Марджани, 2010.
- Грищенко Н.Б.* Основы страховой деятельности: учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001.
- Archer S., Karim R.A.A., Nienhaus V.* Takaful Islamic Insurance: Concepts and Regulatory Issues. Singapore: John Wiley & Sons Pte. Ltd, 2009.
- Sabbagh A.M.* Islamic takaful insurance from jurists to applications. Amman: The Author, 2012.
- Soualhi Y., Al Razni, Al Shammari A.* Indicators of Takaful Awareness among Kuwaitis. Journal of Islamic Banking and Finance, 2015. Vol. 3.

¹ The global Takaful insurance market. Charting the road to mass markets [Электронный ресурс]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/lu/Documents/financial-advisory/1947_global-takaful-insurance-market_AAM.pdf (дата обращения: 07.02.2017).

Swartz N.P., Coetzer P. Takaful: An Islamic insurance instrument. *Journal of Development and Agricultural Economics*, 2010. Vol. 2(10).

Willis K. Applying insurance credit ratings to takaful companies. *ICMIF Takaful*, 2007. Vol. 9.

Fisher O.C. A takaful primer: basics of Islamic insurance. Dubai: Islamic finance gateway, 2013.

meglobaladvisors.com [internet]. Finance Forward World Takaful Report 2016. (дата обращения: 10.02.2017). URL: <http://meglobaladvisors.com/insights/>

ey.com [internet]. Global Takaful Insights 2014. Market updates. (дата обращения: 08.02.2017). URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY_Global_Takaful_Insights_2014/\\$FILE/EY-global-takaful-insights-2014.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY_Global_Takaful_Insights_2014/$FILE/EY-global-takaful-insights-2014.pdf)

deloitte.com [internet]. The global Takaful insurance market. Charting the road to mass markets. (дата обращения: 07.02.2017). URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/lu/Documents/financial-advisory/1947_global-takaful-insurance-market_AAM.pdf

© Чапанова М.А., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17 мая 2017

Дата принятия к печати: 19 июля 2017

Для цитирования:

Чапанова М.А. Особенности оценки кредитоспособности исламских страховых компаний рейтинговыми агентствами // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 2. С. 255—262. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-255-262

Сведения об авторе:

Чапанова Мадина Абдуловна, аспирант кафедры «Международные экономические отношения» Российского университета дружбы народов. Контактная информация: e-mail m_chapanova@mail.ru

FEATURES OF CREDIT RATING ASSESSMENT OF ISLAMIC INSURANCE COMPANIES BY RATING AGENCIES

M.A. Chapanova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The Global market of Islamic Insurance shows stable growth and development. In 2015 the volume of Global takaful market reached \$23.3 billion. In comparison with 2006 year when takaful sphere reached \$5 billion it increased for \$20 billion. However takaful sector has a lot of indeterminate regulatory questions because it's young branch of global finance. The article describes the takaful framework and the dynamics of its development. There is considering credit rating' assessment principles, rating agencies' different positions concerning credit rating' assessments. Also in the article considered methods of improvement credit rating assessments of takaful-companies.

Key words: Islamic Insurance, takaful, credit rating, rating agencies

REFERENCES

- Aidrus I.A., Shkvarya L.V. (2010). Investitsionnyi potentsial arabskikh stran Persidskogo zaliva. (Investment potential of the Gulf Arab countries). *Aziya i Afrika segodnya*. No. 7. Pp. 41—47 (In Russ)
- Bekkin R.I. (2001). *Strakhovanie v musul'manskom prave: teoriya i praktika*. Moscow: Izd-vo Ankil. (In Russ)
- Bekkin R.I. (2010). *Islamskaya ekonomicheskaya model' i sovremennost'*. Moscow: Izd-vo Mardzhani. (In Russ)
- Grishchenko N.B. (2001). *Osnovy strahovoj deyatel'nosti: Uchebnoe posobie*. Barnaul: Izd-vo Alt-un-ta (In Russ)
- Archer S., Karim R.A.A., Nienhaus V. (2009). *Takaful Islamic Insurance: Concepts and Regulatory Issues*. Singapore: John Wiley & Sons Pte. Ltd.
- Sabbagh A.M. (2012). *Islamic takaful insurance from jurisprudents to applications*. Amman: The Author.
- Soualhi Y., Al Razni, Al Shammari A. (2015). Indicators of Takaful Awareness among Kuwaitis. *Journal of Islamic Banking and Finance*. Vol. 3.
- Swartz N.P., Coetzer P. (2010). Takaful: An Islamic insurance instrument. *Journal of Development and Agricultural Economics*. Vol. 2(10).
- Willis K. (2007). Applying insurance credit ratings to takaful companies. *ICMIF Takaful*. Vol. 9.
- Fisher O.C. (2013). *A takaful primer: basics of Islamic insurance*. Dubai: Islamic finance gateway.
- meglobaladvisors.com [internet]. *Finance Forward World Takaful Report 2016*. (дата обращения: 10.02.2017). Доступ по ссылке: <http://meglobaladvisors.com/insights/>
- ey.com [internet]. *Global Takaful Insights 2014. Market updates*. (дата обращения: 08.02.2017). Доступ по ссылке: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY_Global_Takaful_Insights_2014/\\$FILE/EY-global-takaful-insights-2014.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY_Global_Takaful_Insights_2014/$FILE/EY-global-takaful-insights-2014.pdf)
- deloitte.com [internet]. *The global Takaful insurance market. Charting the road to mass markets*. (дата обращения: 07.02.2017). Доступ по ссылке: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/financial-advisory/1947_global-takaful-insurance-market_AAM.pdf

Article history:

Received: 17 May 2017

Revised: 22 June 2017

Accepted: 19 July 2017

For citation:

Chapanova M.A. (2017) Features of credit rating assessment of Islamic Insurance companies by rating agencies. *RUDN Journal of Economics*, 25 (2), 255—262. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-255-262

Bio Note:

Chapanova M.A. PhD student of the Department of International economic relationship at RUDN University. *Contact information:* e-mail m_chapanova@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-2-263-274

UDK 314.74

IMMIGRANT LABOUR IN BRAZIL (2007–2015): THE LEGAL AND THE UNDOCUMENTED CIRCUITS

P. Villen

University of Campinas (Unicamp — Brazil)
Barão Geraldo, Campinas — SP, Brazil, 13083-970

Abstract. This paper analyzes labor immigration to Brazil in a historical and modern aspect. The historical features of immigration processes are established, as well as the evolution of the state immigration policy in Brazil. It is established that the era of slavery played an important role in the formation of the Brazilian labor market. The importation of slaves from Africa continued even after independence was declared in 1822. The transition from slave labor to the wage labor occurred in the second half of the twentieth century. Subsequently, Brazil's immigration policy was based on a quota system to protect the domestic labor market and reduce unemployment among the local population. At the present stage, the policy of protecting the domestic labor market of Brazil is still conducted, on the basis of a selective approach. As a basic mechanism of regulation are working visas. It is revealed that as globalization processes develop, Brazil faces new challenges, including mass flows of undocumented immigrants from the less developed countries of Latin America. The impact of the global economic crisis on migration in Brazil has been revealed.

Key words: immigrant labour, Brazil, undocumented circuits

Introduction

Brazil has an old immigration history connected to the labour market dynamics. It begins in the Modern Ages with the massive importation of slave labour in Africa during the colonial period. The slave labour inflows have continued even after the country's independence (1822), particularly until 1850 (slavery trafficking abolition). This history included the international supply system of “coolies” during the second half of the XIXth century (Potts L., 1990). The period of transition from slavery to wage labour (second half of the nineteenth century until the early twentieth) illustrated what Castles & Miller (1993) have called the “age of migration”. Mostly Europeans and Japanese — but also other nationalities — immigrated either “spontaneously” or due to public and private funding in order to supply the wage labour market, in particular for the agricultural and the incipient industrial sectors.

The 1930s symbolizes the first borders “closure” to immigration in Brazil. This policy was justified to deal with the so-called causes of “unemployment”, “increased economic disorder” and “social insecurity” (Law n. 19.498 /1930; Carneiro M.T.C. *et al.*, 2010). Differently from what had characterized the history of immigration until this moment, for the first time the massive inflows of white free workers were restricted by a quota's system.

In later decades, despite the significant drop of the foreign population — from 5.11% in 1920 Census to 0.77% in the 1980's one (Bassanezi, 1995) — the same concern about national workers' "protection" was kept. In the 1980's the supposed neutral selective regime based on qualification-specialization was inaugurated with the Law n. 68.815/1980, the *Estatuto do Imigrante*, which is still valid (2016). Since then, the immigrant who is formally allowed to work in Brazil is the one who demonstrates not "threatening" the national worker, i.e. who proves to have a professional qualification or specialization that is required in Brazil.

This policy resulted in restricted inflows within the legalized immigration circuit (work visa), which are selected to some strategic sectors — often linked to foreign capital investments or to a shortage of professionals. In parallel, there are much wider population movements from peripheral countries, usually persons in vulnerable socioeconomic situation and undocumented. This trend is not new in Brazil, it dates at least from the 1960th (Villen P., 2015). Nevertheless, this article will show how it takes force after the beginning of the global crisis (2007) in Brazilian context.

Saskia Sassen's studies contribute for the understanding of this polarized configuration through a wider theoretical framework about the new international migration circuits in a global scale. Sassen (2014) reveals that these circuits are dynamic, multi-sited and strongly influenced by the transnational space of capital circulation and the policies that enable this system. According to this author, the international circulation of migrant workers reveals a trend for a polarized configuration that can be clearly seen in the so-called "global cities". In one hand, her researches indicate the high skilled workers flows directed to "strategic economic sectors" (Sassen 2011: 142). In the other hand, it shows the demand for workers from peripheral countries, particularly women who usually earn low wages in the black market and live in an undocumented situation.

The economy of services in the global cities explains the demand for workers with a high qualified technical knowledge and/or specialized in some particular sectors, i.e. the "leader economic sectors" (mainly TICs and financial services). This demand is supported by immigration policies through a bureaucratic selective process. However, this pole coexists with much larger international migrant flows that are obliged to face restrictive policies and are "never represented as part of the global economy" (Sassen, 2011). Despite that, these flows are linked to a demand for flexible, manual, low wage and low qualified jobs (Basso, 2010; Schierup, 2007; Dreher, 2007). The gender perspective is very necessary to investigate this pole of immigrant labour, because of its high share of women working in precarious jobs (Morokvasic, 2011; Lutz, 2007, Enrenreich & Hochschild, 2003).

This theoretical framework is very useful to discuss the new social basis of immigration in Brazil and its largest representation from peripheral countries (Latin America, Africa and Asia) — that are usually invisible in official statistics. The purpose of this article is to analyse the literature about international inflows to Brazil during the period 2007—2015, also considering the statistics by the Ministry of Labour and Employment concerning the visa regime and the gender and nationality shares. The interest for this period comes from the high economic growth and the dynamics of labour market in Brazil — which had interesting consequences over the immigration flows. The next two sections will present the general features of the manifestation of the two poles inflows in Brazil: i) The pole of the immigration for skilled and specialized labour; ii) The pole of the emergency peripherals. Some final remarks conclude the paper.

The pole of the immigration for skilled and specialized labour

The pole of the immigration for skilled and specialized labour is a very selective and bureaucratic circuit of legal immigration that has become more important in the last decade. The data concerning the work visas publicized by the Brazilian Ministry of Labour and Employment allows us to understand the main trends in this pole.

In Brazil this circuit is the only that can have visa work. It includes different professional categories as well as demanding sectors, several countries of origin and a low composition of women (except in the case of the physicians). These inflows are usually linked to transnational companies and to foreign capital investments. Nevertheless, some categories such as physicians, professors, researchers and the so called “global sea workers” (Zanin, 2007) have had an unprecedented increase in the last years. This pole has a high level of formal education and working age profile, generally with University degrees.

Table 1 leaves no doubt about the significant increase in the working visas from 2007 to 2008, when it rose from 29,488 to nearly 44,000, keeping its growing path in the following period, when it surpassed the 60,000 annual visas. After 2014, however, Brazil is under an economic crisis that is causing increasing unemployment rates and decreasing foreign direct investment in the country. Thus, the skilled and specialized immigration inflows also declined, as Table 1 shows.

Table 1

Work visas, Brazil (1993 to 2015)

Year	N.° of migrant workers	Year	N.° of migrant workers	Year	N.° of migrant workers
1993	5,376	2001	15,903	2009	42,914
1994	4,236	2002	18,062	2010	55,471
1995	3,792	2003	17,389	2011	69,077
1996	4,002	2004	20,315	2012	67,220
1997	7,090	2005	24,158	2013	62,387
1998	14,110	2006	25,440	2014	46,740
1999	12,709	2007	29,488	2015	36,868
2000	14,741	2008	43,993		

Source: Ministério do Trabalho e Emprego (Base Estatística — CNIg).

The international mobility of skilled/specialized professionals has a clear “gender bias” presented and discussed by many contemporary studies in several countries (e.g. Campani, 2011; Roulleau-Berger, 2010; Preston and D’Addario, 2009). According to Table 2, the percentage of work visas for women in Brazil has been fluctuating in a level slightly above 10%.

Table 2

Work visas by gender (2006–2015)

Year	Male	Female	Total	Year	Male	Female	Total
2006	23,608	1,832	25,440	2011	62,807	6,990	69,077
2007	26,471	3,017	29,488	2012	60,807	6,413	67,220
2008	39,551	4,442	43,993	2013	55,728	6,659	62,387
2009	39,119	3,795	42,914	2014	41,602	5,138	46,740
2010	35,493	3,564	39,057	2015	32,479	4,389	36,868

Source: Ministério do Trabalho e Emprego (Base Estatística — CNIg).

Table 3 indicates the Brazilian state policy concerning the working visa length: a temporary regime (which includes visas for 90 days, one year or two years) clearly predominates. It illustrates the “circulation” policy, a tendency that has been studied in many other countries regarding the usage of temporary regimes to manage the immigration flows — even the high skilled one (Martin *et. al.* 2006). Pizarro (2005) arguments that the global market of qualified human resources, regulated by the General Agreement on Trade in Services (Gats), do not include citizenship and residence rights. The Brazilian Ministry of Labour and Employment’s data reveals that the 90 days work visas (the shortest one) correspond to 30 to 45% of the temporary visas shedding light over the volatility of the migration inflows and outflows.

Table 3

Work visas by length (2006–2015)

	Permnent visa (5 years)	Temporay visa	Total		Permnent visa (5 years)	Temporay visa	Total
2006	2,055	23,385	25,440	2011	2,686	66,391	69,077
2007	2,615	26,873	29,488	2012	2,938	64,282	67,220
2008	2,722	41,271	43,993	2013	2,959	59,428	62,387
2009	2,454	40,460	42,914	2014	2,843	43,897	46,740
2010	2,247	53,224	55,471	2015	2,332	34,536	36,868

Source: Ministério do Trabalho e Emprego (Base Estatística — CNIg).

Table 4 highlights the nationality participation of work visas. The leading position is from central countries or from those with an “intermediate position” in the world market (India, China, South Korea). The Philippines and Indonesia represent exceptions that will be analysed below.

Table 4

Work visas by country of origin (2006–2014)

Country of origin	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
USA	3,601	4,519	5,799	5,590	7,520	10,098	9,138	8,943	5,830	5,519
Philippines	1,542	2,120	4,825	4,969	6,530	7,798	5,179	5,117	4,486	2,994
United Kingdom	2,199	2,474	3,874	3,496	3,828	2,500	4,363	4,089	3,296	2,610
India	766	1,292	1,981	2,630	3,234	4,262	4,235	3,756	2,663	2,251
Italy	1,099	1,382	1,413	1,395	2,006	2,421	2,999	2,688	2,545	1,954
Spain	655	878	1,133	1,104	1,425	1,844	1,992	2,677	2,229	1,210
Portugal	477	550	679	708	757	1,547	2,171	2,913	1,921	1,294
France	1,210	1,377	1,613	1,908	1,597	2,166	2,369	2,265	1,785	1,475
China	717	1,078	2,422	1,405	2,154	2,639	3,082	2,354	1,561	1,405
Germany	1,553	1,292	1,815	1,454	2,873	3,162	3,589	2,900	1,437	1,255
South Korea	253	126	203	214	897	1,440	2,311	1,461	1,429	1,936
Japan	1,278	1,244	1,804	1,237	1,761	2,260	2,316	2,024	1,352	1,296
Indonesia	126	267	1,356	1,700	1,819	2,682	2,306	2,253	1,130	325
Russia	435	495	680	539	578	919	842	863	765	854
Others	9,420	10,268	14,150	14,324	18,492	23,339	20,328	18,084	14,311	10,490
Total	25,331	29,362	43,747	42,673	55,471	69,077	67,220	62,387	46,740	36,868

Source: Ministério do Trabalho e Emprego (Base Estatística — CNIg).

The oil industry is the most important branch of migrant labour attraction. This industry has expanded over the past two decades in Brazil, achieving a particular attention at the global market after the discovery of the *Pré Sal* reserves. Although there are no studies about this subject, the increase of the so called “global sea workers” inflows in Brazil had already been noticed by a leading expert on this topic, the Italian sociologist Valter Zanin (2007). His study pointed out that Brazil in the last decade was emerging as a significant employer of this category. Table 5 shows the high labour migrant inflows directed to this sector.

Table 5

Temporary work visas (foreign ship or platform allowed to operate in Brazil)

Year	N. work visas	Year	N. work visas
2006	7,405	2011	17,738
2007	7,756	2012	15,554
2008	10,974	2013	15,229
2009	13,371	2014	14,931
2010	15,207	2015	10,625

Source: Ministério do Trabalho e Emprego (Base Estatística — CNIg).

Table 6 shows that the Philippines is by far the main supplier country of this migrant labour.

Table 6

Temporary work visa (foreign ship or platform allowed to operate in Brazil) by nationalities

Nationality	2011	2012	2013	2014	2015
Philippines	3,583	3,615	3,584	3,475	2,759
United Kingdom	1,814	1,486	1,692	1,530	1,034
India	1,432	1,278	1,110	981	1,075
USA	1,777	1,090	927	766	297
Poland	741	616	705	680	505
Ukraine	434	555	599	588	490
Norway	1,076	519	658	558	313
Greece	345	486	546	427	479
Russia	527	508	460	248	311
France	404	401	348	211	198
Others	5,605	5,401	4,600	5,467	3,164
Total	17,738	15,955	15,229	14,931	10,625

Source: Ministério do Trabalho e Emprego (Base Estatística — CNIg).

In the last four years, the migrant labour inflows directed to public health services and higher education system have had a significant grow. It denotes the participation of the Brazilian State as a direct consumer of the migrant labour. This fact is not completely new — considering the last two decades — but it used to be much more limited in numbers. There are significant changes after the implementation of the *Mais Médicos Program* as well as the increasing recruitment of Professors and researchers by public Universities (State and Federal ones).

Concerning *Mais Médico Program*, from 2013 to 2014, 12,165 foreign physicians were recruited to work in 2,177 municipalities of Brazil. The contract is temporary (three years

renewable once, for the same period). The mainly nationality participation was of Cubans, 11,452 (6,676 women and 4,776 men), followed by Venezuelans (151), Argentinians (145), Uruguayans (66) and Bolivians (72). Spanish (54) and Portuguese (24) are the main representative nationalities from central countries. As a whole, the program involves professionals from 49 different nationalities. In a countertrend of the typical gender imbalance of this pole, women physicians exceed men — respectively 6,974 and 5,191.

The Brazilian public University is also an important insertion sector for immigrants with high qualification profile. Before the crises manifestation in Brazil (2014), there were several public policies (scholarships and exchange programs) being implemented, particularly for the hard sciences and technologies areas. Data from the Ministry of Education show that the number of foreign Professors in Brazilian Universities is slightly above 4,000. In 2013, the mainly representative countries of origin are Argentine (12,9%), Peru (12,8%), Portugal (7,9%), Italy (5,9%), Chile (5,85%).

The pole of the emergency peripherals

This section will analyse the social basis of immigration that is not fully visible in the official statistics, despite it constitutes the most important trend of the inflows to Brazil in the last four decades. It refers to immigrants and asylum seekers from peripheral countries that usually arrive through border flows, intraregional flows (Mercosul) and the undocumented circuit. In Brazil, the inflows from peripheral countries started increasing mainly in the end of the 1960s, in particular with the Korean and Bolivian inflows to S o Paulo city directed to textile activities (Silva, 2008). In the twenty-first century, these inflows start to include different nationalities of immigrants and asylum seekers, mainly from Latin America, Africa and Asia (Baeninger, 2013).

The national policy to manage those inflows does not offer work visas. Actually, these inflows are officially presented as an emergency case in the Brazilian immigration history. It means there is not a perennial (or a structured) policy to deal with this inflows, but only emergency policies. For these reason, there are usually no official and trustworthy data concerning these flows.

Many studies have pointed out how precarious is the working condition in the pull sectors which the emergency peripherals are directed, such as textile industry, meat slaughtering, construction, domestic work among others (Mamed, 2014; Silva, 2008). Although the existence of a high demand from these sectors, it do not formally represent a legal circuit for work visas. Concerning immigrant women, until now the textile industry is the most important pull sector, even if these women work in a variety categories of jobs, also the care and domestic work.

In fact, the “peripherals at the periphery” (Villen, 2015) denote a specific way to migrate from a peripheral country to another peripheral one that includes immigrants and asylum seekers. It means to migrate having almost no money (what engenders in many cases the situation of indebtedness) and using the undocumented circuit, sometimes passing by different countries before. Their economic vulnerability situation explains why they need to seek immediately an employment to survive and to help their family in the country of origin. Arriving in Brazil, these migrants continue to face difficult conditions of living and working, because of the low wages and precarious standard of labour in Brazil (Antunes, 2014). It reflects an exposure to exploration at work and in all spheres

of social life where their presence can be profitable for others — i.e. the entrepreneurs borders, the agencies that charge extremely high fees to send remittances, the landlords that require very high prices to rent residences or rooms to immigrants dividing only a few square meters (often unhealthy).

Moreover, these bad conditions of working and living in Brazil for peripheral immigrants and asylum seekers reflect a socio-economic and cultural marginality, produced and reproduced by several mechanisms, mainly by racism above all structured *by* and *at* work (Sayad, 1999; Basso, 2010; Perocco, 2011). For many of them, the asylum request and the humanitarian visa (special category of visa created to Haitians) are the only way to get a provisory regularization.

The data concerning the stock of peripheral nationalities are mixed with the old immigration in Brazil that is mainly composed by European countries. Table 7 reflects the clearly underestimated stock of foreigners from peripheral countries — Demographic Census (2010) — in São Paulo state that is the main inflows direction during the last decades.

Table 7

Stock of foreigners in the state of São Paulo, Census IBGE (2010)

Nationality	2010	Nationality	2010	Nationality	2010
Portuguese	53,414	South Korean	6,457	French	2,437
Japonesese	23,904	German	4,494	English	2,198
Bolivian	22,658	African	4,349	Colombians	1,518
Italian	15,388	Paraguayan	4,226	British	1,025
Spanish	13,990	Peruvian	4,080	Mexican	1,015
Chinese	9,372	Libanese	3,397	Venezuelan	834
Chilean	7,438	American	3,567	Equatorian	519
Argentin	6,929	Uruguayn	2,480	Austrian	122
				Total	176,699

Source: Own elaboration based on the data of *Thematic Atlas of the Migration Observatory in São Paulo* (Baeninger, 2013).

Concerning the stock of foreigners in the whole country, the last Census (2010) reveals that 68.3% of this population were in working age, 60% were men and 42.5% had no (or less than for years of) formal education, 22.7% had high school degree and 23.1% had higher education degree.

The list of “extraordinary” regularized immigrants in Table 8 reveals the diversity of nationalities that did not receive the refugee status, but were settled into an “emergency” policy between 2011 and 2013.

In order to highlight the main trends of this pole of immigration, this article suggests a division into three groups, concerning the country of origin or the undocumented way to arrive in Brazil.

The *first group* refers to inflows from Mercosul (Argentina, Uruguay and Paraguay) and associated countries (Bolivia, Colombia, Chile and Venezuela). These intraregional inflows (especially from countries that have boarders with Brazil) are continuously in the Brazilian immigration scenario, particularly after the late 1960s. Actually, those inflows anticipate by far the *Asunción Agreement* (1991) establishing the Southern Common Market (Mercosul) and it’s residence Agreement (2009) for Mercosul citizens. Before

this agreement, those inflows were largely undocumented. However, the immigrants from those countries still have to face a very bureaucratic system. Actually, they are not protected of the undocumented situation. These inflows are predominantly directed to São Paulo city (Baenniger, 2013).

Table 8

Extraordinary regularization by nationality in Brazil (2011–2013)

Country of origine	N. immigrant/ asylum seekers	Country of origine	N. immigrant/ asylum seekers	Country of origine	N. immigrant/ asylum seekers
Bangladesh	2,040	Angola	78	Ecuador	21
Senegal	989	R. D. Congo	63	Egyte	16
Guinea-Bissau	221	Nigéria	52	Gambia	15
Ghana	194	Colombia	48	Guinea-Conacri	15
Pakistan	146	Nepal	40	China	11
Somalia	141	India	39	Others	69
Rep. Dominicana	133	Serra Leoa	26	Total	4,481
Cuba	100	Burkina Faso	24		

Source: Conselho Nacional de Imigração (2014).

The *second group* refers to the massive inflows of Haitians that are new in Brazilian immigration history. It began to emerge in 2011, after the earthquake that devastated that island in 2010. According to the data provided by *Dutra et al.* (2014: 51), based on the analysis of the RAIS (Brazilian formal labour market data), between 2011 and 2013 the presence of Haitians in formal labour market increased from 814 people (726 men and 88 women) in 2011 to 4,117 (3,606 men and 511 women) in 2012, reaching 14,579 workers in 2013 (12,518 men and 2,061 women).

Thus, in just four years, these inflows which began in hundreds of people multiplied into thousands. It is a real exodus that takes away from Haiti mainly men in working age, but also women, teenagers, children and elder people, according to the notes about sociological profile of Haitian immigrants arriving in undocumented situation in Acre, Northern state in Brazil (Mamed, 2014). The unofficial data estimates the presence of 50,000 Haitians in Brazil in 2014. The humanitarian visa is a special and emergency regime that Brazilian state has used to regularize these inflows. In addition to the annual quota of 1,200 humanitarian visas granted in the Brazilian Embassy in Haiti, these inflows have taken the dimension of an undocumented mass.

Several media reports have documented the emergency way in which most of these inflows arrive in Brazil, usually crossing borders in the North of the countries (Amazonic Forest), after having made a long and risky trip intermediated by network agencies, often passing through different countries (Dominican Republic, Panama, Colombia, Ecuador, Peru, Bolivia) and paying high prices to the “coyotes”.

The *third group* consists of asylum-seekers. According to CONARE (National Committee for refugees), in 2016 there were the stocks of eight thousand refugees in Brazil from 79 different nationalities. The leading nationalities position are Syrian (2,298), Angolan (1,420), Colombian (1,100) and Congolese (968), Palestinian (376). Among refugee stocks, 71,8% are male mostly (78,8%) of 18–59 age (Conare, 2016). Concerning

the asylum request stocks, the top nationalities are from Haiti (48,371), Senegal (7,206), Syria (3,460), Bangladesh (3,287), Angola (2,281), Congo (2,167), Gana (2,166), Libano (1,749) and Venezuela (1,525). Among the asylum request stocks, 80, 8% are male mostly (95%) of 18–59 age (Conare, 2016). The Figure points out an increase of asylum seekers inflows. It also highlights that the number of applications (which are still not analysed) is higher than the accepted ones, i.e. those asylum seekers can easily became undocumented.

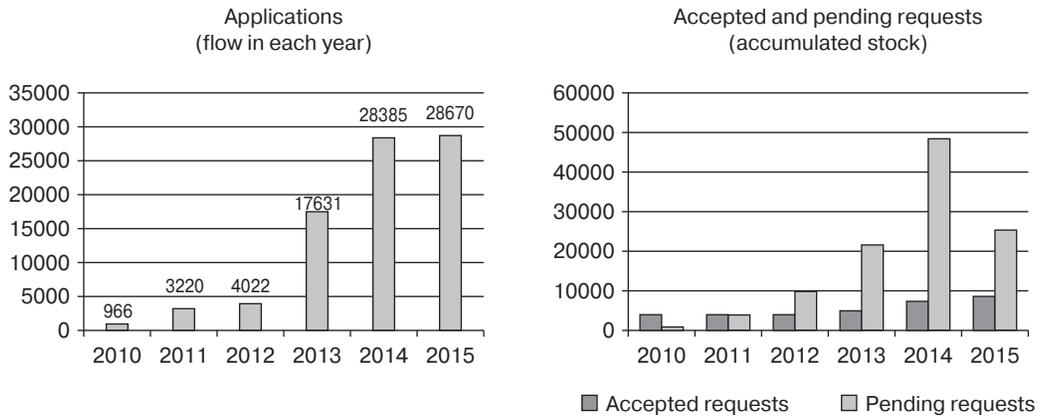

Figure. Asylum-seekers in Brazil (2010–2015) — accepted and pending requests
 Source: Conare (2016)

Conclusion

The trends analysed in this article about the current Brazilian immigration context are not separated from the migration dynamics on the global scale, particularly in Latin America. The labour market and the restrictive policies regarding the international population movements by national States are decisive factors to understand this polarized configuration.

Today the immigrant labour in Brazil is not as significant as it has been in the past or as compared to the rates of central countries and other regions of the Middle East. It has therefore low impacts in Brazilian labour market. Nevertheless, this “low percentage” does not justify the marginalization of this issue. Analysers must be careful to do not fall into the traps of the official statistics, in particular those related to the integration of immigrants/asylum seekers in the labour market which underestimate or leave in the shadow a significant part of this social reality.

In fact, the theoretical framework of the polarized configuration highlights that immigration in Brazil is far from being a marginal issue and involves a variety of nationalities, mainly from peripheral countries. It covers a complexity of occupational categories and working conditions in public and private branch of economic activity. This analytical perspective is also useful to reveal the inflows elected to appear in the official statistics as selected skilled or specialized inflows as well as its limits to comprehend the reality of immigration in Brazil.

The current economic and political crisis in Brazil is already resulting in a decreasing trend of these inflows considering both poles of immigration. Nevertheless, the history of immigration in Brazil shows that the immigrant labour force has been a structural factor of labour market dynamic.

REFERENCIAS

- Antunes R. (Org.) (2014). *Riqueza e miséria do trabalho no Brasil II*, São Paulo: Boitempo.
- Baeninger R. (Org.) (2013). *Altas Temático: Observatório das Migrações em São Paulo*. Campinas: NEPO/UNICAMP.
- Estrangeiros autorizados a trabalhar no Brasil. In: CENTRO DE GESTÃO E ESTUDOS ESTRATÉGICOS, *Doutores 2010: Estudos da demografia da base técnico-científica brasileira*. Brasília: CGEE, 2010.
- Bassanezi M.S.C.B. (1995). Imigrações internacionais no Brasil: um panorama histórico. In: Patarra N. (Org.). *Emigração e Imigração Internacionais no Brasil Contemporâneo*. São Paulo: FNUP
- Basso P. (2011). L'ascesa del razzismo nella crisi globale. In: BASSO, Pietro (Org.). *Razzismo di stato: Stati Uniti, Europa, Italia*. Milano: FrancoAngeli,
- Campani G. (2011). Les femmes immigrées dans une société bloquée: parcours individuels et organisations collectives en Italie. Cahiers du Genre. No. 51. P. 49—67.
- Carneiro M.T.C. et al. (Org.) (2010). *História do Trabalho e Histórias da Imigração*. São Paulo: Edusp,
- Castles S., Miller M.J. (1993). *The age of migration: international population movements in the modern world*. London/New York: MacMillan Press.
- Comitê nacional para os refugiados. *Sistema de refúgio brasileiro. Desafios e perspectivas*. Ministério da Justiça, 2016.
- Dreher S. *Neoliberalism and Migration: An Inquiry into the politics of globalization*. Hamburg: LIT Verlag, 2007.
- Ehrenreich B., Hochschild A.R., *Global Woman. Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy*. New York: Metropolitan Books, 2003.
- Lutz H. The 'intimate others': Migrant Domestic Workers in Europe. In: Berggren E.; Likić-brborić B.; Toksoz G.; Trimikliniotis N. *Irregular Migration, Informal Labour and Community: A Challenge for Europe*. Maastricht: Shaker, 2007.
- Mackay S. The commonalities of experience: refugees and recent migrants. In: Mackay S. (Org.) *Refugees, Recent Migrants and Employment: Challenging Barriers and Exploring Pathways*. New York&London: Routledge, 2008.
- Mamed L. Trabalho e migração: o recrutamento de haitianos na Amazônia pela agroindústria da carne do centro-sul brasileiro. IX Seminário do Trabalho, Marília, 2014.
- Martin P., Manolo A., Kuptdch C. *Managing Labour Migration in the Twenty-first Century*, New Haven: Yale University, 2006.
- Ministério do trabalho e emprego. *Base estatística geral das autorizações de trabalho concedidas a estrangeiros*, atualizada até 2015.
- Morokvasic M. L' (in)visibilité continue. Cahiers du Genre, n. 51, Paris, 2011, p. 25-47.
- Perocco F. Le discriminazioni razziali nel lavoro: un fenomeno sistematico e multidimensionale. In: Ferrero M.; Perocco F. (Orgs.). *Razzismo al lavoro: il sistema della discriminazione sul lavoro, la cornice giuridica e gli strumenti di tutela*. Milano: Franco Angeli, 2011.
- Pizarro J.M. *Globalizados, pero restringidos: una visión latino-americana del mercado mundial de recursos humanos calificados*. CELADE: Santiago, 2005.
- Potts L. *The World Labour Market: a history of migration*. London: Zed Books, 1990.
- Preston V., D'Addario S. Recent Migrants in the Canadian Labour Market: Exploring the Impacts of Gender and Racialisation. In: Mackay S. (Org.) *Refugees, Recent Migrants and Employment: Challenging Barriers and Exploring Pathways*. New York&London: Routledge, 2008.
- Rouleau-Berger L. *Migrer au féminin*. Paris: PUF, 2010.

- Sassen S. *Brutality and Complexity in the Global Economy*. Cambridge, Massachusetts: Harvard, 2014.
- Dos enclaves en las geografías globales contemporáneas del trabajo. In: Aragonés A.M. (Org.). *Mercados de Trabajo y migración internacional*. México, D.F.: UNAM, Instituto de Investigaciones Económicas, 2011.
- Sayad A. *La double absence: des illusions de l'émigré aux souffrances de l'immigré*. Paris: Seul, 1999.
- Schierup C.-U. 'Bloody Subcontracting' in the Network Society: Migration and Post-Fordist Restructuring across European Union. In: Berggren E.; Likic-brboric B.; Toksoz G.; Trimikliniotis N. *Irregular Migration, Informal Labour and Community: A Challenge for Europe*. Maastricht: Shaker, 2007.
- Silva C.F. Trabalho informal e redes de subcontratação: dinâmicas urbanas da indústria de confecções em São Paulo, Dissertação (Mestrado), Universidade de São Paulo, São Paulo, 2008.
- Villen P. O estigma da ameaça ao emprego pelos 'periféricos na periferia': crise e imigração no Brasil, Rua. 2015. V. II. P. 247–264.
- Imigração na modernização dependente: “braços civilizatórios e a atual configuração polarizada”. Tese de Doutorado — Universidade Estadual de Campinas, 2015.
- A nova configuração da imigração no Brasil sob a ótica do trabalho. In: Antunes R. (Org.). *Riqueza e miséria do trabalho no Brasil III*, São Paulo: Boitempo, 2014.
- Zanin V. *I forzati del mare*. Roma: Carocci, 2007.
- Many countries have used this Asian forced labour system during this period, despite of the restrictive policies — based on racist arguments — forbidding it. Brazil is an example.
- The analyse of this polarized configuration in Brazil is not based on the immigrant skill — considered individually — but on the legal or undocumented way of entry in the country and its relation with the immigrant insertion in the Brazilian labour market. It do not suggest a dichotomy model, but an analytical perspective that allows to investigate the different inflows and in its relation to labour market. See (Villen, 2014).
- See also Baeninger (2010).
- The Pré-Sal reserves are huge oil reserves discovered on the submerged lands of the Brazilian Atlantic coast.
- Through the *Mais Médicos Program*, the Brazilian government recruits physicians from other countries to reduce the shortage of this service in the public sector — mainly in some regions of the country. This policy was implemented in 2013. For details, see Villen (2015).

© P. Villen, 2017

Article history:

Received: 28 May 2017

Revised: 05 June 2017

Accepted: 23 June 2017

For citation:

Villen P. (2017) Immigrant labour in Brazil (2007–2015): the legal and the undocumented circuits. *RUDN Journal of Economics*, 25 (2), 263–274. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-263-274

Bio Note:

Patricia Villen, Professor, Social Science Institute of Federal University of Uberlândia (Ufu — Brazil) and researcher, University of Campinas (Unicamp — Brazil). *Contact information*: e-mail: villenpatricia@gmail.com

ТРУД ИММИГРАНТОВ В БРАЗИЛИИ (2007—2015): ЗАКОННЫЕ И НЕЗАКОННЫЕ СХЕМЫ

П. Виллен

Университет Кампинаса

Барао Джеральдо, Кампинас — СП, Бразилия, 13083-970

Статья анализирует трудовую иммиграцию в Бразилию в историческом и современном аспекте. Установлены исторические особенности иммиграционных процессов, а также представлена эволюция государственной иммиграционной политики в Бразилии. Установлено, что на формирование рынка труда Бразилии большое значение оказала эпоха рабовладения. Ввоз рабов из Африки продолжался и после объявления независимости в 1822 году. Переход от рабского труда к наемному произошел во второй половине двадцатого столетия. В дальнейшем, иммиграционная политика Бразилии основывалась на системе квот, в целях защиты внутреннего рынка труда и снижения безработицы среди местного населения. На современном этапе, политика защиты внутреннего рынка труда Бразилии по-прежнему проводится на основе селективного подхода. В качестве основного механизма регулирования выступают рабочие визы. Выявлено, что по мере развития процессов глобализации, Бразилия сталкивается с новыми проблемами, среди которых массовые потоки недокументированных иммигрантов из менее развитых стран Латинской Америки. Выявлено влияние мирового экономического кризиса на миграционные процессы в Бразилии.

Ключевые слова: труд иммигрантов, Бразилия, незаконные схемы

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 мая 2017

Дата принятия к печати: 23 июня 2017

Для цитирования:

Виллен П. Труд иммигрантов в Бразилии (2007—2015): законные и незаконные схемы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика.* 2017. Т. 25. № 2. С. 263—274. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-263-274

Сведения об авторе:

П. Виллен, профессор, Институт социальных наук Федерального университета Уберландии; исследователь, Университет Кампинас. *Контактная информация:* e-mail: villenpatricia@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-2-275-282

УДК 331.556.4

LABOR MIGRATION FLOWS FROM VIETNAM TO THAILAND IN THE CONTEXT OF ASEAN REGIONAL INTEGRATION

Nguyen Tuan Anh

Institute for Southeast Asian Studies, Vietnam Academy of Social Sciences
No. 1 – Lieu Giai, Ba Dinh Dist., Ha Noi, Vietnam

Abstract. International migration has been always an important and compound issue by virtue of it closely relates to various facets from political, social and economic development for regions and countries. In ASEAN, international migration has been always defined as one of the fundamental features in ASEAN's development transition (Chantavanich, Ito, and Middleton 2013). Over the last decades, the region's economies have achieved significant and impressive growth, becoming one of the most dynamic economic performance regions in the world as well as has become more widely integrated into the regional and global economics¹. The rapid growth process has transformed fundamentally economic structure of many Southeast Asian countries with the greater contribution of industrial and service sectors instead of solely based on the agriculture sector over many centuries. The demand for skills in higher income countries in the region has grown, while there is a fall in birthrates with greying populations that causes an increasing shortage of labor such as Thailand. For the lower income ones, on the contrary, the youth populations are burgeoning, which lead to the unemployment and underemployment rate are dramatically increasing such as Vietnam and Philippines.

Key words: labor migration, Vietnam, Thailand, ASEAN, regional integration

Introduction

Cooperation in ASEAN has embarked on a deeper regional economic integration through the formal establishment of the ASEAN Economic Community (AEC) on December 31, 2015. It is expected to put ASEAN become (a) a single market and production base, (b) a highly competitive economic region, (c) a region of equitable economic development, and (d) a region fully integrated into the global economy. Specifically, it targets to free flows of goods, services, and skilled professionals². Theoretically, freer movement of skilled labor will help bridge the above mentioned labor gap in the region, fulfilling the shortage of labor in higher income countries, while creating more employment and skills development for lower skilled workers in lower income countries. This will be a win-win solution that benefits for all stakeholders, including governments at both destination and origin and workers. However, there is still a lot of

¹ With the population of over 622 million people, ASEAN as a region has become the third largest economy in Asia and the seventh in the global.

² See more: ASEAN Secretariat (2015), *A Blueprint for Growth: ASEAN Economic Community 2015: Progress and Key Achievements*, Jakarta.

misunderstanding about how the recent regional integration initiatives mean for migration flows at both the region and country level.

In ASEAN, Thailand has become one of the main destinations for migrants from other ASEAN's member countries, especially neighboring countries¹. It is also noted that there is a burgeoning increase in the number of Vietnamese migrant workers in Thailand over the last decade. Importantly, a large number of them are illegal workers who enter into Thailand as tourists. Economic reasons can be considered the primary reason for the movement. However, it seems that there is little concern about the significance of ASEAN regional cooperation for migration flow from Vietnam to Thailand over the years. This paper, thus, is expected to deal with the question.

Migration flows from Vietnam to Thailand: A Historical perspective

The migration flow from Vietnam to Thailand is not a new phenomenon, but has been occurring for many centuries ago. The first presence of Vietnamese people in Thailand (or Siam before 1939) can be traced back from the 13th century since the establishment of Sukhothai state (Thin, 2003). Later period, at the reign period of King Narai (1656—1658), there were evidences that Vietnamese working at public works at the outskirts of Ayutthaya. However, until to the mid-17 century in the reign period of King Phutthayotfa or Rama I (1737—1809), the presence of Vietnamese was recorded more clearly. Accordingly, under the Tay Son brothers' uprising, Nguyen Phuc Anh or Nguyen Anh, a nephew of the last Nguyen Lord who ruled over southern Vietnam, fled the country to seek protection from the King Rama I. He went along with 1,000 followers to Siam in the 1780s. Initially, they were allowed to stay at Ban Ton Samrong and Tambon Khok Krabuu, but later they were moved to Ban Yuan Samsen and Bangpho in Bangkok (Sripana, 2013). They can be considered the first group of Vietnamese refugees in Thailand. Presently, the descendants of them live in the districts of Sapharn Khao and Nang Lerng (Sripana, 2013; Varophas, 1966).

In the early 19th-century, there were Vietnamese Catholics who fled the country with the guidance of a French bishop due to the anti-Catholic movement policies of Emperor Ming Mang (1791—1841)². They came to settle in Thailand in 1827 and the descendants of the group can be found in Ban Yuan Samsen and Wat Kalawa in Bangkok (Varophas, 1966). However, due to the difference of religion, most of them still follow their religion belief and has become teachers at a Catholic school, namely St. Gabriel's College that run by French priest. There were also another group of Vietnamese Catholics who followed the French to come to Chanthaburee province in the 1894 as a part of French campaign to force Thailand to cede Lao territories to France. But, the Vietnamese did not go back Vietnam after the French returned the province to Thailand later (Varophas, 1966).

The next wave of Vietnamese flows into Thailand occurred trickling from the early 20 century to the Second World War. The movements stemmed from failures of rebellions against the colonial of the French in Vietnam. Siam at that time was also considered

¹ About 2.7 million migrants from Myanmar, Lao PDR and Cambodia are illegal migrant workers, making up more than 83 per cent of foreign migrant workers in Thailand (Huget, 2014).

² Emperor Ming Mang or Nguyen Phuc Dam, the second Emperor of the Nguyen Dynasty was well known by his adoration of Confucian values. Thus, he restricted the French involvement in Vietnam and isolated Catholic priests at that time.

anti-colonial base for generations of Vietnamese, particularly Phan Dinh Phung, Phan Boi Chau and then Ho Chi Minh (Sripana, 2013). Meanwhile, many Vietnamese left their hometown in Central Region in Vietnam, crossed through Lao borders and settled in Thailand provinces along the Mekong River, mainly in Nakhon Phanom. All the Vietnamese migrated into Thailand before 1937 had been acquired Thai citizenship automatically because of the absence of the immigration law at that time (Varophas, 1966).

After the Second World War, an influx of less than fifty thousand Vietnamese came to Thailand (Poole, 1967). The Vietnamese refugees decided to leave the country by various reasons, including both political and economic motivation (Varophas 1966). In 1950, Thai government adopted stricter measures that control the Vietnamese in Thailand. Accordingly, roughly 35,000 Vietnamese refugees were repatriated between 1960 and 1964. Besides, the remaining Vietnamese refugees were allowed to stay in specific Northeastern provinces¹. Many of the Vietnamese refugees resumed their previous occupations such as retail traders, shopkeepers and skilled work- men, such as carpenters, masons, mechanics, tailors, and electricians (Poole, 1967; Varophas, 1966). It is also noted that all the Vietnamese earned a much better living in Northeast Thailand than they could at their hometown (Poole, 1967).

It is, therefore, summary that the flows of Vietnamese people to Thailand has been occurring for centuries partly due to the geographic closeness between Vietnam and Thailand (or Siam before 1939). General speaking, the previous movements primarily stemmed from internal political issues.

The current pattern of migration flows from Vietnam to Thailand in the context of ASEAN regional cooperation

The current pattern of migration flows from Vietnam to Thailand has also shown dynamic and complex. It can be seen from the following characteristics:

Migration flows from Vietnam to Thailand include labor migration and student migration. Of which, labor migration is dominant. There has been no formal statistic existence on the number of Vietnamese migrants in Thailand since most of them are illegal workers who entry into Thailand as a tourist and then stay to work. An estimation shows that there was roughly 50,000 Vietnamese migrant workers for the period of 2012–2014². Meanwhile, there are about 1,100 Vietnamese students in Thailand (TMR 2014), and an insignificant number of people whom either work or doing business. Generally, labor migration can be considered the dominant trend in the current migration flows from Vietnam to Thailand.

In terms of migration reasons, the main motivation for Vietnamese migrants in Thailand is to get higher income and a better life (Walsh, 2011; SRIKHAM, 2012; Nguyen,

¹ Initially, the Ministry of Interior allowed the Vietnamese refugees to remain in only 12 provinces, including Nongkhai, Udon Thani, Sakon Nakhon, Nakhon Phanom, Roi Et, Maha Sarakham, Kalasin, Khon Kaen, Ubon Ratchathani, Sisaket, Surin, and Prachinburee. Then, the number of provinces were only five: Nakhon Phanom, Ubon Ratchathani, Nongkhai, Sakon Nakhon, and Prachinburee. See: (Varophas, 1966).

² The interview with Vietnamese Ambassador Nguyen Tat Thanh can be founded at <https://www.youtube.com/watch?v=x1dLK8fvkWM>

2016). Their main employment is garment work at tailor shops, waiters/waitress at restaurant, food stalls, or canteen, or salespersons at markets. Besides, there are also self-employed migrants who are mainly street vendors.

The current formation of the Vietnamese migrant workers in Thailand reflects partly the continuity of the pattern of the former Vietnamese migrants in Thailand. As mentioned before, a majority of the Vietnamese refugees in Thailand since the early 20 century came from the Central region (Varophas, 1966). In the study of Nguyen (2016), a majority of the Vietnamese migrants in Bangkok came from the same region. It can be partly explained by the Central region in Vietnam is defined one of the prone to natural disasters, particularly in flood, flash floods, and drought due to its attributes of geographic and sloping topography. The disadvantages affect the livelihoods of local people, which motivated them to migrate to other places over the time. More importantly, it is also implied that the current flows of Vietnamese migrants has facilitated by either former migrants or oversea Vietnamese in Thailand. Their social networks such as personal or community networks have played an important role in ensuring successful migration from Vietnam to Thailand. The mutual assistance can be seen in different forms including lending money, providing support in accommodation and job search, guiding them to learn Thai language, culture and customs as well as guiding them how to cope with arrest risks, etc. (Nguyen, 2016).

Since the establishment of ASEAN, regional cooperation has resulted in a greater economic integration that promotes freer flows of trade and investment among the ASEAN members. With the development of Vision 2020, the Hanoi Plan of Action, and the 2003 Plan of ASEAN Community, there has been several major initiatives and agreements that facilitate regional labor cooperation including: i) the ASEAN Framework Agreement on Services (AFAS) (Mode 4 on movement of natural persons and Mutual Recognition Agreements — MRAs for professionals in eight fields: accountancy, engineering, surveying, architecture, nursing, medical services, dental services and tourism); ii) ASEAN Framework Agreement on Visa Exemption which aims to exempt citizens of any other Member Countries holding valid national passports from visa requirement for a period of stay of up to 14 days from the date of entry¹; iii) The GMS Labor Migration Program²; and iv) The AEC integration plan (Toward an ASEAN labor market), etc. Notably, migration issues and rights of migrant workers should be also acknowledged by ASEAN leaders under the ASEAN Declaration on the Protection and Promotion of the Rights of Migrants Workers and the ASEAN Committee on Migrant Workers (ACMW)³. However, it is important to note that labor cooperation among ASEAN countries is not regulated by regional agreements, but bilateral agreements or cooperation between sending

¹ See more: http://asean.org/?static_post=asean-framework-agreement-on-visa-exemption-kuala-lumpur-25-july-2006-2

² The aim of the program were: (McLaughlin) improve knowledge about labor migration in the GMS focusing on the socio-economic impact of migration on sending and receiving countries; (2) heighten awareness about these issues and their significance for poverty reduction at the highest levels of policy making and (3) strengthen the capacity of governments and development partners to refine and implement a regional system to facilitate and regulate labor migration.

³ The Declaration was signed in 2007 in Cebu, the Philippines. In 2008, the first meeting of the ACMW was organized with emphasizing on four main issues: protection and promotion of the rights of migrant workers; promoting good governance mechanisms; human trafficking; and the development of a new ASEAN scheme for the rights of migrant workers.

and receiving countries. For Thailand, the government has made efforts in managing migrant workers in response to a dramatic increasing trend of illegal migration since the early 2000s. In particular, Thai authorities regularized irregular migrants from Myanmar, Lao, and Cambodia by signing MOUs on labor cooperation as well as by introducing regularization system with these governments¹. Recently, it can be seen that Thai and Vietnamese governments have put more efforts in enhancing labor cooperation. Although the issue has been discussed since 2008, achievements are just able to reach in the late 2014 through Prime Minister Prayut Chan-o-Cha's official visit to Vietnam². Accordingly, in July 2015, the Thai government also signed an MOU on labor cooperation with the Vietnamese government which is believed to pave the way for enhancing regular migration flows and economic benefits for both sides. Most recently, Thai government has also issued work permits for Vietnamese migrant workers who work in restaurants, construction and fishing industries and domestic services on December 2015³.

Viewing migration flows from Vietnam to Thailand under the context of ASEAN regional integration, it is clear that the freer flow of skilled labor is still restricted since the progress of MRAs has still been very slow. However, it is argued that the movement of natural persons and unskilled labor has been facilitated over the years. The fact is that entering into Thailand has become much easier since the visa exemption of ASEAN tourists came into effect. Before that time, there were very few migrant workers in Thailand because it took times and high cost for entering into the country. The migrants could not go alone during their journey, but used to ask a broker in assisting them to across borders and custom procedures. For now, Vietnamese migrants enter into Thailand as a tourist without assistance of a broker. Also, it is much easier for them to choose either bus or airplane to come to Thailand. According to Thai laws, they are required to leave the country after 30 days⁴. Thus, instead returning to Vietnam, they just need to leave the country at Cambodia or Laos border gates on the expired day and then make a reentry in order to continue to stay legally and work illegally in Thailand.

Conclusion

It is argued that the flows of Vietnamese people to Thailand is not a new phenomenon, but has been occurring for centuries partly due to the geographic closeness between two

¹ The Royal Thai government has already signed MOUs with its neighboring countries' government include Cambodia, Lao PDR, and Myanmar in 2002 and 2003, respectively. Although MOU has just been an informal mechanism that governments use as an executive agreement, it has still ensured the rights of migrant workers as well as the needs of labor shortage.

² See: Vietnam Online Television, Interview with the Vietnamese Ambassador Nguyen Tat Thanh, <https://www.youtube.com/watch?v=x1dLK8fvkWM>

³ Thailand's Ministry of Labor approved a resolution allowing Vietnamese migrants to register with authorities for the period of 1-30 December. According to the resolution, the Vietnamese migrants who had previously entered legally to Thailand before August 10, 2015 are allowed to work in the four sectors for one year in Thailand. Source: Embassy of the Socialist Republic of Vietnam in the Kingdom of Thailand Portal, <http://www.vietnambassy-thailand.org/vi/nr070521165843/nr070725012202/ns151130174127>

⁴ Under the tourist visa exemption scheme, Vietnamese nationals are allowed visit to Thailand without a visa with stay for a period of up to 30 days. Source: Department of Consular Affairs, <http://www.immigration.go.th/nov2004/doc/services.pdf>

countries. It is implied that the formation of the current labor migration flows have been strongly by the two governments' migration management policies and the long-standing social networks, not by the recent ASEAN regional cooperation. However, it is important to argue that the regional integration has facilitated and strengthen labor migration flows from Vietnam to Thailand by improving infrastructure system and custom procedures. The flows have contributed to fulfill the labor shortage in Thailand as well as to ease high unemployment and underemployment rate in Vietnam. Thus, while the free flow of skilled workers has still restricted due to the slow progress of MRAs, the contribution of unskilled migrant workers should not be forgotten. The two governments need to collaborate in preventing human trafficking, protection from exploitation, access to skills training, and welfare provisions for workers by enhancing labor cooperation through official channels.

REFERENCES

- Chalamwong, Yongyuth, and Raphaella Prugsamatz. 2009. "Labor Migration in Thailand: Recent Trends and Implications for Development." *TDR Quarterly Review*: 3—9.
- Chalamwong, Yongyuth. 2012. "Management of Cross-border Low-Skilled Workers in Thailand: An Update." *TDR Quarterly Review*: 12—20.
- Chantavanich, Supang, Michiko Ito, and Carl Middleton. 2013. On the move: Critical Migration themes in ASEAN, *On the Move: Crifical Migrafiion Themes in ASEAN*. Bangkok: International Organization for Migration and Asian Research Center for Migration, Chulalongkorn University.
- Huguet, Jerrold W, and Aphichat Chamratrithirong. 2011. "Thailand migration report 2011." *Bangkok: International Organization for Migration*.
- Huguet, Jerrold W. 2014. Thailand Migration Report. Bangkok, Thailand: IOM.
- Huguet, Jerrold W., and Sureeporn Punpuing. 2005. *International migration in Thailand*: International Organization for Migration, Regional Office Bangkok, Thailand.
- Nguyen. 2016. "The Socio-economic conditions of Vietnamese migrant workers in Bangkok, Thailand", MA Thesis, Chulalongkorn University.
- MOFA, Ministry of Foreign Affairs of Vietnam. 2012. Review of Vietnamese Migration Abroad. Hanoi Vietnam.
- Paitoonpong, Srawooth, and Yongyouth Chalamwong. 2011. *Managing International Labor Migration in ASEAN: A case of Thailand*: Thailand Development Research Institute
- Poole, Peter A. 1967. "Thailand's Vietnamese Refugees: Can They Be Assimilated?" *Pacific Affairs*: 324—332.
- Sanglaoid, Utis, Sumalee Santipolvut, and Laemthai Phuwanch. 2014. "The Impacts of ASEAN Labour Migration to Thailand upon the Thai Economy." *International Journal of Economics and Finance*. No. 6 (8): p. 118.
- SRIKHAM, Watcharee. 2012. "Transnational Labor in the Greater Mekong Sub-region: Vietnamese Migrant Workers in Thailand and the Lao PDR." *International Journal of Humanities & Social Science*. No. 2 (24): 294.
- Sripana, Thanyathip. 2013. "Tracing Hồ Chí Minh's Sojourn in Siam."
- Sripana, Thanyathip. The Socio-Economic Plight of Vietnamese Labor in Malaysia. In *The Work of the 2009/2010 API Fellows*.

- Stark, Oded, and David E. Bloom. 1985. “The new economics of labor migration.” *The American Economic Review*. No. 75 (2):173—178.
- Thin, Trinh Dieu. 2003. “Formation of the Vietnamese community in Thailand.” *Twenty-Five Years of Thai-Vietnamese Relationship*, edited by Thanyathip Sripana, Theera Nuchpiam and Pham Duc Thanh. Bangkok: Institute of Asian Studies, Chulalongkorn University.
- Varophas, Kusol. 1966. “The Vietnamese Refugees in Thailand.” *World Affairs*: 233—238.
- Walsh, John. 2011. “The Vietnamese in Thailand: a History of Work, Struggle and Acceptance.” *Acta Universitatis Danubius. Economica*. No. 7 (McLaughlin).
- Xing, Yuqing, Jean-Christophe Dumont, Nilim Baruah, Philippe Herve, Thomas Liebig, and Jonathan Chaloff. 2014. “Labor migration, skills and student mobility in Asia.”

© Nguyen Tuan Anh, 2017

Article history:

Received: 1 June 2017

Revised: 29 June 2017

Accepted: 24 July 2017

For citation:

Nguyen Tuan Anh (2017) Labor Migration flows from Vietnam to Thailand in the context of ASEAN regional integration. *RUDN Journal of Economics*, 25 (2), 275—282. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-275-282

Bio Note:

Nguyen Tuan Anh. Head of the Department of Social and Economics Affairs, Institute for Southeast Asian Studies, Vietnam Academy of Social Sciences. *Contact information*: e-mail: ahnnguyentuan@gmail.com

ПОТОКИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ ВЬЕТНАМА В ТАИЛАНД В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ АСЕАН

Нгуен Туан Ань

Институт исследований Юго-Восточной Азии, ВАСН
№ 1 — Лие Зай, р-н Ба Динь, Ханой, Вьетнам

Международная миграция была всегда важной и комплексной проблемой в силу тесной связи с различными аспектами политического, социального и экономического развития регионов и стран. В АСЕАН, международная миграция всегда была одной из основных особенностей переходного периода развития АСЕАН (Чантаванич, Ито и Миддлтон, 2013). За последние десятилетия регион добился значительного и впечатляющего роста, став одним из самых динамично развивающихся экономических регионов в мире, а также глубже интегрировался в региональную и глобальную экономику. Возрос спрос на высококвалифицированных специалистов в странах с высоким уровнем дохода, в то время как снизился уровень рождаемости населения, что вызвало увеличение дефицита рабочей силы, например в Таиланде. Для стран с более низким уровнем дохода, наоборот, увеличивается уровень безработицы, например во Вьетнаме и Филиппинах.

Ключевые слова: трудовая миграция, Вьетнам, Таиланд, АСЕАН, региональная интеграция

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 июня 2017

Дата принятия к печати: 24 июля 2017

Для цитирования:

Нгуен Т.А. Потоки трудовой миграции из Вьетнама в Таиланд в контексте региональной интеграции АСЕАН // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 2. С. 275—282. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-2-275-282

Сведения об авторе:

Нгуен Туан Ань, руководитель Департамента социальных и экономических отношений Института исследований Юго-Восточной Азии, Вьетнамской академии социальных наук.
Контактная информация: e-mail: ahnnguyentuan@gmail.com

К АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА»

Общие сведения и тематика журнала

Редакция журнала «Вестник РУДН. Серия: Экономика» приглашает к сотрудничеству авторов — преподавателей, научных работников, аспирантов.

Серия «Экономика» выходит 4 раза в год — в марте, июне, сентябре и декабре. Портфель со статьями в очередной номер «Вестника» формируется постоянно по мере их поступления. С момента поступления статьи в редакцию до выхода журнала из типографии проходит примерно 4—5 месяцев. Редакция журнала не берет денег за публикацию. Важнейшее условие публикации — качественная статья, оформленная в строгом соответствии с требованиями «Вестника».

Журнал публикует статьи в следующих рубриках:

- вопросы экономической теории;
- продвижение экономических реформ в России и других странах СНГ;
- экономическая интеграция и глобализация;
- экономика развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- экономика отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры;
- аналитическая информация и статистика;
- рецензии и пр.

Общие требования, предъявляемые к статьям

1. В «Вестник» представляются статьи, которые не публиковались ранее.

2. Статья должна носить проблемный характер, быть структурированной, т.е. разбитой на подразделы (с подзаголовками, примерно 5—6), которые соответствовали бы тем или иным аспектам рассматриваемой темы.

3. В начале статьи (во введении) должна присутствовать постановка исследовательского вопроса: что Вы хотите показать в Вашей работе; как строится Ваша работа, какой научный результат вы хотите получить.

4. Необходимо дать краткий обзор литературы по теме: кто писал по этой теме, насколько она разработана, какой аспект темы остался неисследованным и будет рассмотрен в Вашей статье, т.е. здесь должна идти речь о новизне Вашего подхода или специфике Вашей позиции. Серьезные работы по теме надо обязательно поместить в список литературы в конце статьи. Если Вы указываете фамилии авторов, в списке литературы обязательно должны быть приведены названия их работ.

5. Работа должна завершаться выводами (Заключение), которые коррелировали бы с поставленными во введении задачами исследования: каков научный результат исследования.

6. Оптимальный объем материалов:

— статьи: до 20 тыс. знаков (включая пробелы);

— обзоры: до 15 тыс. знаков;

— рецензии: до 5 тыс. знаков.

Структура представляемой статьи

1. Название статьи, например: Особенности внутриотраслевой торговли.

2. Фамилия, имя, отчество автора, например: Иванов И.И.

3. Место работы автора, например: Российский университет дружбы народов

4. Адрес места работы автора, например: ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198.

5. Аннотация содержания статьи на русском языке: около 7—8 строк (не менее 700 знаков с пробелами), где представляются основные идеи и выводы работы.

6. Ключевые слова на русском языке (5—6), которые, которые в полной мере характеризуют содержание статьи.

7. Сам текст статьи, обязательно разбитый на подзаголовки, которые отражают логику работы.

8. Литература (т.е. список всей использованной литературы, ссылки на которую даются в самом тексте статьи в квадратных скобках).

9. Название статьи на английском языке (после текста статьи).

10. Фамилия, имя, отчество автора на английском, например: Ivanov I.I.

11. Место работы автора на английском языке.

12. Адрес места работы автора на английском языке.

13. Аннотация на английском языке.

14. Ключевые слова на английском языке.

15. Сведения об авторе (см. ниже).

16. Сведения о рецензентах (см. ниже).

Аннотация

Как указывалось выше, каждая статья должна иметь аннотацию на русском и английском языках. Вот основные требования к аннотации:

1. Объем аннотации: около 7—8 строк (не менее 700 знаков с пробелами).

2. Аннотация не должна просто повторять название работы, цель аннотации состоит в том, чтобы на ее основе читатель смог представить себе, о чем в статье идет речь, и стоит ли ему эту статью читать.

3. В аннотации должно быть четко указано, какие цели автор ставил в своей работе, какие использовал инструменты анализа. Далее надо указать, к каким конкретным выводам пришел автор, каковы основные научные результаты исследования.

4. Обратите внимание на грамотный перевод аннотации на английский язык.

Список литературы, транслитерация и перевод русскоязычных источников

В соответствии с Приказом ректора РУДН № 91 от 8 февраля 2013 г. в целях приведения «Вестник РУДН» в соответствии с требованиями базы данных SCOPUS каждая статья должна содержать два пристатейных списка литературы, первый — под названием **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК** и второй — под названием **REFERENCES**. **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК** содержит традиционно оформленный список литературы на языке оригинала публикации (русский, английский, французский и пр.). **REFERENCES** содержит транслитерацию, а также перевод источника на английский язык.

Как правильно составить список REFERENCES

1. Сначала надо провести транслитерацию всех источников в списке литературы в соответствии с таблицей:

Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит
А	A	З	Z	П	P	Ч	CH
Б	B	И	I	Р	R	Ш	SH
В	V	Й	Y	С	S	Щ	SCH
Г	G	К	K	Т	T	Ъ, Ъ	опускаются
Д	D	Л	L	У	U	Ы	Y
Е	E	М	M	Ф	F	Э	E
Ё	E	Н	N	Х	KN	Ю	YU
Ж	ZH	О	O	Ц	TS	Я	YA

2. Затем после транслитерированного названия статьи/книги/монографии надо перевести русскоязычное название на английский язык и заключить его в квадратные скобки.

3. Источники на языках, где используется латиница, не надо транслитерировать или переводить.

Образцы оформления различных источников (для удобства даны в таблице, однако в тексте сначала идет **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**, а после п. 13, 14 — **REFERENCES**):

- 1) монография одного автора;
- 2) коллективная монография под редакцией;
- 3) статья в научном журнале;
- 4) источник, взятый из Интернета;
- 5) источник на иностранном языке (не меняется ничего).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	REFERENCES
1. <i>Шишков Ю.В.</i> Интернационализация производства — новый этап развития мировой экономики. М.: ИМЭМО РАН. 2009. 92 с.	1. Shishkov Yu.V. Internatsionalizatsiya proizvodstva — novyy etap razvitiy mirovoy ekonomiki [Internationalization — the new stage of the development of world economy]. Moscow, IMEMO RAN. 2009. 92 p.

2. Россия: интеграция в мировую экономику / под ред. Р.И. Зименкова. М.: Финансы и статистика, 2003. 430 с.	2. Rossija: integracija v mirovuju ekonomiku / pod red. R.I. Zimenkova [Russia: Integration into the world economy]. Moscow, Finansy i statistika, 2003. 430 p.
3. Волгина Н.А., Возмилова С.С. Особенности глобальных цепочек стоимости в автомобильной промышленности // Вестник РУДН. Серия «Экономика». 2015. № 2. С. 36—48.	3. Volgina N.A., Vozmilova S.S. Osobennosti globalnykh tsepoček stoimosti v avtomobilnoj promyshlennosti [Global value chains in the automotive industry: modern trends]. Vestnik RUDN. Seriya Ekonomika [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics], 2015, no 2, pp. 36—48.
4. Кондратьев В.В. Автомобильная промышленность: перспективы развития после кризиса. 2010. Октябрь. URL: http://www.perspectivy.info/oikumena/ekdom/avtomobilnaja_promyshlennost_perspektivy_razvitija_posle_krizisa_2010-10-01.htm (дата обращения 01.10.2014).	4. Kondratiev V.V. Avtomobilnaya promyshlennost: perspektivy razvitiya posle krizisa [Automotive industry: development prospects after the crisis]. October 2010. Available at: http://www.perspectivy.info/oikumena/ekdom/avtomobilnaja_promyshlennost_perspektivy_razvitija_posle_krizisa_2010-10-01.htm (Accessed 01 October 2014).
5. Humphrey J., Memedovic O. The Global Automotive Industry Value Chain: What Prospects for Upgrading by Developing Countries. UNIDO. 2003. 62 p.	5. Humphrey J., Memedovic O. The Global Automotive Industry Value Chain: What Prospects for Upgrading by Developing Countries. UNIDO. 2003. 62 p.

Сведения об авторе

В конце статьи необходимо указать сведения об авторе для раздела «Наши авторы»: фамилия, имя отчество (полностью), научная степень и звание, должность, место работы, включая факультет и кафедру. Обязательно указать e-mail и контактный телефон, по которым можно связаться с автором. Пример:

Иванов Иван Иванович — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики экономического факультета Экономического университета (e-mail: ivanov@yahoo.com) 8-926-111-11-11.

Технические требования к оформлению статей

1. Работа должна быть представлена в редакторе Word, формат docx, шрифт Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, размер полей по 2 см, отступ в начале абзаца 1 см, форматирование по ширине.

2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и «вмещаться» в печатное поле страницы. Название таблицы — над таблицей; название рисунка/графика — под рисунком/графиком. Все рисунки и таблицы выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются. На все рисунки и таблицы должна быть ссылка в самом тексте статьи.

3. Переносы в статье не использовать.

4. Все аббревиатуры, используемые в тексте, при первом упоминании должны «расшифровываться».

5. Разрядка текста исключается.

6. Все выделения в тексте статьи — только курсивом (а не жирным шрифтом или подчеркиванием).

7. Смысловые сноски нумеруются по порядку, заключаются в круглые скобки и выносятся в конец статьи в раздел ПРИМЕЧАНИЯ, которые следует сразу за текстом статьи до раздела БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.

8. Ссылки на литературу оформляются так: [номер по списку литературы в конце статьи, страница, если есть], например [7. С. 159]. Списки литературы (а также REFERENCES) в конце составляются в алфавитном порядке.

Что нужно сделать, чтобы подать статью на рассмотрение в «Вестник»

Прислать текст статьи, оформленный в полном соответствии с нашими требованиями, на адрес редакции: vestnik_rudn_ec@yahoo.com только прикрепленным файлом (Microsoft Word). Контактное лицо — заместитель главного редактора серии — Волгина Наталья Анатольевна. Пожалуйста, не забудьте включить в файл с текстом статьи сведения об авторах.

Статьи, оформленные в нарушение требований, не рассматриваются и не возвращаются.

Когда статья принята к публикации

После того, как статья принята к публикации (о чем автор получает уведомление по электронной почте), автор должен оформить подписку на «Вестник РУДН. Серия: Экономика» для того, чтобы иметь свой печатный экземпляр статьи. Вот бланк для подписки на почте, где Вы легко можете изменить данные и поставить нужное полугодие и нужный год.

Подписку можно осуществить не только на почте, но и в редакции журнала «Вестник».

Телефон Издательства РУДН (для оформления подписки) 8-495-955-08-85.

ф. СП-1	Министерство связи РФ Российской Федерации										
	АБОНЕМЕНТ на журнал	36431 (индекс издания)									
ВЕСТНИК РУДН Серия «Экономика»		Количество комплектов:									
(наименование издания)											
на 2016 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						×	×	×	×	×	×
Куда											
(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому											
(фамилия, инициалы)		Тел.:									

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА											
		на журнал 36431 (индекс издания)									
ПВ	место	литер									
ВЕСТНИК РУДН Серия «Экономика»											
(наименование издания)											
Стоимость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплектов:								
	пересылки	руб. ___ коп.									
на 2016 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						×	×	×	×	×	×
Куда											
(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому											
(фамилия, инициалы)		Тел.:									

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36431

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Экономика»

Количество
комплектов:

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

36431

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Экономика»

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)